

Генри Хаггард

Люди тумана

Генри Райдер Хаггард

Люди тумана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125062

Аннотация

«Люди тумана» – остросюжетный роман. Действие его разворачивается в Африке. В поисках сокровищ «земли тумана» его герои Леонард, Хуанна и Оттер претерпевают самые невероятные приключения.

Содержание

I. Грехи отцов падают на детей	6
II. Клятва	18
III. Семь лет спустя	30
IV. Похороны	36
V. Оттер дает совет	47
VI. Рассказ Соа	53
VII. Леонард клянется кровью Аки	63
VIII. Отправление	73
IX. Гнездо желтого дьявола	82
X. Леонард составляет план действий	94
XI. Храбрость Оттера	106
XII. Аукцион...	116
XIII. Полночное бракосочетание	131
XIV. Мечь	145
XV. Разочарование	151
XVI. Недоразумения	161
XVII. Смерть Мэвума	166
XVIII. Соа показывает зубы...	173
XIX. Конец путешествия	180
XX. Возвращение Аки	186
XXI. Безумие Оттера	195
XXII. Храм Джала	206
XXIII. Как Хуанна покорила Нама	217

XXIV. Рассказ Олфана о рубинах	225
XXV. Жертвоприношение по новому обряду	233
XXVI. Последний из поселенцев	240
XXVII. Отец и дочь	248
XXVIII. Хуанна кривит душой	258
XXIX. Испытание богов	266
XXX. Искупительная жертва Франсиско	276
XXXI. Белая заря	288
XXXII. Как Оттер сражался со змеем	296
XXXIII. В западне	304
XXXIV. Последний аргумент Нама	315
XXXV. Будь благородным или низким!	321
XXXVI. Как Оттер вернулся из пещеры Змея	333
XXXVII. «Я вознагражден, королева!»	340
XXXVIII. Торжество Нама	350
XXXIX. Переправа по ледяному мосту	359
XL. Прощание Оттера	368

Генри Райдер Хаггард

Люди тумана

* * *

I. Грехи отцов падают на детей

Наступила ночь. В холодном январском воздухе стояла такая тишина, что ни одна веточка обнаженных буковых деревьев не шевелилась; луговая трава была покрыта тонким белым слоем снега, на котором резко выделялись темные ели, окаймлявшие дорогу.

В тот вечер, с которого начинается наш рассказ, на этой дороге стоял молодой человек, посматривавший нерешительно вправо и влево. Вблизи виднелись величественные железные ворота фантастического вида, поддерживаемые каменными столбами, на вершине которых стояли грифы из черного мрамора, державшие в лапах щиты с гербом, украшенным девизом – «Per ardua ad astra». За воротами шла широкая дорога для экипажей, по краям которой темнели вековые дубы. В конце дубовой аллеи, почти в полумиле от проезжей дороги, возвышалось большое старинное здание, заметное издали, благодаря возвышению, на котором оно стояло.

Молодой человек долго и серьезно смотрел на здание, глядевшее на него с холма, и лицо его подернулось дымкой печали. Он был довольно красив, хотя, казалось, с него уже слетело все очарование юности. Сумрачный, суровый вид, стройная фигура, атлетическое телосложение, средний рост – таким был на вид Леонард Утрам – так звали молодого че-

ловека.

Пока Леонард медлил на дороге, не решаясь, по-видимому, при всем своем желании, пройти в желанные ворота, слышался шум колес экипажей, отъезжавших от подъезда большого здания.

– Должно быть, аукцион кончился, – скорее бы разделаться со всеми! – подумал он и хотел удалиться, но один из экипажей был уже у ворот, и Леонард поспешил спрятаться в тень от каменного столба ворот, чтобы не быть замеченным на открытой дороге. У самых ворот экипаж остановился, и кучер, соскочив с козел, стал поправлять что-то в упряжи, так что Леонард мог разглядеть седоков: жену и дочь соседнего сквайра, и слышать их разговор. Он хорошо знал этих дам: с младшей ему часто приходилось встречаться на местных балах.

– Как дешево шли вещи, Ида, – произнесла старшая из дам, – подумать только, что старинный дубовый буфет пошел всего за десять фунтов. Это старинная вещь, и я уверена, что цена ему, по меньшей мере, пятьдесят фунтов. Я продам наш и поставлю его в столовой. Давно уже я мечтала о таком буфете!

Дочь вздохнула и отвечала немного резко:

– Мне так жаль Утрамов, что нет никакого дела до этого буфета, даже если бы вы приобрели его за два пенса. Какое страшное разорение! Подумать, что это старинное поместье куплено евреем! Том и Леонард совершенно разорены; гово-

рят, им не останется ни одного пенса. Я чуть не заплакала, увидав, как продавали ружья Леонарда!

– Очень печально, в самом деле, – рассеянно отвечала мать, – но если он и еврей, то что же из этого? У него есть титул и, говорят, он страшно богат. Думаю, что он скоро совсем поселится в Утраме. Кстати, милая Ида, я хотела бы, чтобы ты излечилась от привычки называть молодых людей просто по имени. Я говорю это не о тех двоих, которых мы, без сомнения, не увидим больше никогда!

– А я, наоборот, надеюсь, что увидим, – смело отвечала Ида, – и по-прежнему буду звать их просто по имени. Вы не запрещали подобного до их разорения, и я люблю их обоих. Зачем вы взяли меня на этот ужасный аукцион? Вы знали, что я не хотела ехать. Теперь я буду расстроена целую неделю... – и экипаж отъехал, так что Леонард не мог ничего более слышать. Выйдя из тени, он, перекрестив удалявшийся экипаж, проговорил громко: «Благослови вас Бог за ваше доброе сердце, Ида! Дай Бог вам счастья! – А теперь надо закончить с другим делом!» – прибавил он, зашагав вдоль дороги.

Ярдах в ста далее по дороге видны были еще одни ворота, гораздо менее величественные, чем те, которые вели к Утрам-Холлу. Леонард прошел через них и очутился перед дверьми четырехугольного каменного здания, построенного с большим вкусом. Это был дом приходского священника, занимаемый преподобным и уважаемым Джемсом Би-

чем, которому здание это было подарил отец Леонарда, старый школьный товарищ священника.

Леонард позвонил у входа и, заслышав отдаленный звук звонка, невольно спросил себя, какой прием он встретит теперь в этом доме?

До сих пор его принимали очень сердечно, но сейчас обстоятельства изменились. Он уже не занимал в обществе положения второго сына сэра Томаса Утрама, владельца Утрам-Холла. Он был теперь нищим, бездомным бедняком, сыном злостного банкрота и самоубийцы. Беззастенчивые слова старой дамы из экипажа пролили свет на многое, чего он ранее не замечал. Он вспомнил известную поговорку – дружба следует за счастьем, – значение которой стало ясно ему только теперь. Пришли ему на память и часто слышанные им в церкви слова Священного Писания: «имуществу дается, а от неимущего отнимается и то, что он имеет».

Впрочем, хотя он и бедняк, но все-таки обладает еще сокровищем, которое Провидение может дать человеку в юности – любовь перелестной женщины, которой он отвечал взаимностью.

У преподобного Джемса Бича была дочь по имени Джен, пользовавшаяся репутацией красивейшей и очаровательнейшей девушки во всей округе. Леонард и эта девушка, знавшие друг друга со школьных лет, полюбили, и, когда молодой человек сделал Джен предложение, оно было принято с восторгом.

Целью этого посещения Леонардом дома священника было увидеть Джен и обговорить все с ее отцом относительно брака. Надо сказать, что его обручение с молодой девушкой не было официально объявлено.

Конечно, со стороны ее родителей не встречалось никакого препятствия браку: хотя Леонард и был младший сын, но все хорошо знали, что он должен наследовать после своей матери состояние в 50 тысяч фунтов, или более. Кроме того, Провидение дало крайне слабое здоровье его старшему и единственному брату Томасу. Но сэр Томас Утрам пользовался репутацией гордого человека и едва ли взглянул бы благосклонно на брак Леонарда с дочерью мистера Бича. Ввиду этого родители Джен, узнав о сделанном ей Леонардом предложении, решили воздержаться от всяких внешних проявлений радости из-за того, что дочь их пленила такого блестящего молодого человека, по крайней мере, до тех пор, пока Леонард не добьется самостоятельного положения в обществе.

Очень часто впоследствии они хвалили себя за предосторожность; тем не менее, они признавали Леонарда обрученным женихом своей дочери. В общем, дело это не было секретом ни для кого, исключая, может быть, самого сэра Томаса. Со своей стороны, Леонард не давал себе труда скрывать что-либо от него, но отец и сын так редко встречались друг с другом, и отчуждение между ними было настолько велико, что сын не считал нужным говорить отцу о предмете, столь

близком его сердцу, не видя пока необходимости в этом.

Преподобный Джемс Бич был здоровый мужчина внушительного вида. Никогда он не выглядел более здоровым и внушительным, как в тот вечер, когда Леонард пришел к нему. Он стоял перед камином в гостиной, держа в обеих руках огромную старинную серебряную чашу в таком положении, что со стороны можно было бы подумать, что он только что осушил ее содержимое. В действительности он искал клеймо на дне сосуда, все время расхваливая жене и детям – у Джен был брат – ценность и красоту старинной вещи.

Блеск серебра бросился в глаза Леонарду, когда он вошел в комнату; в серебряном сосуде, которым восхищался м-р Бич, он узнал одну из вещей, принадлежавших семье Утрамов.

Неожиданное появление молодого человека произвело различное впечатление на всех находившихся в комнате. М-р Бич, опустив чашу, в молчаливом изумлении стал смотреть на него. Жена его, маленькая живая женщина, круто повернувшись в своем кресле, как на пружинах, воскликнула: «Боже, кто бы мог подумать!», тогда как сын, крепкий молодой человек, одних лет с Леонардом и его школьный товарищ, произнес: «А, дружище, вот не ожидал тебя увидеть сегодня». Только Джен, прелестная девушка высокого роста, с густыми каштановыми волосами, сидевшая у огня на низеньком стуле и уделявшая мало внимания лекции отца о старинной вещи, выразила живое удовольствие при появле-

нии Леонарда. Радостно вскочив со своего места и покраснев, она бросилась к нему со словами: «О, Леонард, дорогой Леонард!».

М-р Бич обратил свои очи на дочь и произнес внушительно одно только слово: Джен! – таким тоном, в котором счастливо сочетались отеческий упрек и дружеское предостережение. Джен внезапно остановилась, словно вспомнив недавний урок. Тогда м-р Бич, поставив чашу на стол, приблизился к Леонарду с широкой улыбкой сострадания и протянутой рукой.

– Как вы поживаете, мой милый? – произнес он. – Мы не ожидали...

– Видеть меня при настоящих обстоятельствах? – перебил его Леонард. – Я узнал, – продолжал он, – что аукцион, отсроченный на три дня, не закончен и сегодня!

– Да, Леонард, совершенно верно. Сначала была назначена трехдневная распродажа, но аукционист нашел, что за это время он не может покончить со всем делом. Движимость такого древнего дома, как Утрам-Холл, конечно, должна быть огромна! – и м-р Бич сделал рукою широкий жест.

– Да! – сказал Леонард.

– Гм... – продолжал м-р Бич после паузы, которая начинала становиться неловкой. – Все-таки, вас можно поздравить с тем, что, в общем, вещи продавались хорошо. Не всегда случается, что такие коллекции редкостей дорого оцениваются на публичных аукционах, хотя для самих владельцев

они и представляли большую ценность. Да, они продавались очень хорошо, главным образом, благодаря многочисленным покупкам нового владельца поместья. Вот, например, эта чаша, купленная мною... Гм... как маленькая память о вашей семье, стоила мне всего десять шиллингов за унцию!

– В самом деле? – холодно отвечал Леонард. – Я всегда думал, что она стоит пятьдесят!

Наступила новая пауза, во время которой все присутствующие, за исключением м-ра Бича и Леонарда, один за другим поднялись со своих мест и оставили комнату. Джен ушла последней со слезами на глазах, как заметил Леонард, когда она проходила мимо него.

– Джен! – произнес значительно ее отец, когда молодая девушка была уже у двери. – Позаботься вовремя одеться завтра к обеду. Вспомни, что у нас будет молодой м-р Коген!

Вместо ответа на это замечание Джен ушла, хлопнув дверью. Очевидно, предстоявшее прибытие гостя не было особенно приятно для нее.

– Да, Леонард, – продолжал м-р Бич, когда они остались одни, тоном, выражающим участие, но который все же страшно резал ухо его слушателя, – печальное событие, печальное. Но что же вы не сели?

– Потому что меня никто не приглашал! – отвечал Леонард, беря стул. – Гм... – продолжал м-р Бич, – кажется, м-р Коген ваш друг, не правда ли?

– Знакомый, а не друг! – сказал Леонард.

– В самом деле? Если не ошибаюсь, вы учились с ним в одном колледже?

– Да, но я не любил его!

– Предубеждение, мой дорогой, предубеждение, – небольшой грех, конечно, но все же вам следует бороться с ним. Правда, вполне естественно, что вы не можете тепло относиться к человеку, который будет на днях собственником Утрам-Холла. Ах, как я уже сказал, все это очень печально, но для вас большое утешение в том, что по продаже всего можно будет покрыть полностью долги вашего несчастного отца. А теперь скажите, не могу ли я сделать чего-нибудь для вас или вашего брата?

Леонард подумал, что каковы бы ни были проступки его отца, все же едва ли намек на них был уместен в устах м-ра Бича, обязанного всем на свете его доброте. Но он не стал ничего говорить в защиту своего отца, – это было бесполезно, а перешел прямо к собственным делам.

– Да, м-р Бич, – сказал он серьезно, – вы можете оказать мне большую услугу. Вы знаете жестокое положение, в которое попали я и мой брат, без всякой вины с нашей стороны: наш старый дом продан, наши средства исчезли, и наше честное имя запятнано. В настоящее время у меня осталось всего 200 фунтов, сохраненных мною. У меня нет профессии, и я не могу даже закончить своего образования, не имея средств заплатить за пребывание в колледже!

– Плохо, должен сказать, очень плохо, – пробормотал м-

р Бич, потирая подбородок. – Но при настоящем положении дел чем же я могу помочь вам? Вы должны уповать на Провидение; оно никогда не покидает достойных!

– Вы можете помочь мне, – отвечал взволнованно Леонард, – оказав мне доверие объявлением о моей помолвке с Джен!

М-р Бич сделал движение рукою, как бы отмахиваясь от надоедавшего ему сумасшедшего.

– Подождите, – продолжал Леонард, – я знаю, что прошу многого, но слушайте. Хотя все и обстоит мрачно, но у меня осталась вера в себя. С той поддержкой, которую даст мне любовь вашей дочери, и зная, что для получения ее руки я должен буду сначала достичь того положения, какого достойна Джен, я совершенно убежден, что буду способен собственными силами преодолеть все трудности!

– Ну, я не могу больше слушать такой вздор! – вскричал гневно м-р Бич. – Леонард, это наглость! Конечно, все отношения, существовавшие до сих пор между вами и Джен, должны прекратиться. Помолвка! Я не слышал ни о какой помолвке. Мне известно, что между вами и Джен были действительно какие-то детские глупости, но я не придавал им никакого значения!

– Вы, кажется, забыли, сэр, – сказал Леонард, с трудом сдерживая раздражение, – что не далее, как шесть месяцев тому назад, между вами и мною был разговор по этому поводу, во время которого было решено, что я не буду говорить

ничего моему отцу до получения степени!

– Повторяю вам, что это наглость, – отвечал энергично мр Бич, уклоняясь от прямого ответа. – Как! Вы, не имеющий ничего на свете, кроме имени, которое ваш отец... ну, запятнал, – употребляю ваше же выражение, – вы просите у меня руки моей дорогой дочери? Вы настолько эгоистичны, что не только хотите разрушить ее счастье, но и увлечь ее в бездны вашей бедности. Леонард! Я никогда не ожидал этого от вас!

Наконец Леонарда взорвало.

– Вы говорите неправду. Я просил у вас не руки вашей дочери, а только обещания ее, когда я стану достойным этой чести. Но теперь все кончено. Я уйду, как вы того требуете, но прежде скажу вам всю правду. Вы желаете воспользоваться красотой Джен, чтобы залучить этого еврея. О ее счастье вы не думаете, рассчитывая просто на его деньги. Она мягкого характера, и очень возможно, что вам удастся ваш замысел, но это не принесет вам счастья. Вы, обязанный всем нашей семье, теперь, когда несчастье обрушилось на нас, лишаете меня единственного сокровища, которое еще оставалось у меня. Разрывая связь, о которой все знали, вы толкаете нас еще глубже в грязь. Пусть будет так, но я уверен, что такое поведение найдет должное возмездие, и придет время, когда вы будете горько раскаиваться в том, что так поступили с вашей дочерью и отвернулись от меня в несчастье. Прощайте!

С этими словами Леонард, повернувшись, оставил комна-

ту и жилище м-ра Бича.

II. Клятва

Артур Бич, брат Джен, стоял в передней, ожидая выхода Леонарда, но последний прошел мимо него, не сказав ни слова, и захлопнул за собой дверь. На дворе шел снег, но не такой густой, чтобы затмить свет луны, пробивавшийся сквозь чащу елей.

Леонард пошел по аллее к воротам и внезапно услышал глухой шум за собой. Он обернулся с неудовольствием, думая, что за ним следует Артур Бич. В эту минуту он был совсем не намерен продолжать разговор с кем-либо из мужчин этой семьи. Но неудовольствие его превратилось в радость, когда он очутился лицом к лицу не с Артуром Бич, а с самой Джен, лицо которой никогда не казалось ему таким прекрасным, как сейчас, при падавшем снеге и лунном свете. Впоследствии, когда бы ни думал Леонард о ней, – а это случалось часто, – в его воображении вставал образ прелестной высокой девушки, с каштановыми волосами, слегка припорошенными снегом, с тяжело поднимавшейся от волнения грудью и большими серыми глазами, с состраданием глядевшими на него.

– О, Леонард! – взволнованно проговорила она. – Почему вы ушли, не попрощавшись со мной?

Он смотрел на нее молча, прежде чем отвечать, и что-то в его сердце сказало ему, что он в последний раз смотрит на

любимую девушку.

Наконец он заговорил, и слова его были весьма прозаичны:

– Вам не следовало идти по снегу в этих тонких ботинках, Джен. Вы можете простудиться!

– Я хочу, чтобы это случилось, – с отчаянием отвечала она, – я хочу простудиться насмерть; по крайней мере, тогда моя тревога исчезнет. Пойдем в беседку; никто не подумает искать нас там!

– Как вы пойдете туда? – спросил Леонард. – Отсюда до беседки сто ярдов, и снег везде покрыл дорожки!

– О, ничего, что снег! – отвечала она. Но Леонард думал иначе, однако, тотчас нашел выход из затруднительного положения. Убедившись сначала, что на аллее никого не было, он наклонился и без всяких объяснений и извинений, подняв Джен на руки, как ребенка, пошел с нею по дорожке к беседке. Она была тяжела, но он желал, чтобы этот переход продолжался как можно дольше.

Вот они оба в беседке. Леонард поцеловал Джен в губы и уселся у ее ног. Затем, сняв свое пальто, он набросил его на плечи девушке.

За все это время Джен не произнесла ни слова. Бедная девушка почувствовала себя настолько счастливой на руках у любимого человека, что ей больше ничего не было нужно.

Леонард первый прервал молчание.

– Вы спросили меня, почему я ушел, не простившись с

вами, Джен? Это потому, что ваш отец отказал мне от дома и запретил иметь что-либо общее с вами!

– Почему же? – спросила девушка, заломив в отчаянии руки.

– Разве вы не догадываетесь? – отвечал он с горьким смехом.

– Да, Леонард! – простонала она, сочувственно пожав ему руку.

– Быть может, лучше прямо сейчас выяснить все, – произнес снова Леонард, это может устранить различные недоразумения. Ваш отец отказал мне от дома потому, что мой отец растратил состояние. Грехи отцов падают на детей, как видите. Сделал он это с большей, чем обычно, решительностью и быстротой потому, что желает выдать вас замуж за молодого м-ра Когена, ростовщика и будущего владельца Утрама!

Джен вздохнула.

– Знаю! Знаю! – сказала она. – О, Леонард, я ненавижу его!

– В таком случае, лучше не выходить за него! – отвечал он.

– Я скорее умру! – решительно произнесла она.

– К несчастью, не всегда можно умереть, когда хочешь!

– О, Леонард, не будьте таким ужасным, – вскричала она. – Что будет с вами, и что мне теперь делать?

– Меня ждет, вероятно, очень печальная судьба, – отвечал он, – но, в конце концов, все зависит от вас. Смотрите, Джен! Я люблю вас, охотно пошел бы на смерть за вас, и если вы

будете верны мне, то я всегда останусь верен вам. Счастье пока отвернулось от меня, но я могу снова вернуть его, это вопрос времени, однако быть может, не одного года!

– О, Леонард, конечно, я сделаю все, что могу. Я уверена, что вы любите меня не больше, чем я вас, но только вы не можете понять, как они все настраивают меня против вас, особенно папа!

– Хорошо, Джен, – сказал Леонард, – дело вот в чем: или вы должны положить конец их настояниям, или отказаться от меня. Послушайте: через шесть месяцев вам будет двадцать один год, и тогда никакие силы на свете не могут принудить женщину выйти замуж против ее желания, или помешать ее замужеству с избранным ею человеком. Затем, вы знаете мой клуб в городе. Письма, адресованные туда, всегда дойдут до меня, а ваш отец вряд ли сможет помешать вам написать письмо и опустить его в почтовый ящик. Если вы будете нуждаться в моей помощи или захотите, так или иначе, быть со мной, то вам достаточно написать мне, и я вас увезу и женюсь на вас тотчас же, как только вы достигнете совершеннолетия. Если, с другой стороны, я не получу от вас никаких известий, то буду знать, что вы не нашли нужным мне писать, или могли бы написать только то, что мне было бы тяжело читать. Вы меня поняли, Джен?

– О, да, Леонард! Но как безотрадно вы смотрите на все!

– Мои обстоятельства так же безотрадны, моя милая: при том, я должен быть откровенным – ведь это у меня послед-

няя возможность говорить с вами!

В этот момент резкий голос раздался в ночной тишине; то был голос м-ра Бича, звавшего издали дочь: Джен! Где ты?

– О, Боже! – сказала она. – Это мой отец зовет меня. Я вышла через заднюю дверь, но, должно быть, мама зашла в мою комнату и увидела, что я вышла. Целый день она не спускает с меня глаз; что мне делать?

– Вернуться домой и сказать им, что вы прощались со мной. Это не преступление; не убьют же вас за это!

– Они сделают хуже! – отвечала Джен, – и, внезапно обвив руками шею Леонарда, она спрятала свое прекрасное лицо у него на груди, горько рыдая и приговаривая: О, милый, милый, что я буду делать без вас?

При виде этой скорби, Леонард забыл горькие мысли и, смешивая свои слезы со слезами Джен, принялся целовать и утешать ее. Наконец, Джен оторвалась от Леонарда, так как м-р Бич продолжал звать ее все настойчивее.

– Я забыла, – пробормотала она, – вот мой прощальный подарок для вас, Леонард; сохраните его на память обо мне! – и, вынув из своего лифа маленький пакет, она отдала его Леонарду.

Еще раз они склонились друг к другу; последний поцелуй, – и в следующий миг она исчезла в темноте, скрывшись из глаз Леонарда на всю жизнь, хотя в его памяти она осталась навсегда.

«Прощальный подарок... сохраните его на память обо

мне!» – эти слова звучали в его ушах печальным пророчеством.

Тяжело вздохнув, он открыл пакет и рассмотрел его содержимое при слабом свете луны: то был переплетенный в кожу молитвенник, ее собственный, с ее именем на заглавном листе и короткой надписью внизу; в боковом кармашке переплета лежал локон каштановых волос, перевязанный шелковинкой.

– Несчастливый подарок! – сказал сам себе Леонард, и, надев свое пальто, еще теплое от плечей Джен, пошел к воротам и вскоре исчез в темноте, направив свои стопы к сельской гостинице. Он скоро подошел к ней и, войдя в общий зал, прошел в маленькую комнату, примыкавшую к нему. Когда Леонард вошел, в комнате не горела лампа, но было довольно светло от яркого огня в камине, перед которым в высоком кресле сидел его брат, задумчиво смотревший на огонь.

Томас Утрам был старше Леонарда двумя годами, более слабого телосложения, чем его младший брат, с мечтательным выражением лица, большими задумчивыми глазами и нежным, как у ребенка, ртом. Он был хорошо образован, начитан, с утонченным вкусом.

– Это ты, Леонард? – сказал он, рассеянно взглянув на брата. – Где ты был?

– В пасторате! – отвечал его брат.

– Что же ты там делал?

– Ты хочешь знать?

– Конечно. Видел Джен?

Леонард рассказал ему все, что произошло в доме у м-ра Бича.

– Что же, ты думаешь, она будет делать? – спросил Том, когда его брат окончил свой рассказ.

– По моему мнению, она сделает то, чего можно ожидать от любой женщины на ее месте, т. е. бросит меня!

– Ты, кажется, дружище, невысокого мнения о женщинах. Я мало знаю их, да, вероятно, и не узнаю более; но мне всегда казалось, что в том-то и состоит достоинство их пола, что они умеют быть твердыми в подобных исключительных обстоятельствах!

– Ну, это мы увидим. Я полагаю, что женщины думают более всего о своих собственных удобствах, чем о счастье кого бы то ни было. Но, слава Богу, вот нам несут ужин!

Так говорил Леонард несколько цинично, и, быть может, не совсем искренно.

Несмотря на свое кажущееся удовольствие при виде ужина, он едва притронулся к нему. В самом деле, молодой человек был достоин сострадания. Он стал жертвой страшного разорения; поступок отца, запятнавшего честь всей семьи, бросил тень и на него. Наконец, новое несчастье поразило его: ему позорно было отказано от того дома, где он до сих пор был самым желанным гостем; и в довершение всего он расстался с женщиной, которую горячо любил, расстался

при таких обстоятельствах, которые делали эту разлуку почти наверняка окончательной.

Леонард обладал даром понимания человеческого характера и таким благоразумием, которого трудно было ожидать от влюбленного молодого человека. Он хорошо знал, что основной чертой характера Джен было стремление покоряться обстоятельствам и неспособность преодолевать препятствия. Благоразумие же подсказывало ему, что покорность отцу со стороны Джен будет самым лучшим для нее выходом. В самом деле, что он, Леонард, может теперь предложить ей, и не сон ли все его мечты о будущем благополучии? Как ни грубо м-р Бич высказал свои мысли, все же он, пожалуй, прав в том отношении, что он, Леонард, эгоист и наглец; в самом деле, разве не эгоизм и не наглость предлагать женщине связать с ним свою судьбу при настоящем положении его дел?

Когда со стола было убрано и они очутились снова одни в комнате, Том спросил у брата, печально курившего трубку:

– Что мы будем делать сейчас, Леонард?

– Ляжем спать, я полагаю! – отвечал тот.

– Слушай, Леонард, – произнес его брат. – Не бросить ли нам последний взгляд на наше старое жилище?

– Если ты хочешь, Том, но это будет тяжело!

– Одной неприятностью больше, одной меньше – безразлично, дружище! – произнес Том, положив свою тонкую руку на плечо брата.

Оба вышли из дома и через четверть часа ходьбы очутились у замка. Снег перестал идти, и ночь была светлая. Тем не менее, она скрывала от глаз посторонних тот беспорядок, который царил в Утрам-Холле после аукциона, придавая ему днем самый безотрадный вид.

Никогда старый дом не выглядел более величественным, никогда более красноречиво не говорил о прошедшем двум братьям, лишившимся своего наследственного владения. Они в молчании обошли вокруг дома, с любовью вглядываясь в каждое хорошо знакомое дерево, в каждое окно и, наконец, подошли к главному входу. Скорее машинально, нежели сознательно, Леонард повернул ручку двери. К его удивлению она открылась. Очевидно, в суматохе аукциона никто не позаботился запереть ее.

– Войдем! – сказал Леонард.

Братья вошли и стали переходить из одной комнаты в другую, пока не добрались до большой залы, – обширной, отделанной под дуб комнаты, с большим окном. Цветные стекла этого окна были покрыты изображениями гербов мужских и женских представителей разных поколений рода Утрамов. Два стекла оказались свободны от рисунков: на них должны были находиться гербы Томаса Утрама и его жены.

– Они не будут заняты теперь, Леонард! – сказал Том, указывая на свободные стекла. – Интересно, не правда ли, чтобы не сказать – печально?

– Не знаю, – отвечал его брат, – я думаю, что эти Когены

тоже будут кичиться каким-либо гербом, если они купят его!

Оба брата замолкли и при лунном свете, падавшем через цветные стекла, глядели на памятники былого величия – гербы и портреты многих умерших представителей рода Утрамов, смотревшие на них со стен.

– *Per ardua ad astra*, – сказал Том, рассеянно читая семейный девиз, замененный некоторыми членами рода другим – за честь, дом и любовь.

– *Per ardua ad astra* – через тернии к звездам и за честь, дом и любовь, – повторил Том. – Если в девизах можно искать утешение, то скорее всего в этих двух: ваша любовь разбита, наш дом отнят и наша честь запятнана. Но нам остается еще – «борьба и звезды»!

В то время как Том говорил это, на лице его отразился энтузиазм:

– Леонард, – воскликнул он, – почему бы нам не восстановить прошедшее? Будем руководствоваться этим девизом, более древним – *Per ardua ad astra*!

– Я верю, что он обещает одному из нас счастье. Отчего не попробовать, – отвечал Леонард. – Если мы падем в борьбе, то все-таки звезды останутся у нас, как и у всего человечества!

– Леонард, – проговорил его брат почти шепотом, – хочешь ли ты произнести вместе со мною клятву? Это, может быть, детская мысль, но при некоторых обстоятельствах в таких-то мыслях и скрывается мудрость!

– Какую клятву? – спросил Леонард.

– Вот какую: поклянемся, что покинем Англию и будем искать богатства на чужбине, чтобы иметь возможность выкупить наш родовой замок, что мы до тех пор не вернемся сюда, пока не достигнем своей цели, и что одна смерть может положить конец нашим стремлениям!

Леонард, помедлив одно мгновение, отвечал:

– Если Джен потеряна для меня, то ничто не может помешать мне произнести эту клятву!

Затем Том, в сопровождении своего брата, направился в середину зала, где на большом пюпитре лежала старинная библия. Положив руки на священную книгу, он начал произносить слова клятвы громким голосом, не оставлявшим никакого сомнения в серьезности его намерений и полным веры в себя.

– Клянемся этой священной книгой и Богом, создавшим нас, что оставим этот дом, принадлежавший нам, и никогда больше не взглянем на него до тех пор, пока он опять не станет нашим. Клянемся, что будем стараться достичь этой цели нашей жизни, пока смерть не уничтожит нас, и пусть позор и нищета поразят нас, если мы, будучи в здравом уме и полные сил, откажемся от этой клятвы. В этом помоги нам, Боже!

– В этом помоги нам, Боже! – повторил Леонард.

Так в доме своих предков, перед лицом Творца и перед портретами умерших представителей рода, Томас и Леонард

Утрамы посвятили себя великой цели.

Быть может, как сказал один из них, их замысел казался просто детской мыслью, но при всем том он был трогателен.

На следующий день они отправились в Лондон, где прожили несколько дней, но ни одной строки не пришло от Джен Бич; плохо ли, хорошо ли, но цепь клятвы, произнесенной Леонардом, обвилась вокруг его шеи.

Три месяца спустя оба брата приближались к берегам Африки, к земле «Людей тумана».

III. Семь лет спустя

– Сколько времени, Леонард?

– Семь часов, Том.

– Уже семь? На заре я умру, Леонард!

– Ради Бога, не говори так, Том. Если ты все время будешь думать о смерти, то действительно умрешь!

Больной глухо засмеялся.

– Не в словах дело, Леонард. Я чувствую, что моя жизнь угасает, как догорающий огонь. Мой ум еще совершенно ясен, но тем не менее я умру на заре. Лихорадка совсем изнурила меня. Я бредил, Леонард?

– Немного, дружище! – отвечал Леонард.

– О чем я говорил?

– Больше всего о доме, Том!

– О доме! У нас его нет, Леонард. Он продан. Сколько времени мы находимся на чужбине?

– Семь лет!

– Семь лет! Да! Ты помнишь, как мы прощались с нашим старым домом в ту зимнюю ночь после аукциона? Помнишь, что мы тогда решили?

– Да!

– Повтори это!

– Мы поклялись, что будем стараться разбогатеть, чтобы выкупить Утрам, и что одна только смерть может освободить

нас от этой клятвы. Мы поклялись, не достигнув нашей цели, не возвращаться в Англию. Затем мы отправились в Африку. В течение семи лет мы старались обрести богатство, но у нас едва хватает средств, чтобы поддерживать свое существование!

– Леонард! Теперь ты единственный наследник нашей клятвы и нашего древнего имени, по крайней мере, через несколько часов будешь им. Я старался исполнить мой обет до самой смерти. Ты освободишься от клятвы, когда достигнешь цели, или умрешь. Борьба досталась мне в удел, быть может, ты достигнешь звезды. Будешь ли ты стремиться к нашей цели, Леонард?

– Да, Том!

– Дай мне руку в знак этого, дружище!

Леонард Утрам наклонился к умирающему брату, и оба они пожали друг другу руки.

– Теперь я засну; я утомлен. Но ты не бойся, я проснусь перед... концом.

Едва последние слова слетели с его уст, как глаза закрылись, и он впал в оцепенение или сон.

Леонард сел на пустой бочонок от джина, заменявший стул. Шум бури доносился в кафрскую хижину, построенную из травы и веток, где братья нашли себе приют. Ветер проникал в нее через сотню отверстий, колебля пламя лампы и поднимая со лба больного волосы. Время от времени дождь принимался ливмя лить, и вода через травяную крышу хи-

жины стекала на земляной пол. Леонард подошел к двери хижины или, скорее, к низкому полукруглому отверстию, служившему дверью, и отодвинул доску, прикрывавшую его. Хижина их стояла на склоне большой горы, у подошвы которой было море кустарников, а кругом виднелись фантастические очертания гор. Черные облака закрывали лунный диск, но по временам небо прояснялось; тогда окружающая местность открывалась во всей ее необъятности и ужасающей пустынности.

Леонард закрыл дверное отверстие и, вернувшись к своему брату, пристально посмотрел на него. Несколько лет тяжелых трудов и лишений не стерли с лица Томаса Утрама его удивительной красоты, но отпечаток смерти был сейчас на нем.

Леонард вздохнул, и, пораженный какой-то мыслью, отыскал кусок зеркала. Поднеся его близко к свету лампы, он стал всматриваться в свои собственные черты. В зеркале отражался красивый человек, с бородой, загорелый, со смелым взглядом, присущим тому, кто привык к постоянным опасностям, кудрявыми волосами и широкими плечами; не особенно высокий, но с мощным телосложением. Хотя он был еще молод, но мало юношеского осталось в его облике; конечно, труд и борьба наложили на него отпечаток, закалив его. Лицо имело доброе выражение, но большинство людей предпочли бы видеть дружбу в этих пронизательных черных глазах, нежели искру вражды. Леонард был опасный враг, и

его долгая борьба со светом заставляла его иногда видеть врагов там, где они не существовали.

Несколько часов просидел Леонард в задумчивости у постели брата, всматриваясь в его лицо, которое то оставалось спокойным и бледным, то вспыхивало и казалось тревожным.

Наконец, Томас Утрам открыл глаза и посмотрел на Леонарда, но последний знал, что брат его видит не таким, каким он был на самом деле. Глаза умирающего пытливо глядели на него, и Леонард чувствовал, что тот видит в его лице что-то такое, что не могло быть видно никому другому. Этот испытующий взгляд был так странен, что Леонард не мог его выдержать и окликнул брата, но не получил ответа, а большие глаза умирающего продолжали читать в той книге, которая скрыта для живых, но совершенно понятна для умирающих.

Зрелище смерти всегда страшно; страшны последние вспышки жизни, эта борьба с телом духовного и вечного начала, назовем ли его душою, или как-нибудь иначе.

Леонард видел смерть в самых ужасных ее проявлениях, однако никогда не чувствовал такого ужаса, как теперь. Что прочел брат или дух брата на его лице?

Леонард постарался подавить в себе страх.

– Мои нервы расшатаны, – подумал он. – Он умирает. Как вынесу зрелище его смерти?

Порыв ветра потряс хижину, вырвав часть веток, из кото-

рых состояла крыша. Тонкая струя дождя порвалась через образовавшееся отверстие и упала на лоб больного; капли дождя, подобно слезам, скатились по его бледным щекам. Тогда странный взгляд больного принял более естественное выражение, губы приоткрылись.

– Воды! – пробормотал умирающий.

Леонард дал ему пить, одною рукою поднеся кружку к его рту, а другой поддерживая голову умирающего. Том сделал два глотка и затем внезапным движением своей ослабевшей руки выбил кружку, которая упала на пол.

– Леонард, – сказал он, – ты добьешься успеха!

– Успеха в чем, Том?

– Ты станешь богат, выкупишь Утрам и продолжишь наш род, но этого достигнешь ты не один. Женщина поможет тебе!

Затем его мысли несколько смешались, и он пробормотал:

– Как поживает Джен? Слышал ли ты о ней?

При этом имени лицо Леонарда смягчилось, но тотчас же сделалось суровым и озабоченным.

– Я не слыхал ничего о Джен, дружище, все эти годы, – отвечал он. – Вероятно, она или умерла, или вышла замуж!

– Слушай, – отвечал Том, оправляясь от своего забытья. – Я скоро умру. Ты знаешь, что умирающие иногда видят далеко. Мне снилось, или я прочел на твоём лице, вот что: ты умрешь в Утраме. После моей смерти останься на этом месте некоторое время. Останься здесь, Леонард!

Ослабев, Том опрокинулся навзничь, и в это время сильный порыв ветра потряс хрупкую хижину, разрушив восточную стену. Кобра, скрывавшаяся в густых ветвях, которыми были покрыты стены хижины, с мягким шорохом упала на пол, на расстоянии не более фута от лица умирающего, вытянувшись на полу и зашипев, она высунула свой гибкий язык и раздула в бешенстве пасть. Леонард отскочил назад и схватил лежавший вблизи лом, но прежде чем он успел ударить змею, пресмыкающееся опустилось на пол и, скользнув своим чешуйчатым телом по лицу умирающего, спряталось опять в ветвях. Но Томас Утрам не видел ничего и не шевелился даже, когда тело отвратительного пресмыкающегося скользнуло по его лицу. Тяжелое, порывистое дыхание указывало на скорую развязку. На душе у Леонарда сделалось чрезвычайно тяжело; он обнял брата и в первый раз за многие годы поцеловал его в лоб.

Умирающий открыл глаза. На востоке занималась заря. Вершины гор загорались пламенем.

Томас Утрам при виде этого, поднявшись на колени, протянул руки к восходящему солнцу, шевеля губами. Затем он упал на грудь Леонарда, и все было кончено.

IV. Похороны

Долго Леонард сидел у тела брата. Наступил день. Круглый диск солнца поднялся высоко над горами.

Буря затихла и, если бы не было обломков полуразрушенной хижины, то с трудом можно было бы поверить, что она недавно свирепствовала. Насекомые принялись за свое стрекотанье; ящерицы выползали из щелей скал; омытые дождем цветы горных лилий резко бросались в глаза своею яркою окраской.

Леонард продолжал сидеть с выражением горя на лице, когда на него сверху упала какая-то тень. Он взглянул вверх и заметил коршуна, реявшего над местом смерти.

Схватив свое заряженное ружье, Леонард вскочил на ноги. Птица приближалась, описывая круги в воздухе. Леонард схватил ружье, прицелился и выстрелил. Выстрел гулко раздался в тишине, и звук его был повторен эхом в горах. Птица некоторое время оставалась неподвижною в воздухе и затем тяжело рухнула на землю, ударившись своим могучим клювом о камни:

– Итак, я еще могу убивать, – проговорил про себя Леонард, заметив результат своего выстрела. – Убивай, чтобы не быть самому убитым – таков закон жизни!

После этого он повернулся к телу брата, закрыл ему глаза и сложил крестом на груди его исхудалые руки.

– Где же, однако, эти кафры? – громко произнес он, внезапно вспомнив о своих слугах, которых что-то долго не было видно.

– Эй, Оттер, Оттер!

Эхо повторило в горах эти слова, но на зов Леонарда никто не явился. Он вторично окликнул своих слуг, но тоже безрезультатно.

– Хотя и нельзя уходить отсюда, – произнес Леонард, – однако, надо посмотреть в чем дело.

Покрыв тело брата красным одеялом, чтобы защитить от коршунов, он решил обойти скалы, окаймлявшие маленькое плато, на котором стояла хижина. За ними плато продолжалось, и шагах в пятидесяти от скал, в склоне горы, было углубление, образованное выветриванием мягкой породы камня. В этом углублении, или гроте, кафры – их было четверо – спали и тут же имели обыкновение разводить огонь для приготовления пищи. Но в это утро огонь не горел, и в гроте никого не было видно.

– Еще спят, – подумал Леонард, направляясь к гроту. В следующий момент он громко позвал: «Оттер, Оттер!» – и сильно толкнул лежавшую у входа в грот массу. Но она не двигалась, хотя толчок был достаточно силен для того, чтобы разбудить самого ленивого дикаря, погруженного в глубочайший сон. Леонард стал всматриваться в лежавшего и в следующий момент отпрянул назад, воскликнув:

– Боже! Это Чит – мертвый!

В это время глухой голос раздался из глубины грота, голос Оттера, проговорившего по-голландски:

– Я здесь, баас пусть баас развяжет меня; а то я не могу шевельнуться!

Леонард вошел в глубину грота и увидел Оттера со следами страшных побоев на лице и на всем теле, связанного по рукам и ногам. Вынув нож, Леонард перерезал связывавшие Оттера веревки и вывел его из грота. Это был карлик-кафр, ростом немногим более 4 футов, найденный братьями умиравшим с голода в пустыне. Взятый ими, он служил им верой и правдой в течение нескольких лет. Братья окрестили его Оттер (по-английски – выдра), во-первых, потому, что его настоящее имя европейцу почти невозможно было выговорить, а, во-вторых, из-за его необыкновенного умения плавать, почти равнявшегося способностям того животного, имя которого ему дали. Лицо его безобразно, но в этом безобразии не было ничего отталкивающего. Несмотря на свой маленький рост, Оттер имел необыкновенно большую голову, длинные руки и огромный нос. Все члены его тела доказывали большую физическую силу.

– Что случилось? – спросил Леонард по-голландски.

– Вот что, баас. Прошлой ночью эти три негодяя, базуто, твои слуги, задумали убежать. Мне они ничего не сказали и были так осторожны, что, хотя я и следил даже за их мыслями, однако ни о чем не мог догадаться. Дождавшись, пока я крепко заснул, они связали меня, так что могли взять ружье

бааса Тома, которое ты поручил мне, и другие вещи. Скоро я понял их намерение, и мое сердце кипело от бешенства. Связав меня, собаки-базуто стали смеяться мне в лицо, ругая меня и говоря, что я могу теперь умереть с голоду вместе с моими глупыми белыми господами, которые ища повсюду желтого железа, по своей глупости, нашли его очень мало. Затем они поделили между собой все ценные вещи, и перед тем, как уйти, каждый из них подходил ко мне и бил по лицу, а один прижег мне нос горячей головней!

– Все это я терпеливо переносил, да когда Чит взял ружье бааса Тома, а другие хотели привязать меня к скале, я не мог более терпеть. Бросившись на Чита, я с силою ударил его своею головою в середину тела, так что он отлетел в сторону и хлопнулся о скалу, не произнеся ни звука! А! Они забыли, что если мои руки крепки, то голова еще крепче. Тогда двое других бросились на меня, и я, имея руки связанными, не мог защищаться. Боясь, что они скоро убьют меня, я со стоном упал на землю и притворился мертвым. Думая, что они покончили со мною, базуто поспешно ушли, опасаясь, что вы услышите шум и будете догонять их. В этой поспешности они даже оставили ружье и многие другие вещи. Вот и все. Я думаю, баас Том будет рад, что я спас его ружье. Когда он узнает об этом, то забудет свою болезнь и скажет:

– Молодец, Оттер, твоя головка крепка!

– Баас Том умер, – отвечал Леонард с печальной улыбкой. – Он умер на рассвете на моих руках. Лихорадка убила

его, как других «инкузис» (начальников)!

Оттер, услышав печальную весть, опустил голову на грудь и некоторое время не произносил ни слова. Наконец он взглянул на Леонарда, и последний заметил две слезы, скатившиеся по лицу карлика.

– Как? – воскликнул он. – Ты умер, мой отец, храбрый, как лев, и красивый, как девушка! Да, ты умер, мои уши слышали это, и если бы не твой брат, баас Леонард, то я убил бы себя, чтобы последовать за тобою!

– Пойдем, – сказал Леонард, – я не могу оставлять его надолго!

Леонард вернулся к телу своего брата. Оттер шел за ним. Приблизившись к телу Томаса Утрама, Оттер сделал рукою приветственный знак, проговорив:

– Начальник и отец, когда ты жил на земле, ты был добрый и храбрый человек, хотя немного вспыльчивый и иногда капризный, как женщина. Теперь ты удалился с этого света и улетел, подобно орлу, к солнцу. Живя там, ты будешь еще храбрее, еще лучше и терпеливее к тем, кто менее чист, чем ты. Отец и начальник! Приветствую тебя. О, если бы тот, кого ты назвал Оттером, мог служить тебе и «инкузи» – твоему брату – в жилище Высочайшего, если такое существо, как я, может войти туда! Что же касается собаки-базуты, который хотел украсть твоё ружье, то я убил его в счастливый час. Он будет твоим рабом в доме Высочайшего. Ах! Если бы я знал, то послал бы лучшего человека. Слава тебе, отец мой! Про-

щай, и пусть твой дух будет милостив к нам, которые любят тебя!

Проговорив это, Оттер отошел от тела и, обмыв свои раны, принялся за приготовление пищи. После обеда Леонард и Оттер перенесли тело Тома в грот, убрав оттуда труп базута, который Оттер без церемоний спрятал в расщелине скалы. Леонард остался у тела брата, а Оттер, взяв с разрешения Леонарда ружье Тома, ушел на охоту, надеясь подстрелить горную козу.

Леонард, отпуская карлика, приказал ему к вечеру вернуться назад.

– Где мы будем рыть могилу, баас? – спросил, уходя, Оттер.

– Она уже готова, – отвечал Леонард. – Умерший сам ее вырыл, подобно многим здесь. Мы похороним его в последней яме, вырытой им в поисках золота. По правую руку от того места, где стояла хижина. Она достаточно глубока!

– Да, баас, хорошее место, хотя, быть может, баас Том не так бы тщательно работал, если бы знал, для чего она послужит; кто знает, чему служат наши работы? Но эта дважды обваливалась, когда баас рыл ее...

– Я уже устроил все, – сказал коротко Леонард. – Ступай и будь здесь за полчаса до заката солнца, по крайней мере. Да, если можешь, то принеси еще горных лилий. Баас Том любил их!

Карлик поклонился и вышел.

– А, – начал он говорить сам с собой, направляясь к подошве холма, где надеялся найти дичь, – ты не боишься мертвых, а живых тем более. Однако, Оттер, баас Том мертвый теперь так страшен, он, который при жизни был так мил! Чита не выглядел страшным, только еще безобразнее. Но ведь Чита убил ты, а бааса Тома убило небо, положивши на него свою печать. Что теперь будет делать баас Леонард, когда его брат умер и базуто убежали? Идти рыть золото, найти которое так трудно, а найдя, нельзя долго сохранить? Но тебе-то что до этого, Оттер? Что тебе за дело до того, что делает баас? Смотри, вот следы козы!

День выдался чрезвычайно жаркий. В это время стояло лето в Восточной Африке, или, скорее, – осень, пора лихорадок, гроз и ливней, в течение которого только люди, дешево оценившие свою жизнь, могли жить в этих широтах, ища золото, со скудными запасами пищи и почти не находя возможности найти себе приют. Но искатели счастья не особенно ценят жизнь, как собственную, так и чужую. Они делаются фаталистами, быть может, бессознательно, полагая, что, кому суждено, тот умрет, а остальные останутся живы, несмотря ни на что.

Когда Леонард Утрам, его брат и два их товарища по приключениям услышали от туземцев об одном месте в горах, богатом золотом и находящемся номинально на Португальской территории, у ближнего рукава Замбези, то, с помощью двух ружей и собаки они получили концессию от хозяи-

на этой территории на разработку руды. Несмотря на нездоровое время года, они не отложили своего мероприятия из опасения, что кто-нибудь другой за три ружья и за две собаки убедит начальника территории отнять у них концессию в его пользу. Поэтому они трудолюбиво принялись за работу, и сначала счастье сопутствовало им. Им попало даже несколько самородков. Надежды их окрепли, но сначала один из компаньонов, по имени Аскью, заболел лихорадкой и умер, а за ним погиб и второй компаньон – Джонстон. После этого Леонард хотел было уже бросить дело, но, словно по воле судьбы, на следующий же после смерти Джонстона день, они нашли золото в таком значительном количестве, что Томас, надеясь вскоре достичь богатства, и слышать не хотел о прекращении работ.

Тогда они перенесли свое жилище на более возвышенное и здоровое место и остались. Но в один несчастный день Томас Утрам, заблудившись на охоте, провел ночь на болоте. Неделю спустя он заболел лихорадкой и через три недели умер, как мы видели.

Все эти события и многие другие проносились в уме Леонарда, сидевшего долгие часы у тела умершего брата. Никогда еще он не чувствовал себя таким одиноким, таким покинутым и несчастным. Теперь на свете у него нет друга, если не считать слуги Оттера. Несколько лет он уже не был в Англии; самые близкие родственники не заботились более о нем и его брате, изгнанных, странствующих по чужим стра-

нам; его школьные товарищи, вероятно, забыли о его существовании.

Там, на родине, было еще одно существо. Джен Бич. Но с той памятной ночи семь лет он ничего не слышал о ней. Два раза он писал ей, но не получил никакого ответа на свои письма. Более он не возобновлял своих попыток писать, будучи самолюбивым человеком. Вместе с тем он догадывался, что она не могла ему отвечать. Как он сказал своему брату, Джен или умерла, или, что было всего вероятнее вышла замуж за м-ра Когена. Однако когда-то они любили друг друга, да он и теперь еще любит ее, или, по крайней мере, думал так. Действительно, все эти тяжелые годы изгнания, трудов и беспрестанных поисков ее образ и память о ней жили в его сердце как далекий сладкий сон, полный мира и красоты, хотя у него остался от нее последний подарок – молитвенник и локон волос. Пустыня не такое место, где люди могут забыть свою первую любовь. Да, он был один, совершенно один, среди диких стран и грубых, необразованных людей и дикарей. А теперь что он будет делать? Здешнее место истощено. Тут, действительно, было наносное золото, но Леонард знал, что оно находится не в земле, но в жилах кварца, скрытых в горной породе. Чтобы извлечь богатство оттуда, нужны машины и капитал. Кроме того, слуги его, кафры, исчезли, избегая тяжелой работы и лихорадки, а других и не найти в это время года. Очевидно, остается одно: вернуться в Наталь и приняться за какое-нибудь другое дело.

Здесь Леонард вдруг вспомнил о своем обете – искать до тех пор, пока он не добьется своей цели или не умрет. Очень хорошо, он исполнит свое обещание. Затем он вспомнил любопытное предсказание умирающего, что он достигнет богатства.

Конечно, это был не более, как бред. Столько лет его брат безуспешно стремился к своей цели, восстановлению чести их древней фамилии; неудивительно, что в час смерти он увидел, что цель эта достигнута, хотя и другим. Однако, как странно он смотрел на него! С каким убеждением он говорил! Все это, конечно, не может иметь никакого значения; он, Леонард, дал несколько лет тому назад клятву и еще в прошлую ночь обещал стремиться к выполнению этой клятвы. Поэтому, худо или хорошо, но он должен действовать до конца.

Таким размышлениям предался Леонард, сидя у тела своего брата, товарища его детских игр и друга.

Время от времени он вставал со своего места и прохаживался около грота. После полудня воздух сделался еще более знойным, и большая туча собиралась на горизонте.

– Вечером будет гроза, – проговорил Леонард, – как только Оттер придет, надо будет похоронить тело, а то придется ждать до завтра!

Наконец, за полчаса до захода солнца, Оттер появился у входа в грот. На плечах его была привязана убитая коза, а в руках он держал большой пучок ярких горных лилий.

Двое мужчин похоронили Томаса Утрама в вырытой им самим могиле, и раскаты грома заменили для него погребальное пение.

V. Оттер дает совет

Когда погребение было окончено и Томас Утрам успокоился навеки в своем постоянном земном жилище, его брат, взяв молитвенник, подаренный ему некогда Джен Бич и составлявший, по правде говоря, всю его библиотеку, прочел над могилой погребальную службу, окончив свое чтение при блеске молнии. Затем он и Оттер вернулись в грот и поужинали, не произнеся ни слова. После ужина Леонард обратился к карлику:

– Оттер! Ты человек надежный и ловкий. Я хочу тебе рассказать одну историю и спросить тебя кой о чем. – Во всяком случае, – проговорил он про себя по-английски, – в подобных вещах его суждение столь же важно, как и мое.

– Говори, баас, – ответил тот, – мои уши открыты!

– Оттер! Умерший баас и я приехали в эту страну около семи лет тому назад. До отправления нашего сюда мы были богатыми людьми, старшинами в нашей земле, но потеряли наши краали, скот и земли; они были проданы, и другие взяли их, а мы стали бедными. Да, мы, бывшие жирными, стали тощи, как быки в конце зимы. Тогда мы сказали один другому: здесь у нас нет более дома, позорная бедность обрушилась на нас, мы – разбитые корабли, люди, не имеющие никакого значения; однако, будучи благородной крови, мы не можем здесь зарабатывать пропитание трудом, подоб-

но обыкновенным людям, иначе и простые, и благородные будут смеяться над нами. Большой каменный крааль отнят у нас: другие занимают его, чужие женщины хозяйничают в нем и их дети бегают по нашей земле; мы должны уехать!

– Кровь есть кровь, – прервал Оттер, – а богатство ничто! Отчего ты, отец мой, не выгнал этих чужестранцев и не взял обратно твой крааль?

– В нашей стране этого нельзя сделать, Оттер: богатство там значит больше породы. Если бы мы сделали это, то подверглись бы еще большему позору. Одно богатство могло бы возратить нам наш дом, а у нас его не было. Тогда мы поклялись друг другу, умерший баас и я, что поедем в эту дальнюю страну искать богатства, с которым мы могли бы вернуть наши земли и крааль, чтобы оставить их после себя своим детям!

– Прекрасная клятва, – сказал Оттер, – а здесь вы поклялись бы иначе, и сталь решила бы спор о краале, а не желтое железо!

– Мы приехали сюда, Оттер, и семь лет работали усерднее самого последнего из наших слуг; путешествовали там и тут, смешивались со многими народами, изучили несколько языков, и что же мы нашли? Баас Том – могилу в пустыне, а я – скудную пищу, которую может дать пустыня, не более. Богатства мы не приобрели, Оттер, а я поклялся или достичь его, или умереть, и еще в прошлую ночь обещал брату исполнить свою клятву!

– Это хорошо, баас; клятва есть клятва, и честные люди должны исполнять ее. Но здесь нельзя добыть богатств; ведь золото большею частью скрыто в этих скалах, которые слишком тяжелы, чтобы увезти их, а кто может достать золото из скал? Этого не сделать нам, даже если лихорадка и пощадит нас. Нам надо уйти отсюда куда-нибудь в другое место!

– Слушай, Оттер. Это еще не все. Умерший баас перед своей смертью видел в будущем, что я найду золото с помощью женщины, и просил меня остаться здесь некоторое время после его смерти. Скажи теперь, Оттер, ты, вышедший из народа, знающий толк в снах и видениях, и сам сын толкователя снов, было это действительное видение или фантазия больного?

– Не знаю, – отвечал Оттер. – Наверное, дух, или голос кого-то, оплакивающего умершего!

– Мы здесь единственные плакальщики! – сказал Леонард; и едва он произнес эти слова, как пронзительный вой опять огласил воздух. Как раз в это время луна вышла из-за облаков, и при ее свете они увидели того, кто производил странные звуки. Шагах в двадцати от них, на противоположном склоне холма, скорчившись на камне и закрыв лицо руками, в полном отчаянии, сидела высокая женщина изнуренного вида.

С изумлением Леонард направился к ней, сопровождаемый карликом. Женщина была так поглощена своим горем, что не слышала и не видала их приближения. Даже когда они

совсем близко подошли к ней, она не заметила их, так как лицо ее было закрыто худыми руками. Леонард с любопытством посмотрел на нее. Это была женщина старше средних лет, очевидно, когда-то красивая, и для туземки с очень светлой кожей. Кудрявые волосы ее начинали седеть, руки и ноги были тонки и хорошей формы. Более Леонард ничего не мог разглядеть, так как лицо она закрыла руками, а фигура была обернута рваным одеялом.

– Матушка, – сказал он на диалекте сизуту, – что с тобою, о чем ты плачешь?

Женщина, отняв руки от своего лица, с криком ужаса вскочила на ноги. Взгляд ее упал сначала на Оттера, стоявшего прямо перед ней, и при виде его крик замер на ее губах, – она окаменела от ужаса. Вид ее был так странен, что карлик и его господин с молчаливым удивлением смотрели на нее, ожидая, что будет дальше.

Женщина первая прервала это молчание, заговорив глухим голосом, полным суеверного ужаса и обожания, и опустилась на колени:

– Наконец ты пришел требовать от меня ответа, – сказала она, обращаясь к Оттеру, – о, ты, имя кого Мрак, кому я была назначена в замужество и от кого в молодости убежала!? Тебя ли я вижу во плоти, господин ночи, король крови и ужаса, а это твой жрец? Или я грежу? Нет, я не грежу; убей меня, жрец, и пусть мой грех будет очищен!

– Кажется, – сказал Оттер, – мы имеем дело с сумасшед-

шей!

– Нет, Джаль, – отвечала женщина, – я не сошла с ума, хотя недавно была близка к этому!

– Ну, и меня не зовут ни Джалем, ни Мраком! – отвечал с раздражением карлик. – Перестань говорить глупости и скажи белому господину, откуда ты, а то я устал от этого разговора!

– Если ты не Джаль, черное существо, то это очень странно, так как Джаль имеет такой же вид, как у тебя. Но, может быть, ты не хочешь, облекшись во плоть, признаться в этом мне. Ну, тогда делай, как хочешь. Если же ты не Джаль, то я безопасна от твоего мщения, а если ты Джаль, то прошу тебя простить грех моей юности и пощадить меня!

– Кто такой Джаль? – с любопытством спросил Леонард.

– Не знаю, – отвечала женщина, внезапно переменив тон. – Голод и утомление смутили мой ум, и я говорила вздорные слова. Забудь их и дай мне есть, бледнолицый, – прибавила она жалобным голосом, – дай мне есть, я умираю от голода!

– У нас сильный недостаток в пище, – отвечал Леонард, – но мы поделимся с тобой, чем можем. Следуй за мною, матушка! – и он повел ее к гроту.

Оттер дал ей пищи, и она принялась есть, как человек, голодавший долгое время, с удовольствием, но и с усилием. Покончив с едой, она посмотрела на Леонарда своими смелыми черными глазами, проговорив:

– Скажи, белый господин, ты работороговец?

– Нет, – отвечал он хмуро, – я раб!

– Кто же твой господин – этот черный человек?

– Нет, он только раб раба. У него нет господина, а есть госпожа, которую зовут судьбою!

– Самая худшая из всех и в тоже время самая лучшая, – сказала старуха, нахмурившись, – она вновь смеется и к ударам примешивает поцелуи!

– Удары ее я хорошо знаю, а поцелуи – нет, – отвечал мрачно Леонард и прибавил другим тоном. – Что же с тобой случилось, матушка, как тебя зовут, и что ты ищешь, бродя одна в горах?

– Меня зовут Соа, и я ищу помощи для той, кого люблю, и кто теперь находится в горестном положении. Хочешь, господин, слушать мой рассказ?

– Говори, – сказал Леонард.

Женщина, сев на землю перед ним, начала свой рассказ.

VI. Рассказ Соа

– Господин, я, Соа, служанка белого человека, купца, живущего на берегах Замбези в четырех днях пути отсюда. У него есть дом, построенный им несколько лет тому назад.

– Как имя белого человека? – спросил Леонард.

– Черный народ зовет его Мэвум, а бледнолицые – Родд. Он хороший господин и не простой человек, но у него есть один недостаток – по временам он пьет. Двадцать лет тому назад, или больше, Мэвум женился на белой женщине, дочери португальца, жившего у бухты Делагоа. Она была прекрасна, ах, как прекрасна! После женитьбы он поселился на берегах Замбези, сделался купцом и выстроил там дом, от которого теперь остались одни развалины. Здесь его жена умерла от родов; да, она умерла на моих руках, и я воспитала ее дочь Хуанну, ухаживая за ней от колыбели и до настоящих дней.

– После смерти своей жены Мэвум стал сильно пить. Когда он не пил, то это был ловкий и хороший торговец; по временам он собирал на большие суммы слоновую кость, перья, золото и сотнями воспитывал рогатый скот. Тогда он говорил, что хочет оставить пустыню и уехать за море, в неизвестную мне страну, откуда приезжали англичане.

– Дважды он отправлялся со мной и с Хуанной, своей дочерью, моей госпожою, которую черный народ прозвал

Небесною пастушкой, приписав ей дар предсказывать дождь. Однажды Мэвум остановился в городе Дурбан, в Натале, и, напившись пьяным, в один месяц прожил все свои деньги, в другой раз он потерял вновь нажитое им состояние при переправе через реку, когда лодку опрокинул гиппопотам, и золото со слоновой костью потонуло. В последнюю поездку он оставил свою дочь в Дурбане, где она прожила три года, изучая те вещи, которые знают белые женщины, так как она очень умна, так же умна, как добра и прекрасна. Года два тому назад она вернулась назад в поселение, доехав на судне до бухты Делагоа, где ее встретил Мэвум.

– Раз моя госпожа сказала своему отцу, что ей наскучила их уединенная жизнь в пустыне и что она хочет ехать за море в страну, которую она называла домом. Он послушался ее, так как Мэвум очень любил свою дочь, и сказал, что сделает так, но что до этого он хочет отправиться в путешествие по реке для закупки в одном месте большого количества слоновой кости. Она была против этого, говоря: поедем, наконец, мы уже достаточно богаты. Отправимся в Наталь и поедем за море. Но он ничего не хотел слушать, так как был очень упрямый человек.

– На следующее утро он отправился за слоновой костью и лэди Хуанна, его дочь, плакала, хотя она и бесстрашна, оставшись одна. Кроме того, она не любила быть вдали от отца, не имея возможности следить за тем, чтобы он не напивался пьяным.

После отъезда Мэвума прошло двенадцать дней. Я и моя госпожа сидели в поселении, ожидая его возвращения. У моей госпожи есть обыкновение, одевшись поутру, читать какую-то священную книгу, в которой написаны законы того Высочайшего, которого она почитает. Поэтому наутро, тринадцатого числа, она сидела на веранде дома и читала эту книгу, а я занималась приготовлением пищи. Вдруг я услышала шум и, выглянув через забор, окружавший сад и весь дом, кроме веранды, увидела много людей – белых, арабов и мулатов; один из них был верхом, а остальные пешком; за ними тянулся длинный караван рабов с веревками на шее.

– Подойдя ближе, эти люди стали стрелять в жителей поселения; некоторые были убиты, многие взяты в плен, а другие убежали – те, кто был на полевых работах и видел приближение работорговцев.

Со страхом глядя на все это, я увидела, что моя госпожа, все еще с книгой в руках, побежала к забору, за которым я стояла. Но когда она достигла его, человек, сидевший верхом на муле, преградил ей дорогу, и она, обернувшись, посмотрела на него, прислонившись спиной к забору. Тогда я спустилась с забора и, спрятавшись за банановыми деревьями, стала смотреть в щель забора.

– Человек, сидевший на муле, был стар и толст, с седыми волосами и желтым морщинистым лицом. Я знала его раньше и слышала о нем: много лет он был ужасом этой страны. Черный народ зовет его «Желтым дьяволом», а португаль-

ское имя его Перейра; он имеет свое жилище в уединенном месте в одном из устьев Замбези. Сюда он собирает своих рабов, и сюда дважды в год приезжают торговцы и отвозят рабов на рынки.

– Этот человек посмотрел на мою госпожу, в ужасе приклонившуюся к забору, и, засмеявшись, вскричал по-португальски: – Вот славная добыча! Должно быть, это та Хуанна, о красоте которой я столько слышал. Где ваш отец, моя голубка? Уехал по торговым делам, не правда ли? А, я это знал; иначе, может быть, я бы и не отважился приехать сюда. Но с его стороны нехорошо оставлять в одиночестве такое милое существо. Хорошо, хорошо, он занят своим делом, а я должен приступить к своему; ведь я тоже купец, моя голубка, торгующий черными птичками. Птички с серебристыми перьями не часто попадались мне, и я должен побольше сделать для вас. Здесь есть молодые люди, которые за такие глаза, как у вас, дадут много. Не бойтесь, моя голубка, мы скоро найдем вам супруга!

– Так говорил Желтый дьявол в то время, как моя госпожа испуганно смотрела на него, а слуги работоторговца громко смеялись его злым словам.

Наконец, она, казалось, поняла, о чем он говорил, и я увидела, что моя госпожа медленно подняла свою руку к голове. Я догадалась о ее намерении. Она носила в своих волосах спрятанный там страшный яд, малейшая крупинка которого, попав на язык, тотчас же убивает человека. Секрет этого яда

я открыла ей; моя госпожа постоянно имела яд при себе на тот случай, если ей будет угрожать худшее, чем смерть. Тогда в ужасе я прошептала ей через щель забора на древнем языке, которому я ее учила, – языке моего народа:

– Удержи свою руку, госпожа: пока ты жива, ты можешь еще освободиться, а от смерти нет освобождения. Будет еще время употребить яд, когда самое худшее станет угрожать тебе!

– Она услышала меня, и, слегка наклонив свою голову, опустила руку. Тогда Перейра снова заговорил:

– Теперь, если вы готовы, мы можем отправляться; до моего гнезда восемь дней пути, а кто может сказать, когда придут покупатели за моими черными птицами? Не хотите ли вы что-нибудь сказать перед отправлением, моя голубка?

Тогда, мол, госпожа впервые заговорила с ним:

– Я в вашей власти, но не боюсь вас; знайте, что в случае необходимости я могу ускользнуть от вас. Только я скажу вам следующее: ваше злодейство навлечет смерть на вашу голову, – и она бросила взгляд на тела убитых работорговцами, на пленников, на которых были надеты цепи и деревянные колодки, и на дым, поднявшийся над ее домом, подожженным злодеями.

– Одно мгновение португалец казался испуганным, затем громко засмеялся и, перекрестившись по обычаю этого народа для защиты от проклятия, произнес:

– Как! Вы пророчествуете, моя голубка! Вы говорите, что

можете ускользнуть, если захотите. Ну, мы это посмотрим. Приведите другого мула для лэди!

– Мул был приведен, и Хуанна, моя госпожа, села на него. Затем работорговцы пристрелили тех из рабов, которые, по их мнению, не имели никакой цены; погонщики рабов ударили последних кожаными плетками, и караван двинулся к берегам реки.

– Когда он скрылся из виду, я вышла из своего убежища, отыскивала тех из поселенцев, которым удалось ускользнуть от рук злодея, и просила их пойти с оружием по следам Желтого дьявола, чтобы при удобном случае освободить мою госпожу, которую они любили. Но они боялись сделать это, да и многие из старшин были взяты в плен. Они только плакали о своих умерших родственниках и сожженных краалях.

– Труссы! – сказала я им. – Если вы не хотите идти, то я одна пойду. По крайней мере, пусть кто-нибудь из вас пойдет вверх по реке и, отыскав Мэвума, расскажет ему о том, что произошло в его доме!

– Они обещали мне это, и я, взяв одеяло и немного пищи, отправилась следом за караваном работорговцев. Четыре дня я шла за ними, пока, наконец, у меня не вышла пища и силы не оставили меня. На утро пятого дня я не могла больше идти и, взойдя на вершину скалы, долго следила за извивавшимся по равнине длинной лентой караваном. В середине его были два мула, и на одном из них сидела женщина. Тогда я убедилась в том, что еще ничего не случилось с

моей госпожой, так как она была еще жива.

– С горы я увидела вдали маленький крааль. Собрав последние силы, я пошла к нему. Жителям его я сказала, что убежала от работорговцев, и они приняли меня ласково. От них я узнала, что несколько белых людей из Наталя искали в этих горах золото, и весь следующий день я провела в поисках, думая, что они могут помочь мне, так как хорошо знаю, что англичане не любят работорговцев. Вот, наконец, господин, я пришла сюда с большим трудом и прошу тебя освободить мою госпожу из рук Желтого дьявола. О, господин, я кажусь бедной и жалкой; но скажу тебе, что если ты освободишь ее, то можешь получить большое вознаграждение. Да, я открою тебе то, что скрывала всю мою жизнь, даже от моего господина Мэвума. Я открою тебе тайну сокровищ моего народа, «детей тумана»!

При этих словах Леонард, молча и внимательно слушавший рассказ Соа, поднял голову и посмотрел на нее, думая, что горе помутило ее рассудок. Однако на лице женщины выражалось только сильное волнение, но не сумасшествие.

– В своем ли ты уме, матушка? – сказал он наконец. – Ты видишь, что я один здесь со слугой, так как три моих товарища, о которых люди из краалья говорили тебе, умерли от лихорадки, и я сам поражен ею. Как же ты просишь меня отправиться в этот лагерь работорговцев, местонахождения которого ты даже не знаешь, чтобы одному освободить твою госпожу, если действительно у тебя есть госпожа и твой рас-

сказ верен? Как не подумать, что ты не в своем уме?

– Нет, господин, я не сошла с ума, и то, что я говорила тебе, правда до последнего слова. Конечно, я прошу большой вещи, но хорошо знаю, что вы, англичане, можете сделать любые дела, если вам хорошо заплатить. Постарайся помочь мне, и ты получишь хорошее вознаграждение. Даже если тебе и не удастся помочь мне и ты останешься жив, то все-таки получишь награду, хотя не так много, может быть, но все-таки больше того, что мог бы когда-нибудь получить!

– Не говори больше о вознаграждении, – раздраженно прервал ее Леонард, которого задел скрытый сарказм слов Соа. – Вот лучше не можешь ли ты вылечить меня от лихорадки? – прибавил он, смеясь.

– Я могу это сделать, – спокойно отвечала она, – завтра утром я буду лечить тебя!

– Тем лучше! – сказал он с недоверчивой улыбкой. – А теперь скажи мне, куда же увезли твою госпожу? Вероятно, то гнездо, о котором говорил португалец, находится в тайном месте? Сколько дней тому назад она была увезена?

– Сегодня идет 12-й день, господин. А место гнезда – тайна, вот все, что я знаю. Открыть ее – дело твоей мудрости!

Леонард подумал немного, и внезапная мысль осенила его. Обратившись к карлику, который в молчании слушал разговор Соа с Леонардом, он сказал ему по-голландски:

– Оттер, тебя когда-то уводили в рабство?

– Да, баас, это было десять лет тому назад!

– Как это случилось?

– Вот как, баас. Я охотился на Замбези с воинами одного племени – это было после того, как мой собственный народ прогнал меня, потому что, по их словам, я был слишком безобразен, чтобы быть их начальником, на что имел право по рождению. В это время Желтый дьявол, тот самый человек, о котором говорит эта женщина, с арабами напал на нас и увлек в свое убежище, чтобы ждать здесь покупателей рабов. В тот день, когда последние прибыли, я убежал вплавь, а все остальные, оставшиеся в живых, были увезены на кораблях в Занзибар!

– Можешь ли ты найти дорогу к этому месту?

– Да, баас, хотя найти место очень трудно, так как дорога к нему идет болотами. Кроме того, место это скрыто и защищено водою. Всем рабам во время последнего дня пути были завязаны глаза. Но я поднял повязку при помощи носа, – ах, мой большой нос очень хорошо служил мне в этот день – и следил за дорогой из-под повязки, а Оттер никогда не забудет дороги, по которой прошли его ноги. Вот почему я и смог по той же дороге вернуться назад!

– Ты мог бы отсюда найти это место?

– Да, баас. Я пошел бы вдоль этих гор, десять дней или более, пока бы не достиг южного рукава Замбези ниже Люабо. Затем мне было бы нужно еще один день следовать вниз по реке, а после этого два дня по болотам, и я пришел бы к месту. Но это неприступное убежище, баас, и там много

людей с ружьями, есть даже большая пушка!

Леонард снова подумал и, обратившись к Соа, спросил ее:

– Ты понимаешь по-голландски? Нет? Я должен тебе сказать, что узнал кое-что об этом гнезде от моего слуги. Перейра сообщил, что от дома твоего господина восемь дней пути, так что твоя госпожа три или четыре дня находится в гнезде, если она только увезена туда. Затем, насколько я знаю обычаи работоторговцев этих мест, они не начнут выводить рабов еще целый месяц, пока не прекратятся муссоны. Поэтому, если я не ошибаюсь, времени еще довольно. Заметь, матушка, что я не обещаю еще ничего: сначала я должен подумать!

– Да, белый человек, ты сделаешь все, если узнаешь вознаграждение. Но про это я скажу тебе завтра, после того, как вылечу тебя от лихорадки. А теперь, пожалуйста, черный человек, укажи мне место, где я могла бы спать: я очень утомлена!

VII. Леонард клянется кровью Аки

На следующее утро Леонард проснулся рано от тревожного сна, так как лихорадка начинала сильно мучить его, но Соа встала еще раньше, и когда он вышел из грота, то первое, что увидел, была ее высокая фигура, склонившаяся над стоявшим на огне котелком, содержимое которого она по временам помешивала.

– Доброго утра, белый человек! – сказала она. – Вот здесь то, что вылечит тебя от болезни, как я обещала! – и она сняла с огня котелок.

Леонард понюхал: жидкость пахла отвратительно.

– Это скорее способ отравить меня, матушка! – сказал он.

– Нет, нет, – отвечала она с улыбкой, – выпей половину теперь и половину в полдень, и лихорадка больше не будет тебя беспокоить!

Как только жидкость остыла, Леонард выпил половину ее, сильно сомневаясь в успехе лечения.

– Хорошо, матушка, если грязь есть доказательство добродетели, то твое средство окажется хорошим! – проговорил он.

– Оно хорошо, – важно говорила она, – многие были спасены им на краю смерти!

Благодаря ли средству Соа, или по другой причине, но Леонард уже с наступлением ночи стал себя чувствовать го-

раздо лучше, а дня через два он был здоров.

Вскоре после того, как Леонард выпил лекарство, он увидел Оттера, спускавшегося с холма с большим убитым животным на плечах.

– Старуха принесла нам счастье, – проговорил карлик, положив на землю свою добычу. – Кусты опять полны дичью. Я только вышел сегодня, как убил молодого «киду» (антилопу), жирного, и там их еще много.

Из принесенной Оттером добычи был приготовлен завтрак, после которого Леонард опять заговорил с Соой.

– Матушка, – начал Леонард, – прошлую ночь ты просила меня отважиться на великое дело, обещая мне за это вознаграждение. Ты говорила, что мы, англичане, можем много сделать за золото, а я бедный человек, ищущий богатства. Ты просишь меня рискнуть моей жизнью; ну, так скажи мне, за какую цену ты предлагаешь мне сделать это?

Соа несколько минут молча смотрела на него и потом ответила:

– Белый человек, слышал ли ты когда-нибудь о моем народе, «детях тумана»?

– Нет, только знаю, что он есть. Что же дальше?

– Вот что: я, Соа, была дочерью Верховного жреца этого народа и убежала оттуда много лет тому назад, после того, как была назначена для жертвоприношения богу Джалю, который имеет такой же вид, как этот черный человек! – указала она на Оттера.

– Это очень интересно, – сказал Леонард, – продолжай!

– Белый человек, этот народ – великий народ. Он живет в Стране тумана, на возвышенностях, под сенью снежных горных вершин. Мои соплеменники ростом больше других людей и очень жестоки, но женщины их прекрасны. О происхождении моего народа я не знаю ничего; оно затеряно в прошлом. Он почитает древнюю каменную статую, имеющую вид карлика, и приносит ему в жертву кровь людей. У подножия статуи находится пруд с водой, а к нему примыкает пещера. В этой пещере, белый человек, живет тот, изображение которого мой народ почитает, – Джаль, имя которого – Ужас!

– Ты хочешь сказать, что карлик живет в пещере? – спросил Леонард.

– Нет, белый человек, не карлик, но священный крокодил, которого они называют змеем, громаднейший крокодил и самый старей, так как он жил там с самого начала мира. Этот змей пожирает тела тех, кого приносят в жертву черному существу!

– Все это очень любопытно, – заметил Леонард, – но я не вижу, какую же пользу можно извлечь из всего этого?

– Белый человек, жрецы детей тумана приносят в жертву своему богу не только жизнь детей, но и такие безделки! – и, освободив внезапно свою руку, она показала изумленному Леонарду рубин или камень, казавшийся рубином, необычайной величины и ослепительного блеска.

– У твоего народа много таких камней, Соа? – спросил Леонард. – Где же они находят их?

– Да, белый человек, они много находят их в сухом ложе реки, хотя, конечно, такие большие попадаются редко, в одном месте, известном только жрецам; вместе с такими они находят еще другие камни прекрасного голубого цвета!

– Должно быть, сапфиры, – подумал Леонард, – их обыкновенно находят вместе!

– Они откалывают их каждый год, – продолжала она, – и самый большой из камней, найденный ими, привязывают ко лбу той женщины, которая избирается в жены богу Джалю. Затем, еще до жертвоприношения, они снимают камень со лба и прячут его в тайном месте, где сложены все камни, бывшие у всех предыдущих жертв. Глаза Джалья также сделаны из этих камней. Легенда в моем народе, белый человек, говорит, что Джаль, бог смерти и зла, убил свою мать, Аку, в давно минувшие времена. На том месте, где он убил ее, находят красные камни, это ее кровь, и голубые – ее слезы, которые она проливали, умоляя его о пощаде. С тех пор кровь Аки приносят в жертву Джалю и будут приносить до тех пор, пока Ака не вернется снова принимать поклонение от страны!

– Прекрасный пример из мифологии, – проговорил про себя Леонард, – наши старые друзья – мрак и заря в африканской интерпретации, я полагаю. Слушай, матушка, – обратился он снова к Соа. – Этот камень, если он драгоценный, стоит нескольких унций золота, но есть другие камни,

так похожие на него, что неопытный человек может спутать их, и те камни имеют очень маленькую цену. Конечно, очень может быть, что этот камень, а также и другие, о которых ты говоришь, настоящие рубины; во всяком случае, я бы хотел достать их. Но скажи мне, какой у тебя план? Как я могу добыть эти рубины?

– Белый человек! – отвечала она. – Если ты согласишься помочь мне, я тут же дам тебе этот камень. Пообещай мне только предпринять освобождение моей госпожи! Я вижу по твоим глазам, что ты исполнишь обещание, раз дашь его! – и она, замолчав, смело посмотрела на него.

– Очень хорошо, – сказал Леонард, – но, принимая во внимание риск, я нахожу цену недостаточной. Как я сказал тебе, этот камень может ничего не стоить. Ты должна предложить что-нибудь получше, матушка!

– Верно, белый человек, я судила о тебе правильно, – отвечала с усмешкой Соа, – конечно, ты мудро рассудил: за маленькое вознаграждение – малое дело. Вот какую плату я предлагаю тебе. Если тебе удастся освободить мою госпожу из когтей Желтого дьявола, я, от ее имени и от своего собственного, обещаю привести тебя в страну моего народа и укажу средство достать все другие бесценные камни, спрятанные там!

– Хорошо, – сказал Леонард, – но почему ты обещаешь не только от своего имени, но и от имени твоей госпожи?

– Без нее ничего нельзя сделать, белый человек, мой народ

великий и сильный, а у нас нет средств покорить его войною. Здесь хитрость должна служить нам оружием!

– Ты должна говорить яснее, Соа. Я не могу победить народ великий и сильный, а у нас нет средств покорить этот народ хитростью, и какое отношение ко всему этому имеет мисс Родд, твоя госпожа?

– Это ты узнаешь со временем, белый человек, после того, как освободишь ее. До тех пор губы мои будут закрыты. Скажу тебе только, что у меня есть план, и этого довольно, больше я ничего не скажу. Если ты откажешься, то я обращусь за помощью к другим!

Леонард подумал немного и, видя, что она решила ничего более не объяснять, сказал:

– В таком случае, хорошо. Но я не знаю, согласится ли твоя госпожа исполнить данное тобою от ее имени обещание?

– Я отвечала за нее, – сказала Соа, – она никогда не откажется от моего слова. Белый человек, я открыла тебе очень важную тайну, и если ты отправишься вместе со мной в страну моего народа, то мне будет угрожать смерть, если я буду разоблачена. Я рассказала тебе это и предложила подарок потому, что видела твою нужду в деньгах, и была уверена в том, что не имея надежды на получение денег, ты бы не захотел рисковать жизнью в таком опасном деле. Но я так люблю мою госпожу, что готова рискнуть моей жизнью, ах, я отдала бы шесть жизней, если бы имела их, чтобы только спасти ее

от позорного рабства. Ну, белый человек, мы говорили достаточно. Ты согласен?

– Что ты скажешь на это, Оттер? – спросил Леонард, задумчиво пощипывая свою бороду. – Ты слышал этот удивительный рассказ? Дай мне совет: ты человек ловкий!

– Я слышал весь рассказ, баас, – отвечал Оттер, – что касается моей ловкости, то я, может быть, ловок, может быть – нет. Мой народ говорил, что я ловок, и это было одной из причин, почему он не хотел меня своим вождем. Если бы я был только ловок, они бы это перенесли, как и мое безобразие; но так как я был и ловок, и безобразен, то они не захотели такого вождя. Они боялись, что я могу сделать весь народ безобразным!

– К чему ты говоришь все это? – сказал Леонард, понимавший однако, что карлик говорил так с целью дать ему самому время обдумать свой ответ. – Дай мне совет, Оттер!

– Баас, что я могу тебе сказать? Я не знаю цены этого красного камня. Я не знаю, откуда эта женщина, о которой сердце мне не говорит ничего хорошего; не знаю, правду ли она говорит, или лжет о том далеком народе, живущем в тумане и почитающем бога такого же вида, как я. Нигде еще не поклонялись мне, как богу и, если есть такая страна, то я бы хотел отправиться туда. Что касается освобождения ее госпожи из гнезда Желтого дьявола, то я не знаю, как это сделать. Скажи мне, сколько человек Мэвума было взято в плен с твоей госпожой?

– Человек пятьдесят! – отвечала Соа.

– Хорошо, – продолжал карлик, – если мы освободим этих людей, и если они храбры, то можем кое-что сделать, но, во всяком случае, все это не наверное, баас. Впрочем, если ты думаешь, что цена хорошая, то мы можем попробовать. Это будет все-таки лучше, чем сидеть здесь. Никто не может знать, что случится. От судьбы не уйдешь.

– Хорошая пословица! – сказал Леонард.

– Соа! Я принимаю твое предложение, хотя безумно было бы надеяться на успех. Теперь мы заключим с тобой письменный договор, во избежание каких-либо недоразумений. Возьми немного крови из горла козы. Оттер, смешай ее с порошком и горячей водой; это заменит нам чернила!

Когда Оттер занялся этим, Леонард стал искать бумагу, которой, однако, не нашлось ни одного клочка. Последний запас бумаги, оставшийся у него, был унесен бурей в ночь смерти его брата. Тогда он вспомнил о молитвеннике, подаренном ему Джен Бич. Чистый листок, на котором стояла подпись Джен, он не хотел портить, поэтому решил писать поперек заглавного листа. Вот что он написал мелкими буквами на первом листе молитвенника:

Договор между Леонардом Утрамом и Соа, туземной женщиной.

I. Означенный Леонард Утрам обязуется употребить все свои силы для освобождения Хуанны, дочери м-ра Рода, взятой в рабство неким Перейрой, работорговцем.

II. В вознаграждение услуг названного Леонарда Утрама, означенная Соа сим обязуется, за свой счет и от имени названной Хуаны Родд, провести его в некоторое место в центре Юго-восточной Африки, населенное племенем, известным под именем «народа тумана», здесь помочь ему овладеть большим количеством рубинов, употребляемых в религиозных церемониях названным племенем. Сверх сего, названная Соа обязуется, от имени упомянутой Хуанны Родд, что последняя будет сопровождать ее в путешествии и будет исполнять среди этого народа ту роль, в какой окажется необходимость для успеха дела.

III. Названные лица взаимно обязуются продолжать дело до тех пор, пока названный Леонард Утрам не убедится, что оно безнадежно.

Заключено в горах Маника, Восточная Африка, 9 мая 18... года.

Окончив этот документ, Леонард громко прочел его и от всей души рассмеялся сам над собой.

Пересказав содержание документа Оттеру, он спросил мнение карлика.

– Очень хорошо, баас, очень хорошо, – отвечал тот, – удивительны эти белые люди! Но, баас, как эта старуха может ручаться за других?

Леонард стал задумчиво пощипывать свою бороду. Карлик коснулся самого слабого места в документе. Но Соа избавила его от затруднения, сказав спокойно:

– Не бойся, белый человек, моя госпожа исполнит то, что я обещала от ее имени. Дай мне перо, чтобы я могла сделать мой знак на бумаге. Но сначала ты должен поклясться этим красным камнем, что будешь стараться исполнить то, что написано тут!

Леонард засмеялся, поклялся и подписал документ, а Соа сделала свою метку. Оттер скрепил бумагу в качестве свидетеля, и дело было окончено. Рассмеявшись снова над всем этим, Леонард, написавший документ скорее в шутку, чем из каких-либо других побуждений, положил молитвенник в свой карман, спрятав также и большой рубин.

Старуха следила за тем, как исчез камень, с выражением торжества на своем злом лице, затем радостно воскликнула:

– А, белый человек, ты взял его и теперь ты мой слуга до конца. Поклясться кровью Аки – настоящая клятва, и горе тому, кто нарушит ее!

– Да, я взял твой камень, – сказал Леонард, – и выполню свою клятву, но нечего говорить о крови Аки, когда мы рискуем нашей собственной кровью. А теперь нам лучше готовиться к отправлению!

VIII. Отправление

Прежде всего надо было позаботиться о пище, и Леонард приказал Оттеру нарезать ломтями козье мясо и положить его на скалы для сушки под палящими лучами солнца. Затем они рассортировали свое имущество и выбрали то, что можно было взять с собой. Увы! Его было немного. По одеялу на каждого, по паре сапог, немного лекарств, два самых лучших ружья с запасом снарядов, компас, бутылку для воды, три ножа, гребень и маленький железный котелок – все-таки значительная тяжесть для двух мужчин и одной женщины, решившихся идти через горы, равнины и болота.

Этот багаж был разделен на три части, причем Соа досталась самая легкая, а Оттеру наиболее тяжелая.

– Ничего, – сказал карлик, – я мог бы нести все три узла, в случае необходимости! – и зная силу карлика, Леонард не счел его слова за хвастовство.

Все вещи, которые они решили не брать с собой, были зарыты в гроте вместе с горными инструментами. Леонард взял также и все добытое им золото – около ста унций. Одну половину его он спрятал вместе с рубином в своем поясе, а другую отдал Оттеру. Сначала он хотел оставить золото в гроте, но потом вовремя вспомнил, что золото ведь может пригодиться, тем более среди португальских и арабских работорговцев.

Вечером, когда все вещи были уложены и луна показалась над горизонтом, Леонард прикрепил свой узел себе на плечи ремнями. Оттер и Соа последовали его примеру. Для того, чтобы избежать дневного зноя и опасности натолкнуться где-нибудь на работорговцев, решено было путешествовать ночью, при свете луны.

– Следуйте за мной через несколько минут, – сказал Леонард Оттеру, – я побуду на могиле брата!

Через четверть часа они тронулись в путь навстречу новым опасностям, а, быть может, и смерти. Впрочем, Леонард бодро смотрел в будущее. В самом деле, разве не исполнилось предсказание его брата? Разве к нему не пришла женщина и не дала ему драгоценный камень, который, если только он настоящий рубин, сам по себе – целое состояние?

Мы не будем следовать шаг за шагом за Леонардом Утрамом и его спутниками. Целую неделю они уже шли по ночам, как и предполагали. Они взбирались на горы, проходили болотами, переплывали реки, то голодая, то имея обильные запасы пищи, которую находили в изредка попадавшихся им бедных краалях.

На восьмую ночь они остановились на склоне высокой горы. Луна зашла, идти далее было невозможно; кроме того, они были утомлены долгим путешествием. Завернувшись в свои одеяла, чтобы защитить себя от ночного холода, они легли под тенью нескольких кустарников, рассчитывая проспать до зари.

На рассвете Оттер разбудил Леонарда.

– Смотри, баас, – сказал карлик, – мы шли правильно.

Внизу большая река, а там вдали, вправо, море!

Оттер был прав. Действительно, в нескольких милях от них по большой равнине, покрытой кустарниками и переходившей постепенно в болото, шел тот рукав Замбези, которого они хотели достичь.

– Около пяти часов пути отсюда, – продолжал карлик, – горы приближаются к реке. Туда-то нам и надо идти, чтобы достичь того большого болота, возле которого и находится гнездо Желтого дьявола!

После полудня путники отправились дальше и к ночи, еще до восхода луны, очутились у изгиба горы, примыкавшего к берегу реки. Взошедшая вскоре луна осветила удивительно безотрадную картину. В обширном полукруге, образованном изгибом гор, текла река, усеянная зелеными островами. Низменный берег реки переходил в громадное болото, имевшее в ширину от одной до двадцати миль и заросшее камышом. Запах гнили носился в воздухе над этим местом, наводившим ужас своей пустынностью и разрушением. Однако, оно жило своею собственной жизнью. Стаи диких уток летели с моря, чтобы искать здесь пищи; аллигаторы и гиппопотамы плескались в воде; выпь кричала в камышах, и отовсюду раздавалось кваканье тысячи лягушек.

– Там проходит дорога работорговцев, – сказал Оттер, указывая на одно место на горном берегу реки, – или, по

крайней мере, раньше она проходила там!

– Выйдем на эту дорогу, – ответил Леонард, – мы можем немного пройти по ней и затем расположиться на ночлег!

Путники дошли до указанного карликом места, где Оттер стал, точно гончая собака, рыскать по кустам. Через несколько минут он поднял руку и свистнул.

– Так я и думал, – сказал он, когда его спутники подошли ближе, – тропинка та же, что была и раньше. Смотри, баас!

С этими словами Оттер раздвинул один из кустов, под которым оказался разложившийся труп женщины с ребенком.

– Умерла не более двух недель тому назад, – флегматично произнес карлик. – Да! Желтый дьявол оставляет за собой такие следы, что по ним нетрудно найти дорогу!

Соа стала внимательно всматриваться в скелет.

– Одна из женщин Мэвума, – сказала она, наконец, – я узнаю это по костям ног!

После этого пошли далее и часа через два достигли такого места, где тропинка упиралась в реку.

– Что теперь делать, Оттер? – спросил Леонард.

– Здесь рабов сажают в лодки, – отвечал карлик, – перед этим они «выпалывают сорную траву», т. е. убивают слабых и больных, чтобы не возиться с ними. Пойдем туда, посмотрим, там, наверное, есть лодки!

Леонард и Соа пошли по указанному Оттером направлению.

– Есть одна лодка, – сказал карлик, остановившись в од-

ном месте, – и «сорная трава» лежит здесь по-прежнему!

Леонард, подойдя ближе, увидел ужасную картину. На небольшом открытом пространстве лежали сложенные в кучу тела человек сорока мужчин, женщин и детей, недавно умерших. Вблизи виднелись другие кучи костей, страшно белевших при лунном свете – следы прежних жертвоприношений. Первая куча мертвецов лежала вблизи заросшего мохом места, где были видны следы лодок, очевидно, недавно только отчаливших отсюда.

При виде костей несчастных жертв зверства работорговцев в душе Леонарда вспыхнуло сильное желание встретиться лицом к лицу с Желтым дьяволом, издевавшимся над кровью и агонией беззащитных, и отомстить ему за это, если можно.

– Мы должны остановиться здесь до утра, стало уже темно! – сказал Леонард.

Путники расположились на ночлег на этой Голгофе, в этом ужасном месте, покрытом костями, из которых каждая вопияла к небу о мщении.

В гигантских камышах шумел ночной ветер, придавая клубам тумана фантастические очертания. По временам лягушки поднимали свой концерт, затем снова замолкали; цапля кричала вдали, когда аллигатор или гиппопотам разрушали ее гнездо, а с высоты доносился шум крыльев диких уток, летевших к океану! Но в воображении Леонарда все эти голоса природы сливались в один хор, раздававшийся из кучи

костей, хор скорбных звуков, летевших со стоном к небесам и вопиявших: Боже, доколе беззаконие будет царить на земле, доколе Твоя рука будет бездействовать?

Когда темнота прошла, и солнце показалось во всем своем блеске, путешественники поднялись, стерли ночную росу с волос и принялись за скудный завтрак. Затем они молча направились к лодке, спустили ее в воду, и Леонард с Оттером взяли за весла.

В этом путешествии по реке оказала им большую услугу превосходная память карлика. Без него они не могли бы сделать ни одной мили, так как река дробилась на бесчисленные лагуны и естественные каналы, прорезанные течением воды в густой чаще тростника. Не было никакой возможности отличить один канал от другого. Тем не менее, карлик уверенно показывал дорогу. Десять лет тому назад он был в этих местах и все же вел Леонарда безошибочно. По временам попадались новые каналы, не существовавшие прежде, но, подумав немного, Оттер указывал, по какому следовало ехать.

Так они двигались вперед большую часть дня, пока к вечеру не достигли места, где отдельный канал, которым они следовали, разделялся на два рукава, принимавших один северное, а другой южное направление.

– Как теперь ехать, Оттер? – спросил Леонард.

– Ну, баас, я и сам не знаю. Вода изменила свое течение: здесь была прежде земля, и дорога шла прямо.

Это была большая опасность; один неверный шаг – и они могли заблудиться в этом лабиринте.

После долгого размышления Оттер предложил, наконец, ехать по левому рукаву, но Соа, до сих пор молчавшая, посоветовала взять вправо. Леонард сначала не согласился, но она настаивала, и лодка поехала в новом направлении. Пройдя ярдов 300 и не видя ничего, Оттер хотел посоветовать повернуть назад.

– Подожди, белый человек, – произнесла вдруг Соа, своими быстрыми глазами внимательно оглядевшая поверхность воды. – Что это там? – указала она на что-то белевшее в тростниках ярдах в сорока впереди.

– Перья, я полагаю, – отвечал Леонард, – однако, поедем туда и посмотрим!

– Это бумага, баас! – сказал Оттер, когда они подъехали близко к заинтересовавшему их белому предмету, – кусок бумаги на тропинке!

– Сними его поосторожнее! – сказал Леонард, с неволью забившимся сердцем при виде куска бумаги в подобном месте.

Когда Оттер положил на скамейку лодки снятый им с тростника кусок бумаги, Соа стала внимательно разглядывать его.

– Это лист из священной книги, которую читала моя госпожа, – произнесла, наконец, она с убеждением. – Я узнаю ее. Моя госпожа вырвала один лист и укрепила на тростни-

ке, как знак для того, кто бы пошел по ее следам!

– Очень вероятно, – отвечал Леонард. – Тебе пришла очень хорошая мысль поехать по этому направлению. – Затем, нагнувшись к листу бумаги, он прочел следующие стихи, которые еще можно было разобрать:

«Ибо Он смотрит с высоты своего святилища; с неба
Господь взирает на землю...

Слышать стоны пленников, освобождать приговоренных
к смерти...»

– Гм... – произнес Леонард про себя, – тексты весьма соответствуют нашему положению. Верящий в приметы счел бы это за хороший знак!

Через час они достигли конца острова.

– Ага, – сказал Оттер, – теперь я снова узнаю дорогу. Это тот самый рукав. Если бы мы не вошли в него, то, вероятно, так бы и не попали на правильную дорогу!

– Скажи, Оттер, – спросил Леонард, – ты убежал из лагеря работорговцев, как же это ты сделал, – в лодке?

– Нет, баас. Баас знает, что я силен. Мой дух, давший мне безобразия, одарил меня зато силой, а если бы я был также красив, как ты, но не имел силы, то я был бы теперь или рабом, или мертвым. Со скованными цепями руками я убил того, кто был приставлен стеречь меня, и взял у него нож. Затем я разорвал свои цепи; смотри, баас, у меня до сих пор остались от них рубцы. Затем, когда другие подбежали, что-

бы убить меня, я бросился в воду и нырнул, так что они более не видали меня. После я плыл этой дорогой, останавливаясь по временам на островах, иногда же бежал вдоль берега, где тростники настолько густы, что меня никто не мог увидеть. Через четыре дня я был уже в безопасности!

– Чем же ты питался все это время?

– Кореньями и птичьими яйцами!

– А крокодилы не пробовали съесть тебя?

– Да, баас, однажды, но я ловок в воде. Я вскочил на спину водяной змеи и через глаз вонзил нож в ее мозг. Ах! Мой дух тогда был со мною. Затем, вымазавшись кровью крокодила, я спокойно поплыл далее, и аллигаторы более не трогали меня, принимая по запаху за своего брата.

– Скажи, Оттер, а теперь разве ты не боишься возвращаться в эти места?

– Немножко, баас; ведь мы идем в тот ад, о котором говорите вы, белые люди. Но куда идет баас, туда охотно последую и я. Кроме того, мне хотелось бы взглянуть еще раз на Желтого дьявола, чтобы убить его этими руками!

И карлик, подняв весло, зарычал в ярости:

– Убить его! Убить его! Убить его!

– Тише! – сказал с досадой Леонард. – Ты хочешь напустить на нас арабов, что ли?

IX. Гнездо желтого дьявола

Солнце зашло, и трое путешественников, как и в предыдущую ночь, расположились на острове, ожидая восходы луны. Найдя пару диких утят, они хотели развести костер, чтобы приготовить себе ужин, но Леонард отклонил эту мысль.

– Это опасно, – заметил он, – огонь могут заметить издали!

Пришлось ограничиться скудным ужином из сушеного мяса и сырых утиных яиц.

Хорошо, что они приняли эту предосторожность, так как, едва мрак сгустился, послышался шум весел, и несколько лодок проплыли мимо них. Люди, сидевшие в этих лодках, перекликались по временам на арабском и португальском языках.

– Ложитесь на землю и не шевелитесь! – прошептал Оттер. – Здесь работорговцы будут приставать со своими лодками!

Леонард и Соа последовали его совету, а работорговцы, усердно гребя против течения, прошли ярдах в сорока от них и повернули к берегу.

– Дорогу, товарищи! – кричал один из работорговцев, выезжая на своей лодке вперед. – Место остановки близко, и там есть ром для тех, кто заслужил его!

– Надеюсь, что они не остановятся здесь! – сказал тихо

Леонард.

– Тсс... – прошептал Оттер, – они причаливают, я слышу! Действительно, ярдах в двухстах от них работорговцы пристали к берегу. Вскоре два ярких языка пламени показали, что они развели костры.

– Нам лучше уйти отсюда, – произнес Леонард, – если они заметят нас, то...

– Они не заметят нас, баас, если мы будем лежать тихо! – возразил Оттер. – Подождем здесь. У меня есть другой план. Слушай, баас... – и он зашептал что-то на ухо своему господину.

Леонард согласился на предложение карлика, и они остались на прежнем месте. От костров к ним доносился шум пьяной оргии работорговцев. Через час Леонард поднялся на ноги; его примеру последовал Оттер, проговорив:

– Я пойду ближе, баас. Я могу двигаться, как кошка!

– Куда вы хотите идти, белый человек? – спросила Соа.

– Поближе к ним, чтобы подслушать их разговор. Я понимаю по-португальски. Оттер, возьми нож и револьвер, но ружья не бери!

– Хорошо, – сказала женщина, – будьте только осторожны. Они – ловкий народ!

– Да, да, – ответил Оттер, – но баас тоже ловок, да и я такой же. Не бойся за нас, мать!

Осторожно крадясь по камышам, Леонард и карлик двинулись вперед. Когда они уже были ярдах в двадцати от ко-

стров, Леонард оступился и попал ногою в болото, устроив сильный шум. Несколько работорговцев, услышав всплеск воды, вскочили на ноги, но Оттер тотчас зафыркал, подражая голосу молодого гиппопотама.

– Морская корова, – произнес один работорговец по-португальски, – огонь испугает ее, и она не тронет нас!

Леонард и Оттер, выждав некоторое время, подкрались к кусту, вблизи которого сидели работорговцы. Леонард мог ясно слышать каждое слово из разговора негодяев. Их было двадцать два человека. Один, их предводитель, по-видимому, был чистокровный португалец, а остальные – мулаты и арабы. Все они пили из оловянных кружек ром и многие из них были уже полупьяны; по крайней мере, языки их развязались.

– Проклятие отцу нашему, дьяволу, – произнес один мулат, – что ему вздумалось как раз сейчас отправить нас с лодками! Мы можем пропустить потеху!

– Какую потеху? – спросил предводитель банды. – Еще три или четыре дня птиц не будут сажать в клетки: покупателей еще ждут, да и здесь говорят об английском крейсере, – чтоб ему провалиться в преисподнюю, – который снует у устья реки!

– Нет, я не про то говорю, – отвечал мулат, – немного удовольствия смотреть на продажу вонючих негров; я говорю о продаже с аукциона белой девушки, дочери англичанина-купца, захваченной нами недавно. Вот красotka – для

счастливой собаки! Я никогда не видал ничего подобного, – что у нее за глаза, что за характер!

– Ну, вам нечего думать о ней, – усмехнулся вожак, – она слишком дорога для таких молодцов, как вы; кроме того, глупо тратить много денег на девушку, белую или черную. Когда будет аукцион?

– Он был назначен в ночь перед отправлением партий, то теперь говорят, что он состоится завтра ночью. Скажу вам, почему Желтый дьявол спешит с этим делом: он боится ее, думая, что она принесет ему несчастье, и хочет скорее отделаться от нее. Ах! Старик забавник, любит шутки. «Все мужчины братья, – сказал он вчера, – черные и белые; поэтому все женщины сестры.» На этом основании он хочет продать ее, как негритянку. Ха, ха, ха! Дайте, братец, рому, дайте рому!

– Может быть, он еще отложит этот аукцион, и мы можем поспеть вовремя, – заметил вожак, – во всяком случае, за здоровье этой девушки! Кстати, догадался ли кто-нибудь спросить пароль? Я сам забыл это сделать.

– Да, – отвечал мулат, – прежнее слою «Дьявол»!

Так они говорили около часу, частью о Хуанне, частью о других вещах. Когда работорговцы совершенно опьянели, разговор их сделался настолько возмутительным, что, прислушиваясь к нему, Леонард едва мог лежать спокойно. Наконец, один за другим негодяи погрузились в крепкий сон, и все стихло. Работорговцы не поставили часового, так как

здесь на острове не ожидали никаких врагов.

Тогда Оттер приподнялся на руках, и его лицо при слабом свете луны загорелось огнем дикого торжества.

– Баас, – прошептал он, – не сделать ли нам это? – и он провел рукой по горлу.

Леонард задумался на одно мгновение. Его ярость была сильна, однако он содрогался при мысли об убийстве спящих людей, хоть они и были злодеи. Кроме того, разве возможно было сделать это без шума! Некоторые из негодяев могут проснуться, страх отрезвит их, и тогда борьба с ними будет невысказана.

– Нет, – шепотом отвечал он, – иди за мной; мы лучше спустим в воду их лодки.

– Хорошо, хорошо – сказал Оттер.

Крадучись, как змеи, они проползли около сорока ярдов к тому месту, где к низкому дереву были привязаны лодки – три катера и пять широких плоскодонных барок с оружием и провизией работорговцев. Отвязав лодки, они легко оттолкнули их, – и флотилия работорговцев двинулась вниз по течению, чтобы исчезнуть вскоре из виду в ночном мраке.

Сделав это, Леонард и Оттер пошли назад. Путь их проходил шагах в пяти от негодяя мулата, говорившего с вожаком о Хуанне. Леонард посмотрел на него и хотел ползти дальше. Уже Оттер был шагах в пяти впереди, как вдруг луна выступила из-за облаков, и свет ее упал на лицо работорговца. Он проснулся, поднял голову и увидел Леонарда. Последне-

му нельзя было медлить – или тогда все пропало: подобно тигру, вцепился он в горло мулата и сильно сжал его в своих руках, прежде чем тот мог вскрикнуть. Произошла короткая борьба, и в руке Леонарда сверкнул нож. Оттер не успел еще подойти к своему господину, как все было кончено так быстро и тихо, что ни один человек из банды не проснулся, хотя один или два из них шевелились и бредили в тяжелом сне.

Леонард, целый и невредимый, вскочил на ноги и вместе с Оттером поспешно направился к тому месту, где осталась Соа.

Женщина, посмотрев на запачканную кровью куртку Леонарда, лаконично спросила:

– Сколько?

– Один! – отвечал Оттер.

– Я бы хотела, чтобы все, – свирепо промолвила Соа, – но вас только двое!

– Скорее в лодку, – сказал Леонард, – они сейчас погонятся за нами!

В следующую минуту они уже плыли по реке, удаляясь от острова. Сначала лодка была направлена поперек реки к противоположному берегу, отстоявшему от острова ярдах в 800, чтобы можно было скрыться в тени берега. Когда они приблизились к последнему, Оттер, положив весла, весело рассмеялся.

– Чего ты смеешься, черный человек? – спросила Соа.

– Взгляни туда, – отвечал карлик, указывая на какой-то

предмет, плывший по течению реки и почти скрывшийся из виду. – Это плывут лодки работорговцев с оружием и провиантом. Мы пустили их по течению, баас и я. Там на острове спят двадцать два человека, все, за исключением одного. Что они найдут, когда проснутся? Они увидят, что очутились одни на островке среди большой реки, переплыть которую не осмелятся, если бы даже и могли, из боязни аллигаторов. Никакой пищи они не могут найти на острове, не имея ружей; утки ведь не станут дожидаться того, чтобы их схватили голыми руками. У берега будут собираться сотнями аллигаторы, чтобы стеречь их. Мало-помалу они придут от голода в бешенство, станут кричать, но никто не услышит их, тогда они начнут нападать один на другого и, наконец, погибнут все жалким образом, от рук своих же или от челюстей аллигаторов; погибнут, погибнут все! – закончил Оттер и снова засмеялся.

Леонард не мог порицать его: разговор негодяев все еще слышался ему, и он не чувствовал сострадания к ожидавшей их страшной судьбе.

Чу! Слабый звук пронесся по тихим водам реки, звук, скоро перешедший в вопль ужаса и бешенства. Очевидно, работорговцы, проснувшись, заметили, что какой-то таинственный враг был вблизи них, убив одного из их товарищей. Вскоре крики перешли в вой: конечно, они увидели, что лодок нет и они очутились в западне. Леонард и Оттер с противоположного берега реки могли видеть тени испуганных

людей, бросавшихся туда и сюда в поисках своих лодок. Но они исчезли и более не вернутся. По мере того, как они двигались вперед, крики становились все менее слышными, и, наконец, полная тишина водворилась во мраке ночи.

Тем временем Леонард рассказал Соа то, что он узнал из разговора работорговцев.

– Далеко ли нам еще ехать, черный человек? – спросила старуха, когда Леонард кончил свой рассказ.

– На закате солнца завтра мы будем у ворот гнезда Желтого дьявола! – отвечал карлик.

Два часа спустя они нагнали лодки работорговцев, пущенные ими по течению. Большинство из них были связаны вместе, они плыли мирной группой.

– Нам лучше пустить их ко дну! – сказал Леонард.

– Нет, баас, – возразил Оттер, – они могут еще понадобиться, если нам удастся благополучно уйти из гнезда Желтого дьявола. Кроме того, может быть, там найдется пища, в которой мы нуждаемся!

Совет был основателен, и Леонард принял его. Взяв лодки на буксир, на заре трое путников пристали к берегу. Обыскав лодки работорговцев, они, к своей величайшей радости, нашли в них большие запасы пищи, не исключая и жареного мяса, спиртных напитков, сухарей, хлеба и нескольких апельсинов и бананов. Только те, кому приходилось в течение нескольких недель обходиться совсем без мучной пищи, могут понять их радость. Они нашли в лодках и другие вещи:

ружья, тесаки, боевые припасы и, что всего лучше, ящик с платьем, принадлежавший, очевидно, вожаку, или вожакам, банды. Между прочим, здесь находилось форменное платье, богато расшитое золотыми шнурами, высокие сапоги и шляпа с пером. Затем тут было несколько длинных арабских одеяний и тюрбанов – парадные костюмы работорговцев. Но самую ценную находкой оказался кожаный кошелек с сотней английских соверенов и 12–15 португальскими золотыми монетам, – «честным заработком» предводителя негодяев.

– Ну, баас, – сказал Оттер, – вот мое слово: мы должны переодеться в эти платья!

– Зачем это? – спросил Леонард.

– Чтобы работорговцы приняли нас за своих собратьев.

Ценность этого предложения была настолько очевидна, что оно было немедленно принято. Переодетый в платье работорговца, с пистолетами за шелковым поясом, Леонард смело мог быть принят за одного из самых свирепых охотников за рабами. Оттер, нарядившись в арабский костюм, который пришлось ему обрезать снизу, выглядел тоже внушительно.

Свое собственное платье они спрятали в камышах вместе с лодками на тот случай, если им посчастливится вернуться обратно. Кошелек с деньгами Леонард положил в свой карман. Он не чувствовал никаких угрызений совести, присвоив деньги работорговца, так как хотел употребить их не на

свои собственные нужды, а для успеха дела.

Далее дорога шла вдоль болот и состояла из таких троп, которые мог разыскать только человек, часто бывавший в этих местах. Но Оттер не забыл однажды пройденного им пути.

В виду необходимости поспеть к ночи к гнезду Желтого дьявола, они двигались вперед, несмотря на палящий зной. Ни одного живого существа не попадалось им навстречу, хотя там и сям вдоль дороги, в кустах, валялись трупы рабов.

Наконец, за час до заката солнца, они приблизились к жилищу Желтого дьявола. Гнездо было устроено следующим образом. Оно располагалось на острове в 10–12 акров, из которых пригодны для обитания были только акра четыре с половиной. Остальное было болото, заросшее высоким камышом. Болото это, начинаясь от большой лагуны на северной и восточной окраинах острова, примыкало к ряду низких строений, которые на этих фасах считались достаточно защищенными обширным водным пространством.

На южной и западной сторонах вид лагеря был иной: здесь местность была сильно укреплена не только природой, но и рукой человека. Прежде всего, вокруг этих двух фасаов шел канал, не особенно широкий и глубокий, но из-за вязкого дна доступный для переправы только в лодках. На внутреннем берегу этого канала сооружен был вал, по гребню которого шел крепкий забор, обсаженный кустами алоэ и других колючих растений.

Таков был внешний вид этого места. Внутри же он делился на три основные части. Восточная представляла самое гнездо, длинное деревянное строение с большим мощным двором впереди и к западу от него. Здесь были еще два строения: навес на столбах, примыкавший к тому месту, где выгружались лодки с рабами и далее к северу, почти составляя продолжение самого гнезда, но отдельно от него, стояла крепкая каменная постройка – магазин. Вокруг описанных строений виднелись соломенные крыши хижин туземного типа, занятых, очевидно, работоторговцами низшего слоя – арабами и мулатами.

Вторая часть, расположенная к западу от первой, представляла собою лагерь рабов. Она занимала всего около акра, и единственным зданием в ней были четыре навеса, подобных тому, в котором продавались рабы, но только большей длины. Здесь рядами лежали рабы, прикованные к железным брускам, шедшим вдоль навесов. Этот лагерь был отделен от первой части глубоким каналом, в 30 футов ширины. В одном месте через этот канал был перекинут подъемный мост простого устройства, соединявший лагерь рабов с гнездом. Лагерь рабов, подобно гнезду, был окружен также высоким валом, обсаженным колючими растениями. На этом валу, вблизи ворот лагеря рабов и небольшой, примыкавшей к ним сторожки, стояла шестифунтовая пушка, дуло которой было направлено на лагерь рабов, – грозное предостережение для его обитателей. Вообще, при устройстве гнезда были

приняты все предосторожности как против восстания рабов, так и против нападения внешних врагов.

Наконец, третью часть владений Желтого дьявола составлял сад, расположенный за лагерем рабов. Он также был окружен каналом и земляными валами, но не так сильно укреплен, как первые две части гнезда.

Х. Леонард составляет план действий

Дорога, по которой шли Леонард и его спутники, привела их к окраине главного, южного канала, на противоположном берегу которого виднелись ворота, ведущие в гнездо. Но Оттер не повел Леонарда к тому месту, где их могли бы заметить часовые, на вопросы которых они едва ли могли бы ответить удовлетворительно, несмотря на свой маскарадный костюм. Поэтому они, не доходя до ворот ярдов 500, свернули в густой кустарник, покрывавший берег канала. Пройдя через него, они, наконец, очутились у поверхности воды, почти напротив юго-западного угла лагеря рабов, под тенью колючих кустарников вала.

– Слушай, баас, – тихо сказал карлик, – путешествие окончено; я привел тебя к жилищу Желтого дьявола. Остается теперь взять его или освободить оттуда девушку!

Леонард печально посмотрел на гнездо. Возможно ли двум мужчинам и одной женщине взять это укрепленное место, с десятками отъявленных злодеев? Удастся ли даже проникнуть туда? Издали это казалось возможным, а вот теперь принятая им на себя задача представилась в ином свете. Однако, нужно было предпринять что-нибудь, иначе их труды пропадут даром, и бедная девушка, освободить которую они

пришли, будет отдана на позор или доведена до самоубийства.

– Вот что, Оттер, – произнес, наконец, Леонард. – Я проделал длинный путь и теперь не отступлю назад. Никогда я еще не делал этого; не сделаю и теперь, хотя и знаю, что верная смерть угрожает мне!

– Все в руках будущего, – отвечал Оттер, – однако надвигается ночь, и нам пора подумать, как действовать. Смотри, баас, вот большое дерево, затененное другими деревьями. Влезем на него, чтобы посмотреть на лагерь!

Леонард согласился и, взобравшись легко на вершину дерева, они увидели, как на ладони, весь лагерь. Оттер указывал Леонарду подробности, которые он знал хорошо, прожив некоторое время пленником в лагере.

На дворе гнезда было видно множество людей разных национальностей в странных костюмах; то были торговцы «черной костью». Их было более ста человек, из которых некоторые гуляли группами, куря и разговаривая, другие забавлялись разными играми, наконец, третьи просто шли по своим делам. Одна из групп – вожаки, судя по богатству костюмов – стояла около магазина; эти люди старались заглянуть внутрь здания сквозь защищенное решеткой окно, на уровень которого они поднимались, садясь на плечи друг другу. Это забавляло их некоторое время, пока, наконец, их не разогнал внезапно появившийся какой-то толстый старик.

– Это Желтый дьявол, – сказал Оттер, – а эти люди смот-

рели на девушку, имя которой Небесная Пастушка. Она заперта там и выйдет оттуда, только когда наступит час ее продажи. Эти люди покупатели!

Леонард не произнес ни слова: он изучал местность. Забил барабан, и появились люди с широкими оловянными мисками, от которых шел пар.

– Это несут пищу для рабов, – снова заметил Оттер. – Сейчас им будут раздавать ее!

Люди, несшие миски, в сопровождении нескольких надсмотрщиков с трехконечными бичами в руках, перейдя двор, подошли ко рву с водой, отделявшему лагерь рабов от гнезда, и крикнули часовому опустить мост. Когда это было сделано, люди, несшие миски и сопровождаемые каждый еще двумя помощниками, из которых один нес деревянную ложку, а третий воду в большом сосуде, начали обходить навесы. Человек, державший деревянную ложку, хватал ею порции и швырял рабам пищу прямо на землю, как кидают кость собаке, а раб, несший сосуд, лил рабам воду в деревянные баки.

Вдруг группа людей, обносивших рабов пищей, остановилась, и надсмотрщики стали о чем-то говорить.

– Раб болен! – пояснил Оттер.

Рослый белый человек с бичом начал наносить удары какой-то черной массе, лежавшей без движения под навесом; наконец, заметив, что его удары не производят на лежавшего раба никакого действия, перестал бить и что-то громко

крикнул. После этого два араба подошли к сторожке и, взяв оттуда инструменты, подошли к несчастному созданию, очевидно, женщине, и сняв с ее ног кандалы, освободили от цепей, которыми она была прикована к железному брусу. Затем они поволокли тело к высокому валу и, взойдя по короткой лестнице на его вершину, сбросили тело в канал.

– Вот как Желтый дьявол хоронит своих мертвых и лечит больных! – произнес Оттер.

– Я достаточно видел, – сказал Леонард и начал поспешно спускаться с дерева. Его примеру последовал Оттер, но с гораздо большим хладнокровием.

– Ах, баас, – сказал карлик, когда они спустились на землю, – ты, однако, малодушен; сердца же тех, которые были в лагере рабов, крепки, да и, в конце концов, лучше быть в желудке рыбы, чем в руках работорговца. Как! Кто делает эти вещи? Разве не белые люди, твои братья, которые, делая все это, произносят много молитв Великому Человеку на небе?

– Дай мне вина! – произнес вместо ответа Леонард, который был не в состоянии сейчас защищать блага цивилизации в том виде, в каком она практиковалась в Африке. Он с ужасом думал, что судьба несчастной рабыни может ожидать и его.

Сделав несколько глотков из бутылки с вином, Леонард некоторое время молча сидел, поглаживая бороду и глядя на сгущавшийся мрак своими соколиными глазами.

– Поди сюда, Соа! – произнес он наконец. – Мы пришли в

это место по твоей просьбе. Посоветуй же теперь, что делать дальше. Как освободить твою госпожу из лагеря?

– Освободите рабов, и пусть они убьют своих господ! – лаконично отвечала старуха.

– Я сомневаюсь, что у этих рабов много мужества! – заметил Леонард.

– Здесь, должно быть, около пятидесяти людей Мэвума, – возразила Соа, – они будут драться хорошо, если дать им оружие!

Леонард посмотрел на Оттера, ожидая дальнейшего развития плана.

– Мой Дух говорит мне, – сказал карлик, – что огонь – надежный друг, когда врагов много. Тростник здесь сух, а морской ветер начнет дуть еще до полуночи. Кроме того, можно зажечь и все эти дома. Однако, разве у войска могут быть два предводителя? Ты наш предводитель, баас. Говори, и мы исполним твою волю. Здесь один совет так же хорош, как и другой. Пусть судьба говорит твоими устами, баас!

– Очень хорошо, – сказал Леонард. – Вот мой план. Мы должны войти в гнездо, пока еще довольно темно. Я знаю пароль – «Дьявол» и, может быть, часовой пропустит нас без дальнейших расспросов, увидев наши костюмы. Если же он задержит нас, то мы должны будем убить его, соблюдая полную тишину!

– Хорошо, – ответил Оттер, – но как быть с этой женщиной?

– Мы оставим ее в кустах. В лагере же она может только помешать нам!

– Нет, белый человек, – прервала его Соа, – я пойду с вами. Моя госпожа там, и я хочу видеть ее!

– Как хочешь! – отвечал Леонард и затем продолжал развивать свой план:

– Проникнув в ворота, мы должны идти по краю канала, отделяющего гнездо от лагеря рабов. Если мост будет поднят и мы не сможем опустить его, тогда нам остается переплыть канал, обезвредить часового и проникнуть в лагерь рабов, где мы попытаемся некоторых освободить и пошлем их через сад в тростник, чтобы поджечь его. Тем временем я смело войду в гнездо, поздороваюсь с Перейрой, выдав себя за работорговца, прибывшего с товаром к устью реки; скажу, что хочу купить рабов и прежде всего попрошу белую девушку. К счастью, у нас есть порядочно золота. Вот мой план пока; остальное надо предоставить случаю. Если удастся мне купить девушку, – хорошо, если же нет, то я постараюсь вырвать ее оттуда каким-либо иным способом!

– Пусть будет так, баас, – сказал Оттер, – а теперь нам надо поужинать: ведь ночью нам понадобится вся наша сила. После этого мы пойдем к воротам и попытаем счастья!

В девять часов они, осторожно крадясь по кустам, вышли снова на дорогу и берегом канала пошли к воротам. Дойдя до того места, где привязывались лодки и барки, они остановились. Из гнезда до них доносился шум пирушки, а из ла-

геря рабов стоны несчастных пленников. Мало-помалу небо несколько прояснилось.

– Тут есть лодка, – сказал Леонард, – нам лучше немного проехать в ней; она может облегчить нам возвращение из гнезда.

Едва он успел произнести эти слова, как послышался шум весел, и мимо них проехала лодка, направляясь к воротам.

– Кто идет? – раздался окрик часового на португальском языке. – Отвечай живей, или я буду стрелять!

– Не спеши так, глупец, – отвечал часовому грубый голос. – Самый лучший из друзей, честный купец, по имени Ксавье, едущий со своей плантации рассказать вам о хороших новостях!

– Виноват, сеньор, – отвечал часовой, – в этой темноте не рассмотришь даже и такого рослого человека, как вы. Но какие же у вас новости? Есть покупатели?

– Сойди вниз и помоги нам привязать эту проклятую лодку; потом я расскажу тебе все!

Часовой быстро сбежал по ступенькам лестницы, ведущей от ворот к пристани. Человек, назвавший себя Ксавье, продолжал:

– Да, покупатели есть, но не думаю, что они придут в эту ночь из-за ветра, а завтра ты увидишь, как будут выгружать черных птиц. Один, впрочем, прибыл из Мадагаскара, капитан-иностранец, здоровый француз или англичанин, точно не знаю, по имени Пьер. Я послал ему свой привет, хотя са-

мого его и не видел. В своей записке я извещал его, что сегодня ночью будет очень интересный аукцион, что было весьма великодушно с моей стороны, так как этот капитан может быть очень серьезным соперником!

– Он приедет сюда, сеньор? Я спрашиваю об этом потому, что тогда надо пропустить его!

– Не знаю; ответил, что приедет, если будет возможность. Но скажи, как идут дела с английской девушкой? Сегодня ночью она будет продана?

– О, да, сеньор, в двенадцать часов будет большое собрание. Как только она будет куплена, патер Франсиско повенчает ее со счастливым человеком. Старик настаивает на этом. Он сделался суеверным и говорит, что выдаст ее замуж самым настоящим образом!

Ксавье громко засмеялся.

– Я приехал за этой девушкой, – произнес он, – думаю, что мне удастся купить ее за сто унций золота.

– Сто унций золота за девушку! Это большая сумма, сеньор, но вы богаты, не то, что мы, бедняки, подвергающиеся такому же риску, но получающие мало барышей.

Гребцы между тем привязали лодку к пристани и вынули из нее багаж; что было в нем – Леонард не мог разглядеть. Ксавье вместе с часовым поднялся по лестнице, сопровождаемый двумя лодочниками, и ворота сейчас же снова были заперты, как только эти люди прошли в них.

– Хорошо, – прошептал Леонард, – мы кое-что узнали, по

крайней мере. Ну, Оттер, я – Пьер, французский работорговец из Мадагаскара, а ты – мой слуга; что касается Соа, то она гид или переводчик, или все, что хочешь. Мы пройдем в ворота, но настоящий Пьер не должен проникнуть через них. Поэтому надо устранить часового, который бы впустил его. Как ты думаешь, Оттер, кто это сделает лучше, ты или я?

– Мне пришло в голову, баас, что мы можем последовать примеру этого Ксавье. Я могу что-нибудь оставить в лодке, и часовой должен помочь мне взять это оттуда, пока ты уже будешь в воротах, а затем... я ловок, силен и не люблю шума!

– Ты должен действовать ловко, точно и без шума. Малейший крик – и все пропало!

Подкравшись к лодке и отвязав ее от пристани, все трое сели в нее и спустились тихо по течению ярдов на пятьдесят от пристани. Затем они повернули лодку назад, и игра началась.

– Что это, дурак, куда ты идешь? – громко сказал Леонард Оттеру на ломаном арабском языке, слывшем за туземное наречие в этих местах. – Поезжай к берегу, тебе я говорю, к берегу! Проклятый ветер и эта тьма! Стой теперь, безобразная черная собака! Должно быть, это те ворота, о которых говорилось в письме, так или нет, женщина? Зацепи за пристань багром!

Окно в воротах открылось и раздался обычный окрик часового.

– Друг, друг, – отвечал Леонард по-португальски, – ино-

странец, приехавший засвидетельствовать свое почтение вашему предводителю, дону Антонио Перейра, и поговорить с ним о деле!

– Как ваше имя? – подозрительно спросил часовой.

– Пьер мое имя; собака – имя моего слуги, а эту старуху можете называть, как хотите!

– Какой пароль? Никто не входит сюда, не сказав пароль! – заявил часовой.

– Пароль? Ах, что стояло в письме дона Ксавье – «враг»? Нет; да, вспомнил – «Дьявол». Я из Мадагаскара, где есть еще спрос на то добро, которым вы богаты. Ну, впустите нас, мы не можем сидеть здесь всю ночь и пропустить аукцион!

Часовой начал отпирать ворота, но внезапно остановился, все еще что-то подозревая.

– Вы не похожи на наших и говорите по-португальски, как проклятый англичанин!

– Да, на это я не могу надеяться; ведь я сам проклятый англичанин, т. е., собственно, сын англичанина и креолки, родившийся на острове Маврикия. Кстати, попрошу вас быть поучтивее, а то я очень горячий человек!

Наконец, часовой, ворча, открыл одну половину ворот, и Леонард стал подниматься по ступенькам лестницы, ведущей от пристани к воротам. Пройдя через ворота, он внезапно обернулся и ударил по лицу сопровождавшего его Оттера.

– Как, собака! – сердито крикнул он. – Ты забыл вынести бочонок с коньяком, мой маленький подарок дону Антонио!

Ступай и вынеси его живой!

– Виноват, господин, – отвечал Оттер, – но я мал, и бочонок тяжел для меня одного. Не удостоишь ли ты помочь мне, так как старуха тоже слабосильна?

– Ты, кажется, принимаешь меня за носильщика, предлагая мне тащить по лестнице бочонок?! Вот что, дружище, – продолжал Леонард, обращаясь к часовому, – если вы хотите заслужить маленький подарок и выпить, то помогите ему втащить бочонок. У него есть кран, и вы можете после попробовать его содержимое!

– Слушаюсь, сеньор! – уже весело отвечал часовой и стал спускаться по лестнице к пристани.

Леонард и карлик переглянулись. Затем Оттер пошел вслед за часовым, держа руку на эфесе арабской сабли, а Леонард и Соа остались наверху, томительно ожидая, что произойдет дальше.

– Где же бочонок? Я не вижу его! – донесся до них голос часового.

– Наклонись, сеньор, наклонись, – отвечал Оттер, – он на корме. Позволь, я помогу тебе!

После этого наступила минутная пауза, затем Леонард и Соа услышали звук удара и шум от падения чего-то тяжелого в воду. Затем все смолкло. Через несколько секунд Оттер был возле них, и при слабом свете фонаря у ворот Леонард мог разглядеть только его блестящие глаза и раздувавшиеся ноздри.

– Удар был быстрый и сильный; человек тот замолк навеки, – прошептал карлик, – как баас приказывал, так и было сделано!

XI. Храбрость Оттера

– Помоги мне запереть ворота! – сказал Леонард карлику.

В следующую минуту большой железный засов был задвинут на свое место, и Леонард, повернув ключ, положил его в карман.

– Зачем баас запер ворота? – прошептал Оттер.

– Чтобы настоящий Пьер не мог пройти через них. Второй Пьер был бы лишним в нашей игре. Теперь мы должны добиться того, чего хотели, или погибнуть!

Крадучись, они пошли вдоль вала, пока не достигли навеса, обращенного задней стороной ко рву, отделявшему гнездо от лагеря рабов. К счастью, здесь их не заметил никто, а собак в жилище Желтого дьявола совсем не было: они шумят в самое неудобное время, поэтому похитители рабов и не любят этих животных.

Конец навеса, за которым они притаились, был шагах в десяти от подъемного моста, представлявшего единственный способ сообщения с лагерем рабов.

– Баас, – сказал Оттер, – позволь мне пройти вперед. Мои глаза видят в темноте, как глаза кошки. Я посмотрю, может быть, мост опущен?

Не дожидаясь ответа, карлик пополз вперед на руках, не производя ни малейшего шума. Несмотря на свое белое платье, он не мог быть увиден издали, скрытый густой тенью от

навеса и кустов вдоль канала.

После ухода Оттера прошло пять минут, и десять минут, а он все еще не возвращался. Тогда Леонард начал беспокоиться, не случилось ли с ним чего.

– Пойдем, посмотрим, в чем дело! – шепнул он Соа.

Выйдя к другому концу навеса, в ярде от него они увидели лежавшие на земле одежду и оружие Оттера, но самого карлика не было видно.

– Черный человек покинул нас! – в отчаянии произнесла Соа.

– Никогда! – отвечал Леонард, недоумевая, зачем понадобилось Оттеру снимать одежду. Очевидно, он пошел в воду. Но для чего ему надо было делать это?

Леонард посмотрел на канал. Он разглядел, что на противоположном берегу его поднимался от воды ряд ступеней, наверху были ворота, а на нижней ступени сидел человек, державший возле себя ружье. Ноги его были всего на расстоянии нескольких дюймов от поверхности воды. Очевидно, это был часовой.

В следующее мгновение Леонард заметил, что под ногами часового появилась рябь на воде, сверкнуло что-то вроде стали, и какой-то маленький черный предмет направился к ногам часового, который, полусонный, мурлыкал что-то себе под нос. Еще мгновение – и часовой словно по волшебству исчез со ступенек в глубине воды, поверхность которой пришла в сильное волнение на минуту или более.

Видя все это, Леонард догадался о том, что случилось. Оттер, подплыв под водою к часовому, схватил того за ноги и увлек за собой в глубину. Вскоре Леонард заметил, что карлик поднялся на ступени с ножом в руке и, пройдя через ворота, исчез в сторожке на верху вала. Прошла еще минута, слышался скрип канатов, и подъемный мост опустился, открыв трем смельчакам доступ в лагерь рабов. Черная тень появилась снова, на этот раз на мосту.

– Идем! – прошептал Леонард своей спутнице. – Этот герой Оттер утопил часового и опустил мост. Да! Возьми-ка его оружие и платье!

В этот момент к ним подошел сам Оттер.

– Скорее переходи, баас, пока они не заметили, что мост спущен, – произнес карлик, – дай мне мое платье и оружие!

– Вот они! – отвечал Леонард, и в следующую минуту все трое, перейдя мост, стояли на валу.

– Скорей в сторожку, баас, в ней никого нет; там находится ворот!

Войдя в сторожку, Оттер схватил рукоять ворота и начал ее вертеть, напрягая могучие мускулы, и мост был снова поднят.

– Теперь мы в безопасности на некоторое время, баас, – произнес карлик, – однако, мне надо одеться. Извини меня, баас, что я, такой безобразный, появился перед тобой без одежды!

– Оттер, – сказал Леонард, – ты сделал великое дело, но

это еще не все. Теперь надо идти к рабам. Посвети мне и покажи дорогу. Здесь мы ведь в безопасности, не правда ли?

– Да, баас, сюда никто не может попасть, разве только после штурма, но там есть большое ружье, которое можно поворачивать. Направим его на гнездо на всякий случай.

– Я не имею никакого понятия о пушках! – сказал с сожалением Леонард.

– Зато я знаю кое-что, белый человек, – вмешалась Соа, – у Мэвума, моего господина, есть в поселении маленькая пушка, и я часто помогала ему стрелять из нее, подавая сигнал лодкам на реке; многие из людей Мэвума, находящиеся здесь, также знают толк в этом деле!

– Отлично! – сказал Леонард.

По тропинке, шедшей вдоль гребня вала, они подошли к платформе, на которой стояла пушка. Это было шестифунтовое заряжающееся с дула орудие. Леонард, взяв банник, всунул его в дуло орудия.

– Заряжено, – произнес он, – повернем его кругом!

Когда это было сделано, они направились к маленькой хижине, стоявшей вблизи. Тут были спрятаны, на случай восстания рабов, боевые припасы – картечь и порох.

– Зарядов достаточно, – заметил Леонард, – этим господам не приходило в голову, что пушки могут стрелять во все стороны. Ну, Оттер, веди нас скорее к рабам!

– Надо сначала захватить инструменты, – отмычки для оков. Они, вероятно, в сторожке! – проговорил карлик.

Взяв необходимые инструменты и фонарь, они подошли к первому навесу с рабами. Посреди него шла дорожка, по обеим сторонам которой тянулись железные брусья с прикованными к ним рабами. Под этим навесом было около двухсот пятидесяти человек.

Несчастные пленники лежали на мокрой земле, мужчины и женщины вместе, стараясь забыться во сне; впрочем, большая часть их бодрствовала, стоны неслись отовсюду.

Завидев свет, рабы перестали стонать и, как собаки, заползали по земле, ожидая ударов. Они думали, что пришли их поработители. Некоторые из несчастных, подняв вверх свои закованные руки, умоляли о пощаде, но большинство, не имея никакой надежды на улучшение своей участи, хранили глубокое молчание. Нельзя было без сострадания смотреть на их искаженные ужасом лица и дрожавшие фигуры.

Соа обошла первый ряд рабов, внимательно всматриваясь в их лица.

– Ты не видишь никого из людей Мэвума? – с беспокойством спросил ее Леонард.

– В этих рядах их нет, белый человек; освободим этих и посмотрим следующий навес!

– Не надо делать этого, мать, – сказал Оттер, – эти только выдадут нас!

Тогда они прошли к следующему навесу – их было всего четыре, – и здесь Соа остановилась возле второго человека с краю, который спал, положив свою голову на скованные

руки.

– Петр! Петр! – окликнула его Соа.

Раб проснулся и дико огляделся кругом. Это был красивый молодец лет тридцати.

– Кто зовет меня моим старым именем? – спросил он хриплым голосом. – Нет, я грежу; Петр умер!

– Петр, – сказала снова женщина, – проснись, сын Мэвума, это я, Соа, пришедшая спасти вас!

Раб громко вскрикнул и стал трястись всем телом, но остальные пленники не обратили на это внимания, думая, что его наказывают плетью.

– Тише, – сказала Соа, – или мы погибли. Освободи его, черный человек, это старшина из поселения и храбрый человек!

Оковы были сняты с Петра, и он, подпрыгнув высоко от радости, бросился к ногам Оттера, чтобы поцеловать их.

– Перестань, глупец, – сурово сказал карлик, – лучше покажи нам других людей Мэвума, да живет, а то скоро опять будешь на цепи!

– Здесь их около сорока человек, – сказал Петр, оправившийся от волнения, – кроме того, несколько женщин и детей. Остальные умерли, кроме госпожи, которая находится там! – показал он рукой на гнездо.

Пройдя вдоль навеса, Оттер, по указанию Сои, освобождал от цепей людей Мэвума. Пока карлик снимал с них железные наручники, Соа объяснила план действий Леонарда

Петру, к счастью, весьма толковому малому. Он быстро понял положение дел и помог Леонарду сохранить тишину и порядок.

– Ну, – обратился Леонард к Сое, – теперь пора действовать. Я должен уйти. Вы можете освободить остальных людей Мэвума. Теперь половина двенадцатого, и мне нельзя терять ни одной минуты. Оттер, скажи, как послать людей зажигать тростник, – через сад?

– Нет, баас, я думаю, их лучше послать той же дорогой, по которой я убежал отсюда. Но для этого надо уметь плавать!

– Они все родились на берегах реки и умеют плавать! – сказала Соа.

– В таком случае, четверо из них должны плыть по каналу к тому месту, где я убил часового. Может быть, путь их будет прегражден деревянными сваями, они гнилые, но если они крепки, то люди должны перелезть через них. После этого они очутятся в болоте, покрытом густым тростником. Дойдя до того места, где солнце восходит и откуда сильнее всего дует ветер, они должны поджечь тростник. Сделав это, они могут уйти за огонь и ждать, что будет. Если нас постигнет удача, они найдут нас здесь, если же мы будем убиты, то они могут убежать. Но захотят ли идти эти люди?

Соа, шагнув вперед, вызвала четверых человек, к которым обратилась со следующими словами:

– Вы слышали слова этого черного человека? Повинуйтесь ему и, если кто-нибудь из вас не послушается его, то... –

и Соа произнесла такое ужасное проклятие, что Леонард с удивлением посмотрел на нее.

– Да! И если я останусь жив, то перерву тому глотку! – прибавил Оттер.

– Не к чему угрожать, – отвечал один из выбранных Соа людей, – мы сделаем все это ради нас самих, а также вас и нашей госпожи. Мы поняли, что надо делать; но чтобы зажечь тростник, нужен огонь!

– Вот спички, – сказал Оттер.

– Но мокрые спички не загорятся, ведь мы будем плыть.

– Глупец, разве вы поплывете, держа голову под водой? Привяжите их к волосам!

– Хорошо, – продолжал тот же поселенец, – если нам удастся живыми добраться до тростников, то когда их надо зажечь?

– Как только дойдете до конца их, а это ведь нелегко. Прощайте, мои дети. Если вы посмеете не исполнить то, что вам поручено, то лучше вам умереть прежде, чем снова увидеть мое лицо!

Через две минуты четыре человека тихо плыли по каналу.

– Опустит мост, – произнес Леонард, – пора отправляться!

Оттер опустил мост, объяснив его несложный механизм Соа, Петру и прочим людям Мэвума.

– Ну, матушка, – обратился Леонард к Соа, – освободи остальных людей, кого можно, и зорко смотри, чтобы вовремя опустить мост, как только мы или твоя госпожа прибли-

зимся к нему. Если мы на заре не вернемся сюда, значит, — мы или убиты, или в плену, и тогда действуй сама!

— Слышу, господин, — отвечала Соа, — ты храбрый человек, и удача встретит тебя или неудача, но красный камень уже заслужен тобою!

Еще минута, и Леонард с Оттером ушли.

Перейдя через мост, который опять был поднят за ними, они вернулись назад к тому же месту, откуда наблюдали за лагерем раньше, под тень навеса. Затем, пробежав несколько шагов по открытому пространству, они очутились около ворот, откуда, не торопясь, направились к навесу, где и производилась продажа рабов. Под навесом не было никого, но они увидели перед верандой самого гнезда большое и шумное сборище людей.

— Слушай, Оттер, — прошептал Леонард, — мы должны идти к этим господам. Зорко следи за мною, делай то, что буду делать я; держи наготове свое оружие, и если дело дойдет до борьбы, то убей меня, как врага. Пуще всего нам не надо попадаться в плен!

Леонард говорил спокойно, но сердце у него сильно билось. Вблизи от них было сборище всякого сброда: португальцев, арабов, мулатов и черных людей различных племен, каких Леонард никогда еще не видывал при всей своей опытности. Порок и корыстолюбие были написаны на лице у каждого. Это было сборище демонов, притом самых ужасных. Негодяи, большинство которых были уже пьяны, стояли спи-

ной к ним, смотря на веранду, на ступенях которой стоял окруженный группой избранных друзей, одетых в роскошные костюмы, человек, в котором Леонард угадал с первого взгляда дона Перейру, даже если бы Оттер не шепнул ему:

– Смотри, баас, это Желтый дьявол!

Эта замечательная личность, стоявшая здесь во всем своем великолепии, заслуживает более подробного описания. Это был толстый старик лет 70, убеленный почтенными сединами. Его маленькие черные глаза, острые, яркие, но холодные, метались по сторонам, избегая взоров других людей. Желтый цвет лица Перейры оправдывал данное ему прозвище. На его морщинистых щеках кожа отвисла; рот был широк и груб, а жирные пальцы беспрестанно сжимались, как будто хватая деньги. Он был роскошно одет, и, подобно своим товарищам, почти пьян.

Таков был внешний вид Перейры, главы работорговцев этой части африканского берега. Не видя его лица, на котором лежал отпечаток всевозможных гнусных пороков, честный человек не мог бы поверить, в какие бездны зла может пасть человек. Недаром про Перейру говорили, что увидеть его – значит, понять дьявола и его дела.

ХII. Аукцион...

В тот момент, когда Леонард и Оттер подходили к группе негодяев, Желтый дьявол собирался произнести спич, и глаза всех работорговцев были обращены на него, так что никто не слышал шагов вновь прибывших людей.

– Дайте, пожалуйста, дорогу, друзья мои, – сказал громко Леонард на португальском языке. – Я хочу поздороваться с вашим начальником!

Десятки людей повернулись к ним.

– Кто вы такой? – вскричали они, глядя на чужие лица.

– Если вы будете любезны дать мне дорогу, то я буду весьма счастлив объяснить это! – отвечал Леонард, пробираясь через толпу.

– Кто это там? – закричал Перейра грубым, жестким голосом. – Подать его сюда!

– Пропустите нас, вы слышали слова дона, пропустите, друзья! – говорил Леонард.

Толпа расступилась, и Леонард с Оттером прошли вперед, провожаемые подозрительными взглядами.

– Привет вам, сеньор! – сказал Леонард, очутившись перед верандой.

– К черту ваш привет! Кто вы такой, во имя сатаны? – грубо ответил Перейра на обращенное к нему приветствие.

– Ваш скромный собрат по почтенной профессии, – ска-

зал спокойно Леонард, – пришел засвидетельствовать свое почтение и устроить маленькое дельце!

Так ли это? Вы что-то похожи на англичанина; а кто этот урод? – и он показал на Оттера. – Я полагаю, что вы шпионы, и если это так, то, клянусь всеми святыми, я еще расправлюсь с вами!

– Вот смешная история, – отвечал, смеясь, Леонард, – вообразить, что один человек и черная собака отважились проникнуть в главную квартиру господ, подобных вам, не будучи вашими собратями. Впрочем, я думаю, среди вас находится благородный дон, я разумею сеньора Ксавье, который может поручиться за меня. Разве он не посылал записки капитану Пьеру, прибывшему из Мадагаскара? Ну вот, капитан Пьер имел честь принять это предложение и прибыл сюда не без затруднений, но теперь он начинает думать, что лучше бы ему остаться на своем судне!

– Это правда, Перейра, – сказал Ксавье, громадного роста португалец с примесью негритянской крови и зверским лицом, тот самый человек, следом за которым Леонард с Оттером и Соа прошли в ворота. – Я говорил вам об этом!

– Лучше бы вы оставили его в покое, – прорычал в ответ Перейра. – Мне не нравится вид вашего приятеля. Может быть, он капитан английского военного судна, переодевшийся в наше платье!

При словах «английское военное судно» шепот ужаса пронесся по собранию. Негодяи знали хорошо эти проклятые

суда и их ненавистные команды, которые не любят профессии работоторговцев.

Дело принимало серьезный оборот, и Леонард увидел, что надо действовать решительно. Как бы потеряв терпение, он закричал грубо:

– Черт вас побери всех с вашими подозрениями! Говорю вам, что мое судно с товаром стоит в гавани. Я полу-англичанин, полу-креол и такой же хороший человек, как каждый из вас. Смотрите, дон Перейра, если вы или кто-нибудь из ваших товарищей осмелится сомневаться в правдивости моих слов, пусть выступит вперед, и я живо перерву ему глотку! – и, произнеся эти слова, Леонард, грозно нахмурившись, сделал шаг вперед, положив свою руку на эфес сабли.

Такие слова моментально произвели свое действие. Перейра немного побледнел, так как, подобно большинству жестоких людей, он был страшным трусом.

– Успокойтесь, – произнес он, – я вижу, что вы добрый малый. Я хотел только испытать вас. Как вы знаете, мы должны соблюдать большую осторожность. Дайте вашу руку, и добро пожаловать! Я вам верю, а старый Антонио ничего не делает наполовину!

– Быть может, вам лучше еще испытать его немного, – проговорил молодой человек, стоявший рядом с Перейрой, когда Леонард хотел принять приглашение Желтого дьявола, – пошлите за рабом, и пусть он даст нам наше обычное доказательство, т. е. собственноручно зарежет его; это самое

лучшее!

Перейра замялся было, но Леонард снова нашелся.

– Молодой человек, – вскричал он с большей яростью, чем прежде, – я перерезал горло большему числу людей, чем те, которых вы хлестали бичами. Но если вы хотите доказательства, то я вам могу его дать. Идите сюда, молодой петушок, идите! Здесь достаточно светло, чтобы пощипать у вас перья!

Работорговец побледнел от бешенства, но, видя атлетическую фигуру и смелые глаза Леонарда, остановился в нерешительности, рассыпавшись в угрозах и грязных ругательствах.

Трудно сказать, чем могла бы окончиться вся эта сцена, но Перейра поспешил прекратить ссору.

– Тише! – загремел он своим могучим голосом, встряхнув в бешенстве седыми волосами. – Я принял этого человека, и он будет нашим гостем. Неужели моих слов недостаточно для такого молодого горлопана, как ты? Заткни свой безобразный рот, или, клянусь святыми, я закую тебя в цепи!

Работорговец повиновался. Быть может, он сам был рад удобному случаю избежать борьбы с Леонардом. Как бы то ни баю, но, бросив на последнего злобный взгляд, он, замолчав, отступил назад.

Восстановив тишину, Перейра подозвал Леонарда, пожал ему руку и приказал рабу принести вина для нового гостя. Затем он обратился к собранию со следующей речью:

– Дети мои, мои дорогие товарищи, мои верные, испытан-

ные друзья! Наступил печальный для меня момент, когда я, ваш старый предводитель, должен проститься с вами. Завтра гнездо не увидит более Желтого дьявола, и вы должны найти себе другого главу. Увы! Я постарел, не могу больше стоять на высоте своей задачи, а торговля теперь не та, что была прежде, благодаря этим проклятым англичанам и их крейсерам, шныряющим повсюду в наших водах, чтобы отнимать у честных людей плоды их дел. Около пятидесяти лет я был связан с делом. Думаю, что туземцы этих мест вспомнят обо мне, не с гневом, о, нет, но как их благодетеля. Ведь разве около двадцати тысяч их молодежи не прошло через мои руки, не было избавлено мною от проклятия варварства и не было послано изучать блага цивилизации и мирные искусства в домах добрых и снисходительных господ? Иногда, не часто, но по временам, в наших маленьких экспедициях проливалась кровь. Я сожалею об этом, но что поделаешь? Этот народ так упрям, что не может понять, как хорошо для него покориться моей власти. Когда нам мешали в нашем добром деле, приходилось сражаться. Мы все хорошо знаем горечь неблагодарности, но должны переносить ее. Таково испытание, посылаемое нам Небом, и вы, мои дети, должны всегда помнить об этом!

– Итак, я удаляюсь теперь с теми скромными сбережениями, какие мне удалось собрать за свою трудовую жизнь. Удаляюсь, чтобы провести закат своих дней в мире и молитвах. Но мне надо устроить еще одно маленькое дельце. Во время

нашего последнего путешествия на наше счастье к нам в руки попала дочь проклятого англичанина. Я привез ее сюда и, в качестве ее покровителя, просил вас собраться сюда, чтобы выбрать среди вас ей супруга, как велит сделать мне мой долг. Я не могу взять ее с собой, так как вблизи Мозамбика, куда я переселюсь, ее присутствие у меня могло бы подать повод к неприятным вопросам. Вот почему я и решил великодушно передать ее другому.

– Но кому отдать эту драгоценность, эту жемчужину, эту прелестную, милую девушку? Находясь среди столь ужасных господ, как вы, разве я могу поставить одного выше другого и объявить его более достойным девушки? Я не могу сделать этого и должен предоставить все случаю: я знаю, что Небо выберет лучше меня. Поэтому тот, кто сделает мне самый щедрый подарок, получит эту девушку, чтобы она услаждала его своей любовью. Сделает подарок, – заметьте, а не заплатит цену!

– Быть может, будет лучше всего установить, что размер подарка будет определен обычным путем, посредством состязания в унциях золота, если вам угодно.

– Еще одно условие, мои друзья. В этом деле все должно быть сделано, как следует: церковь должна произнести свое слово, и тот, кого я изберу, будет обвенчан с девушкой, здесь, в нашем присутствии. Разве у нас нет под рукою священника, и неужели мы на найдем для него занятия?

– Теперь, дети мои, пора приступить к делу. Эй, вы, при-

ведите английскую девушку!

Речь Перейры прерывалась возгласами самого иронического свойства, а объявление о предстоявшей церемонии бракосочетания было встречено взрывом грубого смеха.

После этого шум прекратился, и все стали ждать появления Хуанны.

Через несколько минут показалась фигура, одетая в белое. Ее сопровождало несколько человек.

Легкими, быстрыми шагами женщина прошла по открытому пространству, освещенному лунным светом, смотря прямо перед собою, пока, наконец, не подошла к веранде, где и остановилась. Здесь в первый раз Леонард увидел Хуанну Родд. Она была высокого роста, чрезвычайно стройная, темные волосы завязаны узлом на затылке ее прекрасной головы. У нее были замечательно тонкие черты и прекрасный цвет красивого округлого лица, но замечательнее всего были глаза, цвет которых менялся от серого до голубого оттенка, в зависимости от падавшего на них света. Леонард увидел, что они были велики, прекрасны, бесстрашны, но вместе с тем нежны. Одета она была в роскошное арабское платье, а на ногах – сандалии.

Остановившись перед верандой, Хуанна заговорила чистым, приятным голосом:

– Что вам еще нужно от меня, дон Антонио Перейра?

– Голубка моя, – отвечал негодяй грубым и насмешливым тоном, – не огорчайтесь вашей неволей. Я обещал вам найти

супруга, и вот все эти любезные господа собрались здесь для того, чтобы я мог сделать между ними выбор. Теперь ваш брачный час настал, моя голубка!

– В последний раз прошу вас, – заговорила снова девушка. – Я беззащитна и никому из вас не сделала зла. Позвольте мне уйти, умоляю вас!

– Позвольте уйти! Как? Кто же может тронуть вас, моя голубка? – отвечал старый сатир. – Я ведь сказал, что хочу отдать вас супругу!

– Я никогда не пойду к избранному вами супругу, дон Антонио, – сказала Хуанна серьезным, твердым голосом. – Будьте уверены в этом, вы все! Я не боюсь вас, зная, что Бог поможет мне, а теперь, обратившись к вам в последний раз с просьбой, я в последний раз предостерегаю вас, дон Антонио, и ваших злодеев-товарищей также. Прекратите ваши беззакония, не то вас ждет Божий суд. Смерть с небес висит над вашей головой, убийца, а после смерти – мщение!

Так она говорила, не громко, но с таким убеждением, с такой твердостью и достоинством, что сердца самых отчаянных негодяев тревожно забились. В конце своей речи Хуанна впервые взглянула на Леонарда, и глаза их встретились. Он наклонился вперед, слушая ее, и в своей скорби и тоске забыл удержать на своем лице то беспечное выражение, которое ему следовало хранить по разыгрываемой им роли. В этот миг у Леонарда было лицо английского джентльмена, благородное и открытое, хотя немного и суровое.

Во взгляде Леонарда, обращенном на Хуанну, было что-то, заставившее ее задержать свои глаза на молодом человеке. Мягко посмотрела на него девушка, как бы желая заглянуть в его душу, и Леонард вложил в свой ответный взгляд всю свою волю, все свое горячее сердечное желание показать ей, что она может считать его своим другом.

Они до сих пор никогда не встречались. Она даже не подозревала о его существовании, а в наружности Леонарда, одетого в костюм работорговца, было, по-видимому, мало отличия от окружающих его негодяев. Однако, ее утонченные отчаянием чувства прочли то, что было написано в его глазах, и прочли правильно. С этого момента Хуанна знала, что она не одна среди этих волков, что есть, по крайней мере, один человек, который спасет ее, если это будет возможно.

Еще раз она взглянула в его лицо, не опасаясь возбудить подозрения окружающих, которые были удручены ее страшным предсказанием.

Больше всех был смущен тот, к кому она обращала свою речь.

Суеверный ужас овладел Перейрой. Задрожав от страха, он бессильно откинулся на спинку своего кресла, с которого поднялся перед своей речью, прекрасного кресла черного дерева с инкрустацией из слоновой кости.

Сцена была такова, что Леонард никогда не мог забыть ее. Лунный диск ярко сиял на небе, и облитая лунным светом, среди массы злых лиц, одиноко стояла прекрасная девушка,

гордая, презиравшая своих врагов, даже будучи в их руках.

На несколько минут после слов Хуанны водворилось глубокое молчание, настолько полное, что Леонард мог слышать мяуканье котенка, спустившегося по ступенькам веранды и приближавшегося к ногам Хуанны. Молодая девушка, наклонившись, взяла на руки маленькое создание и прижала его к своей груди.

– Отпустите ее! – раздался, наконец, голос из толпы. – Она колдунья и принесет нам несчастье!

Эти слова, казалось, пробудили Перейру от оцепенения. С отвратительным проклятием он вскочил со своего кресла и, спустившись со ступенек веранды, подошел к своей жертве.

– Черт вас возьми, проклятая шлюха! – закричал он. – Вы думаете напугать меня вашими угрозами. Пусть Бог окажет вам помощь, если может. Желтый дьявол здесь сам бог. Вы так же в моей власти, как это животное, – и, выхватив из рук Хуанны котенка, он бросил его на землю. – Видите, Бог не помогает котенку, не поможет и вам. Ну, пусть все взглянут на то, что хотят купить!

С этими словами Перейра, схватив на груди Хуанны белое платье, разорвал его.

Поддерживая одной рукой разорванное платье, молодая девушка начала другой искать что-то в своих волосах. Ужас охватил Леонарда при виде этого. Он знал тайну о яде. Неужели сейчас она прибежит к нему?

Глаза их снова встретились, и во взгляде Леонарда было

предостережение. Хуанна распустила темные волосы, которые рассыпались вокруг ее плеч, прикрывая до пояса разорванное платье, но более ничего не сделала. Однако Леонард заметил, что правая ее рука была сжата: в ней-то и была скрыта смерть.

Указав на свое разорванное платье, молодая девушка еще раз обратилась к Перейре, проговорив:

– В ваш последний час вы вспомните об этом.

В это время к ней подошли рабы, чтобы исполнить волю своего господина, но все собравшиеся закричали:

– Оставьте ее. Мы видим, что девушка прекрасна!

Тогда рабы отступили, а Перейра не произнес ни слова.

Возвратившись на веранду, он стал у своего кресла и, взяв в руку пустой стакан вместо молотка аукциониста, заговорил снова:

– Сеньоры, я хочу предложить вам прекрасный выигрыш, по своей ценности превосходящий все, что имеется в продаже. Выигрыш этот – белая девушка англо-португальской крови. Она очень хорошо воспитана и набожна; что же касается ее послушания, то об этом я не могу ничего сказать. Дело ее будущего супруга научить ее этому. О красоте ее мне нет нужды распространяться; вы сами можете судить об этом. Взгляните на эту фигуру, волосы, глаза. Видели ли вы что-нибудь подобное? Выигрыш этот достанется тому из вас, кто сделает мне самый щедрый подарок. Да, в тот же момент он может взять ее вместе с моим благословением. Но я став-

лю такие условия: тот, кого я одобрю, должен быть законным образом обвенчан с ней патером Франсиско, – и, повернувшись, он указал на человека с несколько меланхолическим взглядом, стоявшего вблизи и одетого в разорванную местами рясу священника.

– Этим я исполню свой долг по отношению к этой девушке, – продолжал Перейра. – Еще одно слово, сеньоры: мы не будем тратить время на пустяки и начнем состязание прямо с унций!

– Серебра? – спросил какой-то голос.

– Серебра! – нет, конечно. Глупец, разве здесь идет речь о продаже негритянки? Золота, братец, золота! 30 унций золота и притом уплата сейчас же!

В толпе послышались разочарованные голоса, и несколько негодаев воскликнули:

– Тридцать унций золота! Что же делать нам, беднякам?

– Что вам делать? Работать усерднее и сделаться богатыми, конечно, – отвечал Перейра. – Неужели вы могли думать, что такие призы для бедняков? Ну-с, аукцион открыт. Начальная цена 30 унций. Кто прибавляет за белую девушку Хуанну? Кто прибавит, кто?

– Тридцать пять, – сказал человек низенького роста, худой, с чахоточным кашлем, годившийся более для могилы, нежели для женитьбы.

– Сорок, – вскричал другой, чистокровный араб, с мрачным выражением лица, желавший, очевидно, прибавить к

своему гарему новую гурию.

– Сорок пять! – отвечал его противник.

Тогда араб предложил 50, но маленький человек увеличивал свои ставки. Предложив 65, араб прекратил надбавки, решив, очевидно, обождать с гурией.

– Она моя! – закричал чахоточный.

– Подожди немного, дружок, – заговорил гигант-португалец Ксавье, – я сейчас только начну. – 75!

– 80, – сказал низенький человек.

– 90, – прокричал третий.

– 95, – отвечал Ксавье.

– Сто пять! – торжествующим тоном проговорил Ксавье.

Тогда его противник отступил с проклятием, и толпа зашумела, думая, что выиграл Ксавье.

– Пристукните, Перейра! – сказал португалец, посматривая с деланной небрежностью на свой приз.

– Подождите немного, – вмешался Леонард, – я начну теперь. Сто десять!

Толпа снова загудела, так как состязание становилось интересным.

Ксавье посмотрел на Леонарда и сжал в ярости кулаки. Он был очень близок к пределу той суммы, которую мог предложить.

– Ну, – закричал Перейра, облизывая от удовольствия свои губы, так как цена уже превысила ожидавшуюся им сумму на двадцать унций, – я пристукну красотку чуже-

странцу Пьеру. Ксавье, взгляните на девушку, и прибавьте еще. Право, она идет очень дешево. Только помните: кредита не будет ни на одну унцию. Плата сейчас же!

– Сто пятнадцать! – сказал Ксавье с видом человека, делающего последнее усилие попытаться счастья.

– Сто двадцать, – ответил спокойно Леонард, хотя он предложил последнюю имевшуюся в его распоряжении унцию и, если бы Ксавье прибавил еще, то должен был бы прекратить состязание или предложить в уплату рубин Соа. Конечно, он сделал бы это с удовольствием, но, пожалуй, никто не поверил бы, что камень таких размеров – настоящий рубин.

Тем не менее, ни одна черточка на лице Леонарда не выдала его волнения: напротив, спокойно повернувшись к слуге, он приказал подать себе бутылку с вином и сам наполнил свой стакан. Леонард знал, что его противник следил за ним. Прояви он малейшее волнение – и все пропало.

Между тем, зрители издали возгласы одобрения, а Перейра заставлял Ксавье прибавить еще. Одно мгновение португалец колебался, взглянув на Хуанну, которая, бледная, молча стояла, опустив голову на грудь.

Со стаканом вина в руке Леонард повернулся к своему противнику.

– Вы прибавите еще, сеньор? – спросил он.

– Нет, черт с вами! Берите ее! Я не дам больше ни одной унции ни за нее, ни за какую другую женщину на свете!

Леонард только улыбнулся и посмотрел на Перейру.

– Белая девушка, Хуанна, – начал тот медленно, – переходит к чужестранцу Пьеру за сто двадцать унций золота. Ксавье, не теряйте ее. Смотрите, пожалеете после. Я спрашиваю вас в последний раз! – И он поднял вверх стой стакан.

Ксавье сделал шаг вперед и хотел что-то сказать. Сердце Леонарда сильно забилося, но внезапно португалец раздумал и отвернулся.

– Кончено! – прокричал Перейра, стукнув стаканом о ручку своего кресла с такой силой, что осколки стекла полетели в разные стороны.

ХІІІ. Полночное бракосочетание

– Кончено! – сказал снова Перейра. – Теперь, друг Пьер, прежде, чем мы узаконим это дело при помощи нашей святой церкви, быть может, вы отдадите золото. Вы помните, что дело шло на наличные.

– Конечно, – отвечал Леонард. – Где эта черная собака, мой карлик? А, вот он! Собака, дай золото. Если у тебя его недостаточно, то вот еще! – и, сняв свой пояс, из которого он предварительно вынул рубин, Леонард швырнул его Оттеру.

– А теперь, сеньоры товарищи, – продолжал он, – выпейте за мое здоровье и невесты; надеюсь, что мы еще будем иметь дела с вами. Я заплатил довольно дорого за эту девушку, но что же делать? Люди нашей профессии должны быть готовы удовлетворить свои прихоти, чтобы сделать веселее нашу краткую жизнь!

– Зато она будет лучшего мнения о вас, а вы о ней, – произнес чей-то голос. – За здоровье капитана Пьера и его невесты! – и они выпили, громко крича в пьяном весельи.

Между тем Оттер, подобострастно приблизившись к Перейре, стал пригоршнями класть золотые слитки и монеты на чашку весов, которые держал в руках Желтый дьявол. Наконец, все золото, имевшееся у Леонарда, было положено на весы блестящей грудой.

– Немного не хватает до 120 унций, – сказал Ксавье, – я

беру девушку!

– Баас, – тихо сказал Оттер, – у тебя есть еще золото? Тут не хватает до полного веса!

Леонард беззаботно посмотрел на чашку с золотом, которая, колеблясь, стояла почти вровень с другой чашкой весов.

– Сколько угодно, – сказал он, – но сюда будет достаточно вот этого!

С этими словами, сняв со своего пальца кольцо с печатью, он бросил его на весы. Исключая рубин, это была последняя ценная вещь, которую он имел при себе. Чашка с золотом опустилась.

– Хорошо, – сказал Перейра, потирая от удовольствия руки при виде такого богатства. – Принесите мне кислоты, чтобы испытать золото. Не обижайтесь, чужестранец Пьер, но ведь есть негодные люди, которые выдают медь за золото!

Исследовав качество золота и найдя его хорошим, Перейра, обратившись к патеру, произнес:

– Ну, отец, приступайте к своему делу!

Патер Франсиско выступил вперед. Он был очень бледен и казался сильно испуганным. Леонард, при взгляде на него, с удивлением увидел, что лицо патера отличалось тонкостью черт и дышало добротой.

– Дон Антонио, – сказал священник мягким, почти девическим голосом. – Я протестую против вашего приказания. Судьба бросила меня в вашу среду, и я принужден был видеть много зла, но сам его еще не делал. Я напутствовал уми-

рающих, ухаживал за больными, утешал угнетенных, но еще не принимал участия в кровавых подвигах. Я пастырь нашей святой церкви и если повенчаю этих двоих, то они будут мужем и женой до самой смерти. Я не хочу призывать благословение церкви на этот позорный акт. Я не хочу делать этого!

– Вы не хотите делать этого, бритый изменник? – прорычал Перейра в бешенстве. – Разве вы хотите последовать за вашим братом? Смотрите, мой друг, или вы исполните мое приказание и повенчаете этих двоих людей, или... – Перейра произнес страшную угрозу.

– Нет, нет, – сказал Леонард, желая воспользоваться удобным случаем избежать участия в отвратительном глумлении над святыней. – Оставьте его в покое. Что значат молитвы обманщика? Сеньора и я обойдемся без них!

– Я вам говорю, чужестранец, что вы должны жениться на девушке, а этот плакса повенчает вас. Если вы этого не сделаете, то я удержу золото и девушку. Что же касается его, то он может выбирать. Эй, рабы, принести бич!

Нежное лицо Франсиско покрылось розовой краской.

– Я не герой, чтобы вынести это, – произнес он, – я исполню ваше приказание, дон Антонио, и да простит мне Бог этот грех. Слушайте меня вы, Пьер и Хуанна! Я сделаю вас мужем и женой, соединю вас при помощи таинства, святость которого не уменьшится теми ужасными обстоятельствами, при которых оно будет совершено. Вам, Пьер, я советую оставить ваши злодеяния, любить и оберегать эту женщину, не

то проклятие Неба обрушится на вас. Вы, Хуанна, надейтесь на Бога, Бога сирот и угнетенных, который воздаст вам за переносимые вами невзгоды, и простите меня!

После этого патер попросил дать ему воды для освящения и кольцо.

– Вот кольцо, – сказал Перейра, взяв из золотой кучи кольцо Леонарда. – Это мой свадебный подарок!

Вода была налита в сосуд, и священник освятил ее.

Затем он предложил Леонарду стать рядом с девушкой и попросил толпу отступить несколько назад. Все это время Леонард наблюдал за Хуанной. Она не произнесла ни слова, и лицо ее было спокойно, хотя глаза говорили ему об ужасе и отчаянии, которыми было полно ее сердце.

Раз или два она подносила свою сжатую правую руку ко рту, но опускала, не коснувшись губ. Леонард понимал хорошо ее мысли и, чтобы предотвратить роковой исход, решился заговорить с ней, рискуя быть разоблаченным.

Повинуясь указанию священника, он стал, улыбаясь, рядом с нею. Затем, продолжая улыбаться, он взял в руку волну темных волос молодой девушки, как бы любуясь ею, и нагнулся к ней, сделав вид, что хочет поцеловать ее. Бледная и суровая стояла Хуанна, и рука ее еще раз поднялась к устам.

– Стойте! – шепнул ей Леонард по-английски. – Я пришел освободить вас. Перенесите этот фарс, он не имеет никакого значения. Затем, когда я скажу вам, бегите по подъемному мосту в лагерь рабов!

Она поняла, и рука ее опять опустилась.

– Эй, друг Пьер, что это вы там шепчете? – спросил подозрительно Перейра.

– Я говорил невесте, как она прекрасна! – отвечал беспечно Леонард.

Хуанна окинула его притворным взглядом ненависти и гнева, и затем церемония началась.

Молодой священник был одарен прекрасным, звучным голосом и при свете луны совершал венчание так торжественно, что даже негодяи, стоявшие вокруг, прекратили свои шутки и замолкли. Все было сделано правильно, хотя Хуанна и не ответила ничего на обычные вопросы. Бесстыдный Перейра с нахальной любезностью руководил церемонией. Наконец, руки новобрачных были соединены, кольцо надето палец Хуанны, произнесено благословение, и все было кончено.

В течение всего этого времени Леонард стоял как во сне. Ему казалось, что они действительно обвенчаны. Но когда церемония кончилась, он пробудился от своих мечтаний; фарс был сыгран, теперь надо было уходить.

– Ну-с, дон Антонио, – сказал он Перейре, – теперь я должен попрощаться с вами. Моя лодка...

– Глупости, – перебил его работорговец, – вы останетесь здесь ночевать!

– Благодарю вас, но мне нельзя, – отвечал Леонард. – Завтра я могу вернуться, чтобы устроить маленькое дельце. У

меня есть поручение купить человек пятьдесят за хорошую цену!

Говоря это, Леонард взглянул на восток и увидел густые облака дыма, поднимавшиеся вдали. Наконец, тростники были зажжены. Люди Мэвума сделали свое дело, и пламя скоро будет замечено. Надо было уходить, пока не поздно.

– Ну, если вы должны, так нечего делать, – отвечал Перейра, причем Леонард заметил, что негодяй как будто даже доволен его уходом. Впоследствии Хуанна объяснила ему, что Желтый дьявол был напуган ее предсказанием, что тот, кто возьмет ее, погибнет. Суеверно ожидая исполнения этого предсказания, Перейра был рад уходу покупателя: иначе, если бы тот умер в гнезде, могли бы подумать, что он убил его с целью завладеть золотом и девушкой.

Попрощавшись с Перейрой, Леонард повернулся, чтобы идти, сопровождаемый Оттером и Хуанной, которую он вел за руку. Леонард хотел сначала идти к воротам, затем быстро свернул к подъемному мосту, где должны были ждать его Соа и люди Мэвума, вместе с которыми предполагал скрыться из гнезда.

Но едва он успел сделать несколько шагов, как гигант-португалец Ксавье, стоявший до сих пор в глубокой задумчивости, подошел к нему.

– По крайней мере, я должен разок поцеловать ее за мое беспокойство! – сказал он, и, схватив Хуанну за талию, пригнул к себе.

Тогда Леонард, забыв всякую осторожность, со сжатыми кулаками бросился на негодяя и ударил его по лицу с такой силой, что тот упал на землю, увлекая за собой Хуанну.

В следующее же мгновение молодая девушка была на ногах и стояла возле Леонарда. Ксавье также поднялся с земли и со страшными проклятиями обнажил свою саблю.

– Следуйте за мной! – сказал Леонард Хуанне и Оттеру и, не прибавив более ни слова, бросился бежать.

Взрыв смеха из толпы раздался ему вслед.

– Вот храбрец! Это французский фокусник! – кричали работорговцы. – Бьет безоружных, а сам боится сражаться!

Эти люди завидовали чужеземцу и с удовольствием увидели бы его смерть.

– Остановить его! – раздалось несколько голосов, и с десятков негодяев бросились за ним, как собаки, преследующие дичь.

Леонард мог бы убежать от них, так как бегал очень быстро, но ни Хуанна, ни Оттер не могли поспеть за ним; он замедлил шаги и вскоре увидел перед собой работорговцев, некоторые из которых держали в руках ножи.

– Стой, трус! Стой и сражайся! – закричали они, размахивая оружием перед его лицом.

– Хорошо! – отвечал Леонард, остановившись и оглядываясь вокруг.

Не далее чем в тридцати ярдах от него был подъемный мост, который, как показалось Леонарду, начал немного ко-

лебаться, словно собираясь опуститься. Оттер и Хуанна стояли возле Леонарда, на которого уже бежал со зверским окровавленным лицом гигант-португалец с саблей наголо, изрыгая ругательства.

– Оттер, – быстро проговорил Леонард, выхватывая свою саблю, – стань сзади меня, чтобы, когда я буду драться с этим, остальные не бросились на меня, а вы сударыня, – обратился он к Хуанне, – бегите к мосту. Соа и ваши люди там!

Едва он успел произнести эти слова, как Ксавье был уже около него. Яростно замахнувшись, он хотел нанести удар Леонарду, но последний отпрыгнул назад, и удар пришелся по воздуху. Еще два раза Ксавье пытался ударить своего противника саблей, но оба раза Леонард повторял свой маневр, отступая к подъемному мосту, который теперь был от него не далее, как в двадцати ярдах. Но когда португалец бросился на него в четвертый раз, англичанин не мог повторить своего приема, так как сзади него уже были работорговцы.

Ксавье размахнулся и нанес страшный удар. При лунном свете Леонард увидел, как сверкнула сталь, но парировал удар саблей. При ударе стали о сталь посыпались искры, и на землю полетели обломки сабель.

– Продолжай, баас, продолжай, – сказал Оттер, – обе сабли сломались!

Леонард увидел, что Оттер говорил правду. Португалец швырнул в сторону свое сломанное оружие и схватился за нож.

У Леонарда не было ножа, а о револьвере в этот момент он не вспомнил. С обломком сабли в руке он бросился на Ксавье, который ринулся ему навстречу. Противники ударились друг о друга, как два ядра. Леонард нанес Ксавье один удар своим обломком сабли, отбросив его затем, как бесполезную вещь. Однако этот обломок оказал ему хорошую услугу: попав в правую руку португальца, он парализовал ее на одно мгновение, вследствие чего Ксавье уронил свой нож. После этого противники схватились друг с другом без всякого оружия.

Дважды гигант-португалец поднимал англичанина с земли, но ему не удавалось бросить его оземь, как он того хотел.

Дав португальцу время истощить силы, Леонард, сделав быстрое движение, поставил свою правую ногу за левой ногой Ксавье и с силой толкнул своего врага в грудь. Потеряв равновесие, гигант упал на землю с глухим стуком, как срубленное дерево, увлекая за собой и Леонарда, который, однако, упал на противника.

С мгновение португалец лежал тихо, тяжело дыша. Леонард огляделся: шагах в восьми от них лежал нож; кто овладеет им, тот выиграет эту смертельную игру. Ксавье, собравшись с силами, уже сжимал его в своих страшных объятиях. Он также видел нож и мог схватить его. Чтобы лишиться своего врага возможности овладеть ножом, Леонард сделал движение и закрыл своим телом нож от глаз Ксавье. Но для этого ему пришлось ослабить давление на грудь противника, чем

тот и воспользовался, чтобы поднять спину с земли. Толпа, увидев это, заликовала, думая, что чужеземец ослабел.

– Нож! Дайте нож! – прохрипел Ксавье, и несколько человек бросились исполнять его приказание.

Но Оттер с обнаженной саблей загородил им дорогу. Его черное лицо подергивалось от волнения, глаза сверкали, и плечи вздрагивали.

Оцепеневшей при виде ужасной борьбы Хуанне карлик казался чем-то вроде черного гнома, скорее сверхъестественным существом, нежели человеком.

– Кто коснется ножа – умрет, – проговорил он по-арабски, протянув вперед свою длинную руку с обнаженной саблей. – Пусть эти петухи дерутся, господа!

После слов Оттера никто не смел приближаться к ножу.

Не получив оружия, Ксавье сделал страшное усилие и освободил свою правую руку, которой сжал горло противника. Леопард напряг все свои силы, и, наконец, ему удалось опять повалить Ксавье на спину, но гигант со страшной силой сжимал его горло. Кровь застучала в его висках, и он чуть не лишился чувств. Собрав последние силы, Леонард ударил португальца кулаком правой руки в лоб так тяжело, что голова гиганта стукнулась о каменистую почву. Еще один страшный удар – и Леонард почувствовал, что его горло свободно и воздух ворвался в легкие. Теперь он мог бы схватить нож, но в нем уже не было надобности. Португалец, широко раскинув руки, судорожно вытянулся и затих.

Пока зрители с удивлением смотрели на ужасный исход борьбы, Хуанна, помня наставления своего избавителя, повернувшись, побежала к подъемному мосту. Оттер же, подскочив к Леонарду, поднял его с земли.

– Вот хороший удар! – вскричал карлик. – Он мертв, клянусь духом моей матери, хоть сталь и не коснулась его. Очнись, баас, очнись: хотя борова уже нет, но свиньи еще остались!

Леонард мало-помалу пришел в себя. Посмотрев вокруг, он увидел Хуанну, стоящую у моста, по-видимому, в раздумье, бежать ей, или стоять на месте.

– Господа, – прохрипел Леонард, обращаясь к окружающим его работорговцам, – я сражался, и победа осталась за мной. Теперь дайте мне спокойно уйти вместе с девушкой. Жив ли этот человек?

Работорговцы обступили тело Ксавье; среди них находился и патер Франсиско, который, став на колени, осмотрел португальца.

– Бесполезно ухаживать за ним, он мертв! – проговорил священник, встав с колен.

Работорговцы посмотрели на Леонарда с удивлением, смешанным с ужасом: кто бы мог подумать, что такой силач, как Ксавье, мог быть убит ударом кулака? Они не учли, что не трудно убить так человека, голова которого лежит на камне.

Однако удивление их перешло в ярость. Ксавье был их лю-

бимцем, и они не хотели оставить неотомщенной его смерть. С угрозами и проклятиями они подступили к Леонарду.

– Назад! – произнес он. – Дайте мне дорогу. Я честно сражался с вашим другом; видите, я даже не воспользовался вот этим! – прибавил он, внезапно вспомнив о своем кольце, и направил на них дуло револьвера.

При блеске стали пыл работорговцев несколько уменьшился, и они расступились.

– Быть может, вы дадите мне вашу руку, батюшка? – сказал Леонард, обращаясь к Франсиско, стоявшему возле него. – У меня немного повреждена нога!

Франсиско исполнил эту просьбу, и Леонард направился к Хуанне, а Оттер шел сзади с обнаженной саблей.

Не успели они сделать и десяти шагов, как Перейра, наскоро посоветовавшись с одним из своих помощников, быстро выступил вперед.

– Схватить этого человека! – закричал он. – Он убил уважаемого дона Ксавье, нанеся ему предварительно оскорбление. Он должен поплатиться за это!

Десяток негодяев бросились вперед исполнять приказание своего главаря, но пистолет и сабля Оттера охладили их усердие.

Леонард увидел, что положение становится серьезным, но внезапная мысль пришла ему в голову:

– Хотите вы бежать из этого места, батюшка? – быстро спросил он священника.

– Да, – ответил Франсиско, – здесь настоящий ад!

– В таком случае, как можно скорее ведите меня к мосту.

Я слаб и измучен, но там будет помощь!

В это время подъемный мост, находившийся от него не далее чем в десяти ярдах, с треском опустился.

– Бегите туда, Хуанна Родд! – закричал по-английски Леонард.

Молодая девушка повиновалась, помедлив немного. Казалось, взгляд ее говорил: как я могу оставить вас?

– Ну, батюшка, теперь скорей к мосту! – прибавил Леонард и, опираясь о плечо священника, прихрамывая, пошел вперед.

– Измена! – заревел Перейра. – Остановить его! Кто опустил мост?

Один из работорговцев бросился на Леонарда. Это был тот самый молодой человек, которому Леонард предлагал драться перед аукционом. В его руках был нож, которым он уже махнулся, чтобы ударить Леонарда в спину, но Оттер, охранявший своего господина, взмахнул саблей, и работорговец рухнул на землю с раскроенным черепом.

– Взять мост и удерживать его! – заревел снова Перейра.

– Поднимите мост! Поднимите! – вскричал в свою очередь Оттер, с саблей и пистолетом в руках отгоняя наседавших на него работорговцев.

Подъемный мост был поднят с такой быстротой, что Леонард и Франсиско, которые еще не успели его пройти до кон-

ца, покатались на землю, очутившись, наконец, в лагере рабов.

– Оттер! – вскричал Леонард. – Боже мой! Они убьют его!

Вместо ответа карлик, выстрелив из своего пистолета, с громким криком, подобно дикой кошке, подпрыгнул в воздух и схватился за железные цепи поднимавшегося в это время моста. Один из врагов попробовал было схватить его за ноги, но он с такой силой ударил его ногой по лицу, что тот полетел в воду. В следующий момент он был вне досягаемости врагов и быстро карабкался вверх. Два-три ножа и несколько пуль были пущены ему вслед, но неудачно.

– Ага, Желтый дьявол, – вскричал карлик, – посмотри назад: там виден другой дьявол, еще желтее и злее тебя!

Перейра со всей компанией обернулся, и в ту же минуту громадный столб пламени с шумом вырвался из болота. Тростники разгорелись, и ветер разносил пламя.

XIV. Месть

– Измена! Измена! – заревел Перейра. – Тростники горят. Этот колдун погубил нас!

– Ха-ха-ха! – захохотал Оттер в своем убежище. – Измена! Измена! А что если рабы освобождены, что если ворота заперты?

При этих словах Оттера толпа застыла от ужаса, смотря то на карлика, то на приближавшееся пламя. Наконец негодяи обрели снова дар речи.

– Это враг! Убить его! На штурм лагеря! К воротам! – раздались крики на разных языках.

Для большинства работорговцев это были последние их крики на земле, так как в тот же момент над валом показалось пламя, сопровождаемое гулом выстрела, и шесть фунтов картечи врезались в толпу, проложив в ней широкую дорогу. Пораженные ужасом негодяи бросились бежать.

Очутившись в лагере рабов, Леонард и священник нашли Хуанну, стоявшую в безопасности около сторожки, среди группы людей ее отца.

– К оружию! – вскричал Леонард. – К оружию! Стрелять в них!

В это время он увидел Оттера, предоставленного собственной участи, и закричал от ужаса. Но карлик спасся, как мы видели, и спустился с моста целый и невредимый.

Опираясь на Оттера и Франсиско, Леонард в сопровождении Хуанны пошел вдоль вала к тому месту, где стояла пушка. Но у орудия уже находилась Соа с несколькими из людей Мэвума, державшая в руках запальный шнур. Она дернула за шнур и отскочила назад при откате орудия, точно была настоящим артиллеристом.

– Ага! – произнес Оттер. – Старуха не ленится. Она искусна, как мужчина!

В следующую минуту они помогли зарядить пушку, а Соа бросилась на колени перед Хуанной, целуя ей руки.

– Ну, передохнем пока! – сказал Леонард, опускаясь на землю в страшном утомлении. – Эти дьяволы пошли за своим оружием. Они, вероятно, сейчас атакуют нас. Соа, опусти ниже дуло орудия! – Затем он приказал всем освобожденным рабам вооружиться, чем попало, так как в сторожке нашлось всего два ружья.

В следующую минуту работорговцы с воем начали наступать, таща за собой длинные доски, с помощью которых они надеялись перейти канал.

– Смотрите! – сказал Леонард: – Они хотят открыть огонь. За вал все! – и, схватив стоявшую вблизи Хуанну, он поставил ее за укрытие. Едва он успел это сделать, как град пуль посыпался на них. Несколько человек, не успевших спрятаться за вал, были убиты или тяжело ранены. Осыпав врагов пулями, работорговцы стали приближаться к лагерю, переходя группами открытое пространство. Заметив

это, Леонард подал команду стрелять; и опять картечь произвела страшное опустошение в их рядах. Пораженные ужасом работорговцы отбросили всякую мысль о штурме лагеря, думая только о спасении собственной жизни. Большинство врагов бросились теперь к воротам, стремясь найти спасение в бегстве. Но ворота были заперты, а сломать их было нелегко. Однако, схватив ствол дерева, работорговцы пытались с его помощью разбить ворота. Снова раздался выстрел из орудия в массу негодяев, столпившихся у ворот. Большинство их разбежалось, пытаясь укрыться в гнезде; человек десять продолжали разрушать ворота, а после нескольких выстрелов из ружей Леонарда и Оттера, последовали примеру своих товарищей.

– О, смотрите, смотрите! – сказала Хуанна, указывая на восток.

Зрелище было действительно необыкновенное. Густые тростники, высотой от 12 до 15 футов, горели далеко к востоку от гнезда, и море пламени бушевало, уничтожая все перед собою.

– Дома и навес скоро сгорят, и тогда они должны будут выйти на открытое место, где мы и уничтожим их! – сказал Леонард.

– Мы должны быть осторожны, баас, – сказал Оттер, – а то навесы для рабов сгорят также со всеми находящимися в них людьми!

– Боже! Я не подумал об этом! – отвечал Леонард. – Ба-

тюшка, – обратился он к Франсиско, – если вы хотите сделать доброе дело, возьмите несколько людей с ведрами с водой и тушите искры, падающие на навесы!

Священник взялся за это дело и, работая без устали в течение двух часов, спас навесы с рабами от пожара.

К восходу солнца от гнезда оставались одни развалины, а обитатели его, не находя спасения в горевших зданиях, то бросались в болото, то, подходя к лагерю рабов, просили пощады, но были безжалостно убиты Оттером.

Наши друзья, за исключением карлика, страшно утомились и нуждались в отдыхе, но Оттер все еще кипел желанием мстить, для чего, выпросив у Леонарда разрешение взять с собой нескольких людей Мэвума, пошел уничтожать тех врагов, которые еще были живы. Тем временем Леонард и другие, достав воды, помылись и вообще привели себя в порядок, а затем сели завтракать. К концу завтрака вернулся Оттер, цел и невредим, хотя пяти людей из числа взятых им не доставало.

– Все кончено? – спросил Леонард у карлика.

Оттер кивнул головой.

– Некоторые убиты, другие убежали, – сказал он, – но они для нас уже не опасны, так как не посмеют вернуться сюда. Но это еще не все, баас. Мы взяли одного из них живым. Посмотри на него, баас!

Леонард перешел по мосту через канал и подошел к группе людей, ходивших с Оттером к гнезду. Среди них лежал

на земле какой-то белый человек, издававший стоны ужаса и страха. Когда он поднял голову, то Леонард увидел, что это был сам Желтый дьявол.

– Где вы его нашли, Оттер? – спросил Леонард.

– В магазине, баас, и твое золото с ним, а также много ружей и пороху. У него не хватило духу поджечь порох и покончить со всем!

В это время Перейра, не замечая еще Леонарда, попросил воды.

– Дайте ему крови, – мрачно сказал один из освобожденных рабов, – всю жизнь он пил ее, пусть напьется в последний раз!

Леонард попросил Франсиско дать ему воды, и тогда Перейра, заметив его, начал молить о прощении.

– Антонио Перейра, – отвечал сурово Леонард, – вы получите только справедливое возмездие, не более!

– Баас, – вмешался Оттер, – отдайте его нам: он – наш мучитель и теперь принадлежит нам!

– Как! – завыл Перейра. – Я буду отдан этим черным собакам? Пощады! Пощады! Франсиско, просите за меня! Исповедуйте меня! Я знаю, я убил вашего брата, я должен был сделать это. Просите за меня! – и, катаясь по земле, он старался обнять ноги Леонарда.

– Я не могу исповедывать вас, – сказал, содрогаясь, священник, – но я буду молиться за вас!

В это время туземцы яростно бросились на Перейру, но

Леонард остановил их, сказав.

– Я не допущу здесь ваших диких жестокостей. Пусть этот человек будет расстрелян, но не более!

Очевидно, однако, Перейре не суждено было погибнуть от руки человека, так как, едва Оттер коснулся его, он, побагровев, всплеснул руками и со стоном рухнул на землю.

Леонард посмотрел на него: он был мертв, умер от страха смерти; ужас прекратил биение его злодейского сердца.

– Пастушка верно предсказывала, – вскричал Оттер, – что небо похитит его от нашего мщения. По крайней мере, теперь он уже не будет делать зла!

– Оттащите его прочь! – сказал Леонард с содроганием. Повернувшись к карлику, он прибавил:

– Оттер, возьми этих людей и освободи остальных пленных, затем забери боевые припасы, ружья и провиант из склада оружия и снеси их к воротам. Мы должны скорее уходить отсюда, а то убежавшие работоторговцы могут вернуться сюда со свежими силами!

Такая судьба постигла, наконец, Антонио Перейру, Желтого дьявола.

XV. Разочарование

Наступило утро, и путешественники расположились лагерем в том скрытом в тростниках месте, где были спрятаны Леонардом и Оттером лодки, захваченные ими у работорговцев. Сотни освобожденных рабов были перевезены на другой берег реки, снабжены всем необходимым и затем предоставлены собственной участи, так как взять их с собой не представлялось никакой возможности.

Когда освобожденные пошли своей дорогой, Оттер, проводив их глазами, сказал Леонарду:

– Ну, мы сделали наше дело в гнезде, поговорили с Желтым дьяволом и его бандой, баас! Что же, пойдем мы теперь искать золото, настоящего желтого дьявола?

– Я предполагаю, что да, Оттер, – отвечал Леонард. – Если только Соа сдержит свое слово. Но речь идет не о золоте, а о рубинах. Во всяком случае, сначала мы должны отправиться в поселение ниже Сены, отвести этих людей назад и узнать что-нибудь о Мэвуме!

– Так, – сказал, помолчав немного, Оттер. – Пастушка, как называли ее поселенцы, желает, конечно, разыскать своего отца. Однако, баас, не желаешь ли выкупаться в реке, чтобы печаль оставила тебя?

Леонард последовал этому совету и вернулся после купания совсем другим человеком, так как холодная вода все-

гда производила на него волшебное действие. Теперь он чувствовал себя вполне нормально, так как, за исключением легкого вывиха на ноге и царапины на горле в том месте, где схватил его Ксавье, он не заплатил более ничем за памятную ночь, проведенную в гнезде Желтого дьявола. Среди добычи, найденной в лагере, оказалось несколько перемен платья, в которое Леонард и поспешил переодеться, скинув с себя португальскую форму. Теперь он был одет как обыкновенный английский колонист, довольно неуклюже, но удобно.

Между тем и Хуанна окончила свой туалет с помощью Соа, воспользовавшейся этим временем, чтобы рассказать своей госпоже историю встречи с Леонардом Утрамом. Но нарочно или по забывчивости, только она ни слова не упомянула о соглашении, существовавшем между ними.

Окончив свой туалет, молодая девушка вышла прогуляться, направившись по узенькой тропинке через тростниковую заросль. Едва она успела сделать несколько шагов, как столкнулась лицом к лицу с Леонардом.

Протянув Леонарду руку, она любезно улыбнулась ему:

– Доброе утро! – сказала Хуанна. – Надеюсь, вы хорошо спали и нет никаких плохих новостей?

– Я провел восемь часов в состоянии совершенного оцепенения, – отвечал он смеясь, – а новостей нет никаких, кроме тех, что я освободил этих бедняг – рабов. Думаю, что наши друзья, работоторговцы, достаточно уже пользовались на-

шим обществом и едва ли последуют за нами!

Она, побледнев немного, отвечала:

– Вероятно, так. По крайней мере, я довольно натерпелась от них. Кстати, м-р Утрам, я должна поблагодарить вас за эту громадную услугу, которую вы оказали мне; при этом ее глаза упали на золотое кольцо, блестевшее на ее пальце. – Это кольцо принадлежит вам, – прибавила она, – и я должна вернуть его вам!

– Мисс Родд, – сказал медленно Леонард, – мы пережили вместе с вами очень странные приключения. Не сохраните ли вы это кольцо на память о них?

Первым ее побуждением было отказаться. Пока она будет носить это кольцо, мысль об ужасной сцене ее продажи и еще более ненавистной пародии на брак будет постоянно с ней. Однако когда слова отказа уже были готовы слететь с ее уст, какое-то неизвестное чувство, скорее, инстинкт, почти суеверие удержало ее от этого.

– Вы очень любезны, – сказала она, – но это ваше фамильное кольцо. Вы не можете отдавать его случайным знакомым!

– Да, это мое фамильное кольцо, но если вы взглянете на герб и девиз, то увидите, что они похожи в своем значении; вот почему я могу дать его даже «случайному знакомому». Читайте: «За дом, честь и любовь», – сказал Леонард.

Хуанна при слове «любовь» покраснела, сама не зная почему.

– Хорошо, я буду носить кольцо, если вы желаете этого, м-р Утрам, на память о наших приключениях, пока вы не потребуете его обратно, – смущенно проговорила она, – но в этих приключениях есть одна подробность, – прибавила она другим тоном, – я разумею отвратительный и негодный фарс, в котором мы вынуждены были принимать участие. Большинство свидетелей этой позорной сцены умерли и не могу более говорить о нем, а вы должны заставить вашего слугу-карлика молчать; я сделаю то же по отношению к патеру Франсиско. Пусть он будет забыт нами обоими!

– Конечно, мисс Родд, – сказал Леонард, – если только такая странная вещь может быть забыта. А теперь, не угодно ли вам пожаловать к завтраку?

Она наклонила голову и прошла мимо него с красными лилиями в руке.

– Странно! Какую власть может иметь она над этим священником, – сказал Леонард, – и как может заставить его молчать? Что касается меня, то я бы с удовольствием общелся без его общества. Странная девушка!

Вернувшись на место стоянки, Леонард застал священника, дружески беседующего с Хуанной.

– Кстати, батюшка, – внезапно обратился он к священнику, – как вы знаете, я отправил этих рабов, предоставив им возвратиться самим по своим домам, так как взять их с собой было невозможно. Каковы же ваши планы? Вы относились к нам до сих пор хорошо, но я не могу забыть, что застал вас

в дурной компании. Быть может, вы желаете возвратиться к ней, и в таком случае, ваш путь лежит к востоку! – и Леонард указал рукой по направлению к гнезду.

– Я не удивляюсь, сеньор, что вы не доверяете мне, – сказал Франсиско, причем его бледное девическое лицо покрылось краской, – так как обстоятельства говорят против меня. Но уверяю вас, что хотя я и вступил в компанию Антонио Перейры по собственному желанию, однако, не с дурной целью. Чтобы долго не распространяться, сеньор, скажу вам, что у меня был брат, который, совершив преступление, бежал из Португалии и поступил в шайку Перейры. С большим трудом я нашел его здесь и был с удовольствием принят в гнезде, так как я могу и ухаживать за больными, и напутствовать умирающих; ведь злодеи, сеньор, в конце концов, тоже люди. Я убедил моего брата вернуться со мной, и мы составили план бегства, но Перейра узнал об этом, и мой брат был повешен. Они не тронули меня ради моего сана, но стали возить с собой пленником в свои экспедиции. Вот и вся история. Теперь, с вашего позволения, я бы хотел следовать с вами, так как у меня нет денег и я не могу идти один по этой пустыне, хотя и боюсь, что по своему слабосилию не в состоянии оказать вам помощь, а в моих услугах, как священника, едва ли вы будете нуждаться, будучи другого вероисповедания.

– Очень хорошо, – отвечал холодно Леонард, – но, пожалуйста, поймите, что мы еще окружены многими опасностями.

ми и предательство может погубить нас. Поэтому предупреждаю вас, что в случае, если я открою что-либо подобное, мой ответ будет короток!

– Не думаю, чтобы вам нужно было предупреждать об этом батюшку, м-р Утрам, – проговорила с негодованием Хуанна. – Я обязана ему многим; если бы не его советы, меня бы уже не было в живых. Я ему глубоко благодарна!

– Если вы ручаетесь за него, мисс Родд, то, конечно, этого достаточно. Вы лучше меня знаете его! – отвечал медленно Леонард, мысленно сопоставляя разницу в оценке услуг патера и его собственных.

Окончив завтрак, наши путешественники поплыли вверх по реке в лодках, похищенных у работорговцев. В каждую лодку сели лучшие гребцы из поселенцев. Считая женщин и детей, всего было 60 человек.

Вечером они прошли мимо того острова, на котором оставили без лодок компанию работорговцев, но не могли увидеть на нем ни малейшего признака жизни и так и не узнали, погибли ли эти люди, или спаслись.

Через час они расположились на отдых на берегу реки. Сидя около костра, Хуанна рассказала Леонарду о тех ужасах, которым она подвергалась во время своего путешествия с караваном работорговцев. Она вспомнила, как, вырывая из Библии листы, она укрепляла их в тростнике, с целью облегчить отцу его поиски. «Все это было что-то вроде кошмара, – говорила она, – а что касается отвратительного фарса с бра-

ком, то я не могу равнодушно вспоминать о нем».

Франсиско, молча сидевший до сих пор, заговорил:

– Вы говорите, сеньора, – сказал он, – об этом «отвратительном фарсе с браком», разумея, вероятно, церемонию, которую я совершил над вами и сеньором Утрамом, будучи принужден к тому Перейрой. Мой долг сказать вам обоим, что как ни необычен этот брак, однако я не могу считать его фарсом. Я верю, что вы законные муж и жена до тех пор, пока смерть не разлучит вас, если только, конечно, Папа не расторгнет брак, так как только он один может сделать это!

При этих словах священника Хуанна вскочила со своего места, и Леонард заметил, что грудь ее тяжело дышала, а глаза пылали гневом.

– Просто невыносимо, что я вынуждена слушать такую ложь! – сказала она. – Если вы будете снова повторять ее в моем присутствии, отец Франсиско, то я совсем не стану говорить с вами. Я отвергаю этот брак. Перед началом церемонии м-р Утрам шепнул мне проделать этот фарс. Если бы я думала иначе, то предпочла бы проглотить яд. Если есть какое-нибудь оправдание этому браку, значит, я была обманута и вовлечена в ловушку!

– Виноват, сеньора, – возразил священник, – но вы не должны так горячиться. – Сеньор Утрам и я делали только то, что были вынуждены сделать!

– Полагая, что отец Франсиско прав, – сказал саркастически Леонард, – чему я не верю, неужели вы, мисс Родд,

думаете, что подобный факт устраивал бы меня более, чем вас? Если бы я хотел «обмануть вас» и вовлечь в ловушку, то сделал бы это, не связывая самого себя; ведь даже такой ничтожный человек, как я, не возьмет себе в жены женщину после пяти минут знакомства. Говоря откровенно, я предпринял ваше освобождение по побуждениям, ничего общего не имеющих с матримониальными соображениями!

– Могу я узнать, что это за побуждения? – спросила Хуанна все тем же оскорбленным тоном.

– Разумеется, мисс Родд! Прежде всего я должен объяснить вам, что я не странствующий рыцарь. Я просто бедный искатель приключений, настойчиво ищущий богатства вследствие особых, лично меня касающихся причин. Когда эта женщина, – Леонард указал на Соа, – пришла ко мне с превосходным рассказом о бесценном сокровище, которое обещала в том случае, если я возьмусь за дело вашего освобождения, и даже уплатила мне вперед камнем значительной стоимости, то, не имея в виду ничего лучшего и находясь в полном отчаянии, я согласился. Мало того, я заключил с ней письменное условие, которое она подписала как за себя, так и за вас!

– Я не имею ни малейшего понятия о том, на что вы намекаете, и никогда не уполномочивала Соа подписывать за меня документы. Не могу ли я глянуть на это условие?

– Разумеется, – отвечал Леонард и, встав, отправился к своим вещам, откуда возвратился с фонарем и молитвенни-

КОМ.

Хуанна, поставив фонарь рядом с собой, открыла молитвенник. Первое, что бросилось ей в глаза, была подпись на заглавном листе:

«Джен Бич» и внизу торопливо сделанная надпись: «дорогому Леонарду от Джен. 23 января».

– Переверните! – сказал он поспешно. – Документ на другой стороне!

Она заметила и надпись, и смущение, отразившееся на его лице. Он не заметил, что она прочла посвящение. Кто такая была Джен Бич и почему она называла м-ра Утрама «дорогим Леонардом»? В этот момент – так странно устроены сердца женщин – она чувствовала предубеждение против этой Джен Бич. Перевернув лист, она прочла условие, потом, окончив чтение, подняла голову, и на лице ее появилась улыбка, в которой, впрочем, было более гнева, чем удовольствия.

– Поди сюда, Соа, – произнесла она, – скажи мне, что значат все эти глупости относительно рубинов и «народа тумана»?

– Госпожа, – отвечала Соа, садясь перед Хуанной, – это не глупости. Язык, которому я научила тебя, когда ты была маленькой, – язык этого народа. Рассказ о сокровищах верен, хотя до сих пор я скрывала его от тебя и твоего отца, Мэвума, так как он пошел бы на поиски за этими сокровищами и погиб бы из-за этого. Слушай, госпожа! – и она рассказала

все то, с чем уже раньше познакомила Леонарда.

– Скажи, Соа, – спросила Хуанна, – чтобы найти эти сокровища, необходимо мое путешествие в страну?

– Я не вижу другого средства! – отвечала старуха.

– Ну, что же, если это так, – ответила Хуанна, – я помогу вам!

– Мы выступим завтра в путь очень рано, и с вашего позволения я вернусь к себе! – сказал Леонард, быстро вскакивая со своего места.

Хуанна с невинным видом наблюдала за ним и, когда он проходил мимо, она при свете костра заметила, что лицо его было подобно грозовой туче. – Я рассердила его, – подумала она, – и очень рада этому. Что за нужда была освобождать меня за деньги? Но он странный человек, и не думаю, что я вполне поняла его. Любопытно, кто такая эта Джен Бич. Может быть, это ей-то и нужны деньги!

Затем она проговорила громко:

– Соа, поди сюда и, пока я раздеваюсь, расскажи мне снова все о твоей встрече с м-ром Утрамом: скажи, что он говорил, не забывая ничего. Ты поставила меня своими словами, Соа, в неловкое положение, этого я тебе никогда не прощу. Расскажи мне, так как я могу помочь ему добыть сокровище народа тумана.

XVI. Недоразумения

После вышеописанного разговора отношения между Леонардом и Хуанной обострились, хотя в путешествии им постоянно приходилось сталкиваться друг с другом.

Хуанну охватило сильное желание узнать точно, кто такая была Джен Бич. С этой целью она стала спрашивать Оттера, но карлика, по-видимому, вовсе не интересовала Джен Бич. Он заметил только, что, вероятно, это одна из жен бааса, живущих в большом краале за морем.

Такой оборот дела заинтересовал Хуанну, а упоминание Оттера о «большом краале», где жил раньше Утрам, возбудило ее любопытство, и она стала спрашивать Оттера о подробностях прошлой жизни его господина.

Карлик весьма охотно удовлетворил ее желание, говоря, что его господин был одним из богатейших и могущественнейших людей во всем свете, но что потерял свои владения из-за происков негодных женщин, после чего приехал в эту страну искать счастья.

До последнего дня путешествия Хуанне не представлялось случая поговорить с Леонардом. Она догадывалась, что он нарочно избегал ее, постоянно садясь в первую лодку с Оттером, предоставляя ей с Франсиско и Соа вторую. По отношению к священнику она была необычайно любезна, разговаривала с ним целыми часами, словно он был ее подру-

гой. В самом деле, в характере Франсиско было что-то женственное; сама внешность его говорила об этом, а нежное телосложение, изящные руки и черты лица еще более усиливали это впечатление. Лицом он немного походил на Хуанну, и если бы переодеть его в ее платье, то в темноте можно было принять его за нее, хотя она была выше ростом.

Был чудный вечер. Путешественники тихо плыли в лодке мимо поросшего камышом берега.

Молодая девушка запела матросскую песню, которую хором подтянули гребцы.

– Я не совсем понимаю, – сказал Леонард, где вы могли изучить музыку!

– Кажется, м-р Утрам, вы принимаете меня за настоящую дикарку, но и живя на Замбези, я могла получать книги и многое узнать у европейских торговцев, путешественников и миссионеров. Кроме того, мой отец – хорошо воспитанный и очень образованный человек, научивший меня многому. Затем я три года училась в школе в Дурбане, где не зря провела время.

– Да, это объясняет все. Скажите, вы любите жизнь среди дикарей?

– Я до сих пор жила довольно хорошо, но это последнее приключение разочаровало меня. О! Оно было ужасно! Нервная женщина сошла бы с ума на моем месте. Но, повторяю, до сих пор мне эта жизнь нравилась. Общение с природой – лучшая подготовка к общению с людьми, если только

вы чувствуете симпатию к ней. Но теперь я хотела бы поехать в Европу, посмотреть цивилизованный свет, но, вероятно, это никогда не случится. Во всяком случае, прежде всего я должна разыскать своего отца! – закончила она, вздохнув.

Леонард не сказал ничего и погрузился в задумчивость.

– А вы, м-р Утрам, какие надежды возлагаете на будущее?

– Я! – горько воскликнул он. – Подобно вам, мисс Родд, я жертва обстоятельств. Как я уже говорил вам, я бедный искатель приключений, ищущий богатства, и большого богатства!

– Зачем же это? – спросила она. – Есть ли в этом смысл – рисковать жизнью из-за богатства?

– Есть! – и молодой искатель приключений рассказал о разорении своего отца.

Мало-помалу разговор коснулся и Джен Бич. Хуанна старалась расспросить подробнее своего собеседника об этой девушке, о ее наружности и пр.; наконец, прямо спросила:

– Скажите, вы сильно ее любили?

– Да, я ее очень любил!

Большая разница существует между «люблю» и «любил», но Хуанна не обратила на это внимания. Он сказал ей, что любил Джен Бич и, конечно, сейчас еще сильнее любит ее. Откуда она могла знать, что образ этой далекой и ненавистной для нее Джен Бич давно вытеснен из его сердца другим, – с чертами некоей Хуанны.

Дрожь снова охватила ее, губы побледнели. Только теперь

она поняла, что полюбила этого человека с самой первой встречи. Под влиянием этой-то, хотя и не осознанной до конца любви, она дурно обошлась с ним раньше. Для нее была ужасна мысль о комедии церемонии бракосочетания с этим человеком. Еще обиднее было узнать, что он взялся за ее освобождение не ради нее самой, а в надежде приобрести богатство. Подумав немного, она заговорила твердым тоном:

– М-р Утрам, я весьма обязана вам, что вы мне рассказали об этом. Ваши слова сильно заинтересовали меня, и я серьезно надеюсь, что рассказ Соа о сокровищах окажется правдивым и что вы отыщете их с моей помощью! А теперь прошу вас простить мою резкость, грубость и мои горькие слова!

Во время своей речи Хуанна начала стягивать кольцо Леонарда с пальца, но тотчас же оставила это намерение. Это был его подарок, единственное звено между нею и человеком, который был для нее потерян. Неужели ей нужно расстаться с ним?

Леонард смотрел ей в лицо, с удивлением слушал ее милые слова. Он видел, что она страдает. Он любил ее. Может быть, и она отвечала ему тем же – и в этом разгадка ее странного поведения? Он хотел раз и навсегда выяснить этот вопрос; хотел сказать ей, что Джен Бич не более, как нежное воспоминание, и что она, Хуанна, для него сделалась всем на свете.

Через несколько минут они были на берегу. Во время

остановки раз или два он пробовал поговорить с ней откровенно, но она сразу же становилась холодной как мрамор. Он не мог понять ее, начал побаиваться, и его гордость забила тревогу.

XVII. Смерть Мэвума

Наконец путешественники прибыли к развалинам поселения, которое оставили арабы несколько недель тому назад. К счастью, разрушения оказались вблизи не такими большими, как казалось вначале. Внутри дома, правда, выгорели; но стены их были целы, а многие хижины туземцев совершенно не тронуты. Леонард послал вперед людей сказать туземцам о возвращении Пастушки, – весть быстро облетела соседние краали, и жители их толпами стекались к лагерю путешественников. С ними были и те сто людей Мэвума, которые не попали в плен к Перейре. Все они вышли навстречу Хуанне. Встреча девушки была самой трогательной. Мужчины, женщины и дети бежали навстречу; мужчины приветствовали ее радостными криками и поднятыми вверх руками, а женщины и дети целовали ей платье и руки.

Нетерпеливо отстранив женщин, Хуанна стала расспрашивать мужчин, не слышали ли они что-либо об ее отце. Но они отвечали отрицательно. Некоторые из них отправились вверх по реке на поиски его в тот самый день, когда она была захвачена в плен, но до сих пор еще не вернулись.

История взятия и разрушения лагеря работорговцев тем временем была рассказана туземцам освобожденными пленниками, и волнение достигло апогея. Оттер, видя удобный случай воспеть славу своего господина, метался взад и впе-

ред среди толпы, потрясая копьем и распевая по зулусскому обычаю хвалебный гимн Леонарду.

– «Слушайте! – говорил он. – Слушайте! Смотри на него, народ, и удивляйся!

– Воздайте хвалу тому, кто сокрушил силу угнетателя!

– Воздайте хвалу ему, пастырю Пастушки, которую он увел из дома злодея!

– Воздайте ему хвалу, дети Мэвума, в его руках жизнь и смерть!

– Никогда еще о таких подвигах не было слышно на этой земле!

– Воздайте ему хвалу, избавителю, возвратившему вам ваших детей!»

– Да, воздайте ему хвалу! – сказала стоявшая возле него Хуанна, – воздайте ему хвалу, дети моего отца, так как без него никто из нас не увидел бы дневного света!

Как раз в это время появился Леонард, слышавший слова Хуанны. Все поселенцы бросились к нему навстречу.

– Хвала тебе, пастырь Пастушки! – кричали они. – Хвала тебе, избавитель!

С этого дня Леонард стал известен у туземцев под именем «Избавителя».

Вечером того же дня, когда Леонард, Хуанна и Отгер сидели за обедом в доме Мэвума, с беспокойством рассуждая о судьбе м-ра Родда и удивляясь, отчего о нем нет до сих пор никаких известий, они услышали шум среди туземцев

на дворе. В тот же момент вбежал Оттер с криком: Мэвум прибыл!

Все тотчас вскочили со своих мест и во главе с Хуанной выбежали во двор, где шесть человек держали носилки, на которых лежал мужчина, покрытый одеялами.

– О! Он умер, – сказала Хуанна, внезапно останавливаясь и прижимая руки к сердцу.

На одно мгновение Леонард подумал, что она права, но прежде, чем он успел сказать что-либо, с носилок послышался слабый голос, просивший туземцев нести осторожнее, и Хуанна бросилась вперед с криком: папа! папа!

Носильщики внесли м-ра Родда в дом и поставили носилки на пол. Леонард увидел перед собою высокого красивого мужчину лет пятидесяти; судя по всему, он был близок к смерти.

– Хуанна, – с трудом произнес м-р Родд, – это ты? Значит, ты спасена? Слава Богу! Теперь я могу умереть спокойно!

Мы не будем передавать всех подробностей последовавшего затем бессвязного разговора между отцом и дочерью. Скажем только, что Леонард узнал все подробности о случившемся с м-ром Роддом несчастии.

По-видимому, м-ра Родда постигла неудача в поисках слоновой кости. Не желая, однако, возвращаться с пустыми руками, он решил подняться далее вверх по реке, но также безуспешно. Он уже возвращался домой, как встретил людей, посланных Соа, и услышал от них страшную новость о по-

хищении его дочери Перейрой.

Стояла ночь, когда он получил это известие, и было слишком темно для того, чтобы продолжать путь. Но, под влиянием винных паров, он решил сразу же отправиться за дочерью, несмотря на ночную темноту. Напрасно его люди указывали ему на опасность путешествия ночью. Он не обратил на их советы никакого внимания, и они тронулись в путь. Однако путешествие их продолжалось недолго: вскоре они услышали проклятия и шум, вслед за которыми их господин исчез, и они не могли найти его до самого рассвета. Тогда только они увидели, что находились на краю небольшой, но крутой скалы, и у подножия ее лежал Мэвум, – не мертвый, но без чувств, с тремя ранами и со сломанной правой ногой. Несколько дней они ухаживали за ним, пока наконец он не приказал отнести себя домой на носилках.

Леонард осмотрел раны м-ра Родда и нашел их смертельными. Однако, он еще был жив.

На следующее утро умирающий послал за Леонардом. Войдя в комнату, Леонард увидел его лежавшим на полу; голова его покоилась на коленях у дочери, а патер Франсиско молился возле него.

– М-р Утрам, – сказал умирающий, – я знаю историю взятия лагеря и освобождения моей дочери. Это было самое смелое дело, о котором я когда-либо слышал, и только сожалею, что меня не было с вами!

– Не говорите об этом, – сказал Леонард. – Быть может,

вы слышали также, что я сделал это из известного расчета!

– Да, мне говорили об этом, но вас порицать тут не за что. Если бы только старая дура Соа посвятила меня в тайну этих рубинов, я сам давно бы отправился на поиски. Ну, по крайней мере, я надеюсь, что вам удастся добыть их. Но у меня нет времени говорить о рубинах, так как смерть уже висит надо мною. Теперь слушайте, товарищ, что я вам скажу. Я нахожусь в безвыходном положении и страшно беспокоюсь, не за себя, конечно, – не велика важность, если свет избавится от такого бесполезного человека, как я, – а за свою дочь. Что станет с нею? Я не оставлю ей ни цента. Эти проклятые работорговцы отняли у меня все. Мне остается только поручить дочь вашему попечению. Я слышал, что вы оба проделали брачную церемонию, там, в лагере работорговцев, и не знаю, как устроятся ваши отношения с Хуанной после моей смерти. Но что бы ни случилось, я полагаюсь на вашу честь английского джентльмена, я могу доверить ее только вам. Дайте мне слою, что вы будете смотреть за ней; а если ей будет угрожать самое худшее, то у нее есть яд для защиты. Ну, что же вы скажете?

Леонард задумался, причем умирающий с беспокойством следил за ним.

– Я беру на себя очень тяжелую ответственность, – наконец произнес он, – но пусть будет так. Я буду заботиться о ней так, как если бы она была моей женою или дочерью!

– Благодарю вас! – сказал м-р Родд. – Я верю вам!

Леонард взял руку, которую протянул ему с видимым усилием м-р Родд и которая тяжело упала снова, как рука мертвеца.

Тем же вечером м-р Родд спокойно скончался, и на другой день состоялись его похороны, причем Франсиско совершал погребальную службу. После этого прошло три дня, и Леонард не начинал разговора с Хуанной относительно продолжения путешествия, решив не заикаться об этом, пока она сама не заговорит. Наконец Хуанна обратилась к нему с вопросом:

– М-р Утрам, когда вы предполагаете отправиться в это путешествие?

– Право, не знаю. Я совсем не уверен, что вообще когда-либо отправлюсь. Это зависит от вас. Вы знаете, что я ответствен за вас, и моя совесть не позволяет мне вовлекать вас в такие экскурсии!

– Пожалуйста, не говорите так, – отвечала она. – Я должна вам сказать, что сама решила отправиться туда!

– Однако, вы без меня не можете отправиться! – сказал он с улыбкой.

– Неправда, – смело возразила Хуанна, – я могу отправиться и одна, и Соа будет указывать мне дорогу. Вот вы не можете идти без меня, если только Соа говорит правду. Плохо это или хорошо, но мы пока действовали вместе, м-р Утрам, и не к чему теперь пытаться идти разными дорогами!

Сейчас отношение Леонарда к священнику значительно

улучшилось. Он понял теперь, что Франсиско был человек честный, с благородными намерениями; естественно, что в затруднительных случаях Леонард начал обращаться к нему за советами. Франсиско спокойно выслушал рассказ Леонарда и посоветовал ему отправиться на поиски сокровища вместе с Хуанной, да и сам выразил желание присоединиться к ним.

XVIII. Соа показывает зубы...

Прошло три месяца с того дня, как Хуанна объявила свое непоколебимое решение сопровождать Леонарда в поисках сокровищ «народа тумана».

Был вечер, и путешественники расположились на отдых на берегу реки, протекавшей по большой пустынной равнине. Среди них было трое белых: Леонард, Франсиско и Хуанна, а остальные – туземцы: 15 поселенцев под предводительством Петра, того самого, который был освобожден из лагеря Перейры, карлик Оттер и старая нянька Хуанны – Соа.

В течение 12 недель уже путешествовали они, следуя указаниям Соа, и двигались к северо-западу. Сначала они плыли вниз по реке в лодках в течение десяти дней. Затем, оставив главное русло реки, три недели поднимались по его притоку Мавуэ, на протяжении нескольких миль омывавшему подошву горной цепи, носившей название Манг-анджа. Вскоре встреченные ими на реке пороги заставили их продолжать путешествие пешком.

Опасности речного путешествия были велики, но их нельзя и сравнить с тем, что пришлось им пережить за время долгого пути по неизвестной стране, грозившей самыми разными опасностями. Равнина тянулась за равниной, пустыня за пустыней и, казалось, этому не будет конца.

Мало-помалу климат становился холоднее: они перешли

часть неисследованного плато, отделявшего Южную Африку от Центральной. Пустынность этой местности была так ужасна, что носильщики начали роптать на то, что их ведут на край света, где они найдут свою смерть. В одном только отношении путешествие по этой стране имело преимущество: благодаря возвышенности места нечего было бояться лихорадки, и путешественники не рисковали заблудиться, так как, по словам Соа, следуя вдоль берега реки можно было попасть на территорию народа тумана, где находятся источники Замбези.

Мы не будем вдаваться в описание бесчисленных приключений, с которыми путешественники имели дело на каждом шагу, их встреч с дикими животными и однажды даже с дикарями. Столкновение с последними окончилось для наших друзей благополучно благодаря огнестрельному оружию, с которым туземцы этих мест еще не были знакомы.

Наконец они достигли границы страны «народа тумана»: Прямо перед ними, не далее мили, возвышался громадный утес, или скалистая стена, тянувшаяся поперек равнины как гигантская ступень, на расстояние, какое только можно было окинуть глазом, и имевшая высоту от 8000 до 10000 футов. С высоты этого плато стекала река, с чередой прекрасных водопадов.

Прежде чем путешественники закончили свой ужин, взошла луна, и при ее свете три европейца стали осматривать это грозное естественное укрепление, с удивлением спраши-

вая себя, неужели они должны взбираться на эту твердыню и какие ужасы ожидают их за нею? В душе они уже сожалели, что решились на такое безумное путешествие.

Леонард взглянул вправо, где шагах в пятидесяти от него их черные спутники возились около костра. Они молчали и, очевидно, также были удручены мыслью о предстоящих опасностях.

В это время Соа подошла к ним и сказала:

– Избавитель, несколько месяцев тому назад, когда ты рыл золото у могильной горы, я заключила с тобой договор и обещала провести тебя в страну, где можно достать драгоценные камни, если ты освободишь мою госпожу. Ты спас мою госпожу, ее отец умер, и теперь настало время исполнить свое обещание. Если бы на то была моя юля, я никогда бы не исполнила его, так как, уже заключая условие, я хотела обмануть тебя. Но моя госпожа отказывается слушать меня. – Нет, – говорит она, – то, что ты обещала от моего имени, должна исполнить, иначе, Соа, между нами все будет кончено!

– Тогда, Избавитель, чтобы не расставаться с тою, кого я любила и воспитала с детских лет, я уступила. И вот теперь вы стоите у границ страны моего народа. Скажи, Избавитель, ты намерен перейти их?

– Для чего же я пришел сюда, Соа? – ответил он.

– Ну, я не знаю. Ты пришел сюда, чтобы удовлетворить безумное желание твоего сердца. Слушайте: то, что я тебе

рассказывала, верно, но я тебе еще не сказала всей правды. За теми горами живет народ высокого роста, сильный народ, у которого есть обычай приносить иностранцев в жертву своим богам. Идите туда, и они убьют вас!

– Прекрасно! Однако я прошел сотни миль не для того, чтобы накануне достижения своей цели повернуть назад. Ты можешь оставить меня одного, если угодно, но я пойду. Я не хочу быть одураченным!

– Никто из нас не хочет быть одураченным, м-р Утрам, – кратко заметила Хуанна, – по крайней мере я предпочту умереть, чем вернуться назад ни с чем. А ты, Соа, скажи же, наконец, что мы должны сделать, чтобы примирить с тобою твоих очаровательных соплеменников? Вспомни, – прибавила она, сверкнув глазами, – что я не позволю шутить над собою, Соа. В этом деле интересы Избавителя совпадают с моими, его гибель – моя гибель!

– Твоя воля – моя воля, госпожа, – отвечала Соа, – я люблю тебя одну в целом свете, а остальных ненавижу! – прибавила она, посмотрев на Леонарда и Оттера. – Слушай! У моего народа есть закон, по крайней мере, он был, когда я еще жила среди него, сорок лет тому назад. По этому закону всякий иностранец, перешедший границу летом, приносится в жертву матери Аке, а явившийся зимою – ее сыну Джалю, так как жители Туманной страны не любят иностранцев. Но моему народу было предсказано, что Ака-мать и Джаль-сын вернутся в страну, которой они некогда правили, в челове-

ском образе. Ака будет иметь такой же вид, как у тебя, госпожа, а Джаль – вид этой черной собаки карлика, которого я в своем безумии и приняла за божество, увидев впервые. Когда мать и сын вернутся в страну, короли ее должны будут сложить свою власть, а жрецы Змея будут служить им. С богами в страну вернутся мир и счастье, которые не прекратятся никогда. Госпожа, ты знаешь язык моего народа; я в детстве обучала тебя ему, ты знаешь также песню, священную песнь возвращения, которую будет петь Ака, когда она вернется в свою страну. Я научу тебя, что нужно делать потом!

На следующее утро, на заре, Леонард проснулся от шума, поднятого его спутниками-туземцами. Подойдя к ним ближе, он догадался о причине его: два бушмена, подкравшись к лагерю путешественников, стащили несколько мелких вещей и пытались скрыться с ними, но были пойманы. Негодники выли от страха, пока их не успокоили, подарив им несколько пустых патронов и зернышек бус. Когда наконец было восстановлено спокойствие, Оттер, при помощи одного из людей Мэвума, знавших язык бушменов, стал расспрашивать дикарей о стране, лежавшей за скалистой стеной. Они отвечали, что сами никогда не осмеливались проникнуть туда, но слышали о ней от других. По их словам, страна эта холодна и чрезвычайно туманна; в ней живут рослые люди, одевающиеся в звериные шкуры и приносящие иностранцев в жертву Змею, которого они боготворят, а всех своих красивейших девушек отдают в жены богу. Вот и все, что они

знают об этой стране, так как те немногие, которые проникли туда, никогда не возвращались обратно. Очевидно, это заколдованная страна.

Увидев, что у этих людей больше нельзя ничего узнать, Леонард отпустил их; бушмены убралась с чрезвычайной поспешностью. Затем он приказал поселенцам готовиться к выступлению. Но здесь возникло новое затруднение. Переводчик повторил рассказ бушменов своим товарищам, среди которых он произвел немалый эффект. Поэтому носильщики, выслушав приказание Леонарда, вместо того, чтобы складывать вещи путешественников, после короткого совещания в полном составе подошли к Леонарду.

– В чем дело, Петр? – спросил он у их вожака.

– Избавитель, – начал тот, – мы не хотим идти туда на верную смерть! Правда, и назад трудновато идти, но все же лучше: хотя немногие из нас могут вернуться живыми к своим хижинам, но если мы пойдем туда, – указал он на скалистую стену, – то все умрем, принесенные в жертву дьяволу дьяволами!

Леонард задумчиво пощипал свою бороду и наконец сказал:

– В таком случае, Петр, мне кажется, ничего более не остается сказать, кроме – прощайте!

Петр поклонился и пошел прочь со сконфуженным лицом, но Хуанна остановила его. Вместе с Оттером и другими она молча слушала разговор и теперь впервые заговорила.

– Петр, – кротко сказал она, – когда ты и твои товарищи были в руках Желтого дьявола, кто освободил вас?

– Избавитель, пастушка!

– Так. А теперь, должно быть, мои уши обманывают меня и я слышала, что ты и твои братья, спасенные Избавителем от позора и лишений, хотите покинуть его в минуту опасности?

– Ты слышала верно, Пастушка! – отвечал печально Петр.

– Хорошо. Идите, дети Мэвума, моего отца, покиньте меня в нужде, так как знайте, что я, белая женщина, пойду одна с Избавителем туда, куда вы боитесь ступить. Идите, дети моего отца, и пусть мир будет с вами, если это возможно. Как вы знаете, я верно предсказала гибель Желтого дьявола; теперь я предскажу вам, что немногие из вас увидят снова свои краали, и ты, Петр, не будешь в числе их. Те же, которые целы и невредимы вернутся домой, будут покрыты позором!

Эта горячая речь заставила одуматься поселенцев, и они все изъявили желание идти за Хуанной хоть на край света.

XIX. Конец путешествия

Через час путешественники начали восхождение на скалистую стену, что оказалось еще более трудным, чем они предполагали. Дорог здесь не было никаких, так как те, кто жил за этой естественной крепостью, никогда не выходили за нее, а многие жители равнин почти никогда не отваживались подниматься по ее скалам. За неимением других дорог путешественники следовали вдоль реки, падающей с грохотом вниз четырьмя большими водопадами. Восхождение оказалось настолько трудным, что Леонард хотел уже отказаться от попыток взойти на скалистую стену и, следуя вдоль ее подошвы, постараться найти какую-либо иную дорогу, но Оттер, с ловкостью кошки взбиравшийся по отвесным скалам, с помощью веревки помог преодолеть наиболее опасные места, так что поздно вечером путешественники наконец очутились на вершине стены. Ночь провели они плохо, страдая от холода, сырости и страшного ветра, пронизывавшего их до костей. Утром вся равнина оказалась покрытой туманом, который не исчез и к девяти часам, но они решились продолжать свое путешествие под руководством Соа, следуя к северу по восточному берегу реки. Целый день шли они, блуждая в тумане, как привидения, и ориентируясь лишь глухим журчанием реки. За это время они не встретили ни одного живого существа, кроме большого стада быков с прекрасной

белой шерстью. Одно из этих животных было убито Леонардом, так как их запасы еды истощились. Путешественники решили остановиться на ночлег вблизи того места, где было убито животное. Но в то время, как они снимали шкуру со своей добычи, произошло новое происшествие, которое никак не могло способствовать поднятию их духа. Во время заката солнца небо несколько прояснилось – по крайней мере, красный диск стал виден сквозь туман, и они внезапно заметили гигантскую фигуру человека, одетого в козью шкуру, с большим копьем в руке и висевшим на бедре луком. Хуанна первая заметила его и с ужасом указала Леонарду на видение, в торжественном молчании наблюдавшее за ними. Леонард, держа наготове ружье, бросился к тому месту, где стоял неизвестный, но тот тут же исчез в тумане. Не успел Леонард вернуться к Хуанне, как в воздухе что-то просвистело и ударилось о землю вблизи него: нагнувшись, Леонард увидел большую стрелу с зазубренным острием и красными перьями на конце. Подняв ружье, он сделал выстрел в том направлении, откуда была послана стрела, и приказал своему маленькому отряду приготовиться к защите, но никто больше не появлялся. Ночь путешественники провели без сна, ожидая нападения и дрожа от холода. Они поняли, что Соа говорила правду и что легенда бушменов о великанах, покрытых шкурами, – не измышление дикарей.

Наконец наступило утро, пасмурное и туманное. Путешественники были едва живы от холода и подавлены. Некото-

рые из носильщиков уже открыто сожалели, что поддались словам Пастушки и раздумали вернуться, но сейчас никто из них не осмелился бы сделать и шага назад; кроме того, Леонард объявил им, что он предаст смерти всякого, кто выкажет ему малейшее неповиновение.

Промокшие до костей, голодные и дрожавшие от холода, они продолжали свой путь по неизвестной стране. Соа, становившаяся с каждым часом все злее, гордо выступала впереди в качестве проводника. Целый день шли путешественники, не встретив ни человека, пустившего в них стрелу, ни кого-либо из его товарищей, пока наконец надвигавшийся мрак не заставил их остановиться. Леонард и Оттер пошли разыскивать подходящее место для ночлега, где бы они могли раскинуть единственную имевшуюся у них палатку, в которой спала Хуанна. Вдруг Оттер, громко вскрикнув, указал Леонарду на что-то, видневшееся ярдах в ста перед ними.

– Смотри, баас, там дом, каменный дом, а на крыше растет трава!

– Глупости, – сказал Леонард, – просто куча камней. Впрочем, пойдем, посмотрим!

Осторожно приблизившись, они увидели, что это был действительно дом или подобие его, построенный из громадных необработанных камней, покрытый стволами маленьких деревьев и сверху дерном, на котором зеленела трава. В доме были два оконных и одно дверное отверстие, завешенные бычачьими шкурами. Леонард позвал Соа и спросил, что это

такое.

– Это, без сомнения, дом пастуха, стерегущего стада короля и жрецов. Очень может быть, что здесь живет тот самый человек, который пустил вчера стрелу!

Убедившись, что внутри постройки никого нет, путешественники вошли. Каменные стены из необтесанных камней, покрытые плесенью, земляной пол и убогая обстановка жилища дикаря – все это было малопривлекательно, однако путешественники обрадовались возможности провести ночь под крышей. Бесчисленные насекомые беспокоили их, но все это были пустяки в сравнении с тем, что им пришлось уже испытать.

Прошла тяжелая ночь, проведенная путешественниками на мокрой земле, и, наконец, настало утро. На этот раз, к их большой радости, туман рассеялся, и они могли ясно разглядеть местность, среди которой находились. Они стояли на громадной равнине, понемногу возвышавшейся и оканчивавшейся у подножия величественной цепи гор со снеговыми вершинами. Нижние склоны горы были покрыты лесами, среди которых виднелись просветы.

Оттер взглянул вдаль своими ястребиными глазами и спокойно сказал, обращаясь к Леонарду:

– Взгляни, баас. Старая ведьма не солгала нам. Вон там виден город народа тумана!

Взглянув в направлении, указанном карликом, Леонард разглядел то, что сначала не заметил: перед ними в широкой

излучине горной цепи, у ее подошвы, виднелось множество домов, построенных из серого камня и покрытых зеленым дерном.

– Да, это крааль великого народа, – продолжал Оттер. – Крепкий крааль. Взгляни, баас, как он превосходно защищен: сзади него такие горы, через которые никто не может перейти, а вокруг его стен течет река!

Некоторое время путешественники молча смотрели на открывшуюся перед ними картину. Им казалось странным, что они достигли этого пресловутого города. Какой то прием они встретят за его стенами?

К полудню они приблизились к городу еще на пятнадцать миль и могли уже хорошо разглядеть его. Дома стояли вдоль улиц и были построены по тому же плану, что и хижина, в которой они провели ночь два дня тому назад. Среди всех построек выделялись по своей величине два здания, стоявших непосредственно под навесом горы. Одно из них было окружено оградой, а другое, расположенное на возвышенности, имело вид римского амфитеатра. На дальнем конце этого амфитеатра стояла громадная каменная масса, имевшая грубое подобие человеческой фигуры.

– Что это за здания, Соа? – спросил Леонард.

– Нижнее – дворец короля, белый человек, а верхнее – храм Глубоких вод, расположенный на том месте, где река берет начало в недрах гор!

– А что это за громадный камень по ту сторону храма?

– Это, белый человек, статуя бога, вечно охраняющего город своего народа!

– Это, должно быть, большой бог! – заметил Леонард, намекая на размеры статуи.

– Он действительно велик, – отвечала она. – И мое сердце наполнилось страхом при одном взгляде на него!

Сделав двухчасовую остановку, путешественники снова тронулись в путь, и вскоре им стало ясно, что их заметили. На дороге, по которой они шли, показались люди, одетые в козьи шкуры, с копьем в руках, луком и рогом. Подпустив путешественников ярдов на 600, один из этих людей пустил в них стрелу и, протрубив в свой рог, – вероятно, сигнал, – исчез. Подойдя ближе к городу, они увидели группы вооруженных людей, переправлявшихся в лодках и на паромах через реку. Вскоре все они выстроились четырехугольником, пустым внутри, и весь полк, состоявший приблизительно из тысячи вооруженных людей, двинулся навстречу нашим друзьям.

Положение становилось критическим.

XX. Возвращение Аки

Леонард обернулся и посмотрел на своих спутников.

– Что теперь делать? – сказал он.

– Мы подождем, пока они не подойдут ближе к нам, – отвечала Хуанна, – затем я и Оттер пойдем навстречу им; я знаю ту песню, которой меня научила Соа. Не бойтесь, я хорошо знаю свой урок, и если все будет правильно, то они подумают, что мы – их исчезнувшие боги; по крайней мере, так говорит Соа!

– Да, если все пойдет правильно... А если нет?

– Тогда прощайте, – отвечала Хуанна, пожав плечами. – Во всяком случае, мне надо подготовиться к эксперименту. Соа! Отнеси мой узел за те вон камни! – показала она рукою. – Да! Я и забыла: м-р Утрам, вы должны одолжить мне ваш рубин!

Леонард отдал ей рубин, подумав, что, вероятно, он никогда уже не увидит его более и что вскоре кто-нибудь из великого народа стащит его. Во всяком случае, нечего было думать о рубинах, когда вопрос стоял о спасении их собственной жизни.

Взяв драгоценный камень, Хуанна побежала за грудой камней, лежавших на равнине, вместе с Соа, которая несла в руках узел.

Через десять минут Соа вышла из-за камней и окликнула

путешественников. Подойдя ближе, они увидели интересное зрелище. За камнями стояла Хуанна в белом арабском платье, с открытой шеей и плечами. Прекрасные волосы ее были распущены, доходя почти до колен, а надо лбом, сверкая, как красный глаз, сиял большой рубин, искусно прикрепленный Соа при помощи ленты.

– Взгляните на богиню и воздайте ей поклонение! – сказала Хуанна с комической торжественностью, хотя Леонард видел, что она дрожала от волнения.

– Я не совсем понимаю, что вы хотите делать, но вам ваша роль идет! – заметил он, ослепленный блеском ее красоты.

Хуанна покраснела немного, увидев восхищение в его глазах, и, обратившись к карлику, проговорила:

– Ну, Оттер, ты также должен подготовиться. Помни, что Соа говорила тебе. Что бы ты не увидел и не услышал, не открывай рта. Иди рядом со мной и делай то же, что и я, – вот и все!

Оттер, поворчав, стал «готовиться», для чего ему пришлось снять куртку и панталоны и остаться совсем нагим, за исключением пояса, прикрытого мучей, – местным костюмом жителей Страны тумана.

– Что все это значит? – спросил Петр, подобно своим товарищам дрожавший от страха.

– Это значит, Петр, – сказала Хуанна, – что Оттер и я олицетворяем собою богов этого народа. Если они нас примут за них – хорошо; если же нет – тогда мы погибли. Если мы бу-

дем признаны богами, остерегайтесь выдать нас малейшим неосторожным словом. Будьте благоразумны и молчаливы и делайте то, что мы время от времени будем говорить вам, если хотите остаться в живых!

Петр с удивлением отступил назад, а Леонард и Франсиско посмотрели на приближавшихся воинов Народа тумана.

Медленно, в молчании приближались они, и их мерные шаги глухо раздавались в воздухе. Наконец, шагах в полтора от наших друзей, они остановились. Насколько мог разглядеть Леонард, среди них не было ни одного человека ниже 6 футов. В наружности их не было ничего ни красивого, ни отталкивающего, а большие глаза обладали выражением страшного спокойствия, спокойствия архаической статуи. Все они были, по-видимому, хорошо дисциплинированы, делясь на простых воинов и офицеров, в руках у которых, кроме оружия, была труба, сделанная из рога дикого быка.

Полк молча стоял, глядя на группу чужеземцев или, скорее, на груды камней, за которыми они спрятались. В центре полка, построенного, как мы говорили, в виде пустого внутри четырехугольника, стояла группа людей, где особенно выделялся своей могучей фигурой молодой воин, которого Леонард принял за вождя или короля. Позади него стояли ординарцы и советники, а впереди – три пожилых человека с жестоким выражением лица. Эти люди были обнажены до пояса и не имели при себе иного оружия, кроме ножей, прикрепленных к поясу. На груди их была вытатуирована голу-

бой краской голова гигантского змея. Очевидно, это были лекари или жрецы.

Пока путешественники наблюдали, король, или вождь, отдал какой-то приказ своим приближенным, передавшим его офицерам. Последние, приложив к своим губам рожки, протрубили какой-то сигнал.

Полк все еще продолжал стоять спокойно, глядя на камни, за которыми стояли наши друзья, а три жреца приблизились к королю, или вождю, и стали с ним совещаться.

– Теперь пора! – сказала взволнованно Хуанна, – если они атакуют нас, все погибло: выпустив только раз тучу своих стрел, они убьют всех нас. Пойдем, Оттер!

– Идите, если вам угодно, Хуанна, – произнес Леонард. – Если что-нибудь случится, я постараюсь отомстить за вас прежде, чем сам буду убит. Идите и простите меня!

– За что мне вас прощать? – сказала она, глядя на него сияющими глазами. – Разве вы не подвергались ранее величайшей опасности ради меня?

– Да, иди, Пастушка, – заметила Соа, которая до сих пор внимательно смотрела на трех стариков в середине полка. – Здесь нечего бояться, если только этот глупец карлик будет держать свой язык за зубами. Я знаю свой народ и скажу тебе, что если ты споешь ту песню, которой я научила тебя, то они объявят тебя и черного человека богами своей земли. Но торопитесь: солдаты скоро будут стрелять!

Соа была права: раздалась команда, и солнце засверкало

на остриях тысячи стрел, направленных на путешественников.

В этот момент Хуанна вскочила на большой камень и встала на нем во весь рост, освещенная яркими лучами солнца. При виде ее по рядам воинов пронесся шепот смущения. Громкий голос снова произнес команду, и стрелы воинов опустились к земле.

Тогда Оттер, прикрытый только мучей, вскочил на камень и стал рядом с Хуанной, и шепот солдат перешел в громкий крик удивления и страха.

Одно мгновение странная пара стояла вместе на камне, затем Хуанна соскочила с него; ее примеру последовал Оттер, и они вместе направились к воинам. Шагов двадцать Хуанна прошла в молчании, держа карлика за руку, а затем внезапно запела дикую, но мелодичную песню, которой ее научила Соа.

Я спала; плакали вы обо мне?

Я спала, но и проснулась, мой народ;

Я не умерла, так как никогда не могла умереть. Теперь я вернулась.

Взгляните теперь на меня, восставшую ото сна;

Взгляните на меня, которая странствовала, и имя которой
– Рассвет!

Воины со страхом и удивлением прислушивались к пению прекрасной женщины, приближавшейся к ним легкими ша-

гами; ее вид напомнил им о древнем предсказании.

Подойдя близко к первым рядам, Хуанна остановилась, прекратив петь.

– Что же вы не приветствуете меня, дети моих детей? – спросила она.

Солдаты с ужасом смотрели один на другого, и Хуанна увидела, что ее слова были поняты, так как ряды воинов вдруг раздвинулись, и из-за них показались три старика, сопровождаемые вождем. Остановившись перед Хуанной в нескольких шагах, старший из них, которому было, по-видимому, лет девяносто, заговорил среди воцарившегося молчания, обращаясь к молодой девушке:

– Кто ты, женщина или дух?

– Я женщина и дух в одно и то же время! – отвечала она.

– А тот, кто с тобою, – продолжал трепещущий жрец, показывая на Оттера, – он Бог или мужчина?

– Он Бог и мужчина вместе!

– А те – указал жрец на спутников Хуанны, – кто они?

– Это наши доверенные и слуги, люди, а не духи!

Три жреца стали совещаться между собою, в то время, как вождь с восхищением смотрел на прекрасную девушку. Старший из жрецов заговорил снова:

– Ты сказала нам на нашем собственном языке о таких вещах, которые долго были скрыты, хотя, быть может, о них еще помнят. Или, прекраснейшая, ты лжешь, и в таком случае вы все будете отданы на съедение Змею, против которо-

го вы богохульствовали, или вы действительно боги, и тогда вам следует воздать поклонение. Скажи нам твое имя и имя твоего карлика!

– Среди людей я слыла под именем Небесной пастушки, а его звали Оттером, живущим в воде, но, кроме этих, мы имеем другие имена!

– Скажи мне их, Пастушка!

– В далеком прошлом я называлась Блеском, Зарей, Дневным светом; он – Молчанием, Ужасом, Мраком. Но в самом начале мы имели другие имена. Быть может, вы знаете их, служители Змея?

– Быть может, знаем! – отвечали те. – А знаете ли вы?

– Эти священные имена в течение целых столетий были произносимы изредка в полном мраке и с покрытою головою, – смело отвечала Хуанна, – а теперь в час возвращения их можно произнести громко, при свете дня, с поднятыми вверх глазами. Слушайте, дети Змея, вот наши первоначальные имена: Ака – мое имя, мать Змея, Джаль – имя того, кто сам Змей! Ну, узнаете теперь нас?

Когда эти слова слетели с ее уст, вопль ужаса раздался в толпе воинов, и старший из жрецов закричал громким голосом:

– Падите ниц, дети Змея! Воздайте поклонение, копыеносный народ, живущий в тумане! Ака, бессмертная королева, вернулась к нам; Джаль облекся в человеческую плоть. Олфан! Сложи власть: она принадлежит ему. Жрецы, раскрой-

те перед ними двери храмов, воздайте поклонение Матери и честь – Богу!

Все воины пали ниц как один человек, громко крича:

– Ака, Мать жизни вернулась; Джаль, мрачный бог, облекся во плоть. Воздадим поклонение Матери и честь – Богу!

Хуанна и Оттер стояли на ногах; все остальные лежали, распростершись на земле, за исключением, впрочем, вождя, по-видимому, не обнаруживавшего желания сложить свою власть в пользу карлика, независимо от того, был ли он богом или человеком. Оттер, с изумлением следивший за тем, что происходило перед его глазами и не понимавший ни слова, обратил внимание Хуанны на то, что один вождь стоял на ногах. Великан, заметив, что карлик указал на него копьем, принял этот жест за изъявление гнева новоявленного божества. Суеверие взяло в нем верх над гордостью, и он, подобно другим, опустился на колени.

Когда приветственные крики замолкли, Хуанна заговорила снова, обращаясь к старейшему из жрецов:

– Встань, дитя мое, – это дитя, надо сказать, могло быть ее прадедом, – и вы все встаньте, копьеносные воины и слуги Змея, и слушайте мои слова. Вы признали меня теперь, по моему лицу, священному имени и этому красному камню, что блестит у меня на лбу. В давние времена моя кровь пролилась и превратилась в такие камни, которые вы ежегодно приносили в жертву тому, кто мой сын и кто убил меня. Теперь его царствование кончено. Конечно, он Бог, но снова

любит меня, как сын, и с почтением преклоняет колена предо мной! Теперь проводите нас в город!

Проговорив эту речь с большим достоинством, Хуанна вместе с Оттером стала медленно отступать назад к куче камней, за которой стояли ее спутники, и пела все время, пока шла.

XXI. Безумие Оттера

Хуанна и Оттер вернулись к своим спутникам, которые, лежа за камнями, с изумлением наблюдали за всем происходящим. С души их свалилось тяжелое бремя, когда они увидели, что целый полк рослых людей простерся ниц перед молодой девушкой и карликом.

– Что случилось? – спросил быстро Леонард, когда Хуанна вернулась к своим спутникам. – Ваш замысел, кажется, имел успех?

– Отошлите этих людей назад, и я все скажу вам! – отвечала Хуанна.

Когда Леонард исполнил это, молодая девушка разразилась истерическим смехом.

– Вы должны с большим почтением относиться к Оттеру и ко мне, – сказала она наконец, – потому что мы действительно боги, – не возмущайтесь, Франсиско; я начинаю сама верить в это. Уверяю вас, что они вполне признали нас за богов после пятиминутного разговора. Слушайте! – и она передала своим спутникам все, что произошло.

Пока она говорила, полк начал двигаться уже не четырехугольником, а по ротам. Рота за ротой проходила мимо путешественников мерным шагом. Хуанна с Оттером опять стали на камне, и воины, проходя мимо них, бросали в воздух копья с криками: «Слава Матери! Слава Змею!» и удалялись

по направлению к городу. Наконец последние скрылись из глаз наших друзей.

– Прекрасно, – сказал Леонард, – чем дальше, тем лучше, Хуанна! Вы самая смелая и ловкая девушка в мире! Большинство молодых женщин на вашем месте забыли бы все и в критическую минуту упали бы в обморок!

– Я только, как попугай, повторяла то, чему меня научила Соа, – скромно отвечала Хуанна, – я знала, что при малейшей ошибке с моей стороны буду убита, а это изощряет память. Скажу также, что если тот Змей, о котором они так много говорили, хоть немного похож на изображенных на груди у жрецов, то я не имею желаний ближе познакомиться с ним. Я ненавижу змей. Если кого и надо нам благодарить, так это Соа!

– Я с удовольствием сделаю это, – сердечно сказал Леонард, пришедший в самое лучшее расположение духа, – Соа, ты сказала нам правду и хорошо сделала свое дело, благодарю тебя!

– Разве ты принимал меня за лгунюю? – отвечала старуха, устремив свои мрачные глаза на лицо Леонарда. – Я говорила тебе правду, Избавитель, что мой народ примет Пастушку и твою черную собаку за своих богов. Но разве я не говорила тебе также, что остальным угрожает смерть? Если не говорила, то скажу теперь. Тебя не назвали богом, Избавитель, ни этого Плешивого, – так туземцы звали Франсиско из-за его тонзуры – и твоя черная собака предаст вас своим тьявкам.

ньем. Когда ты увидишь челюсти Змея, ты вспомнишь, что Соа говорила тебе правду, Избавитель. Быть может, белый человек, в его желудке ты найдешь те красные камни, которые ищешь!

– Молчать! – сказала с негодованием Хуанна, и Соа отступила назад, как побитая собака.

– Проклятая старуха! – произнес с содроганием Леонард. – Это настоящий черный Иона в юбке, но если мне суждено попасть в желудок змея, то, надеюсь, я встречу и ее там!

– Я право, не знаю, что с ней случилось, – заметила Хуанна. – Воздух ее родины, очевидно, произвел на нее дурное действие!

– Ну, однако, все в руках судьбы, – сказал Леонард, – а пока мы должны сами принять меры к тому, чтобы исход дела был для нас благоприятен. – Оттер, слушай меня! – и Леонард дал подробные указания карлику, как себя вести в роли бога.

Затем, позвав Петра и его товарищей, он сказал им, что замысел удался, Оттер и Пастушка приняты народом тумана за богов, но для спасения всех необходимо не подавать ни малейшего повода усомниться в божественности Пастушки и Оттера.

Поселенцы быстро поняли смысл заговора и рассказ Леонарда.

Затем все направились к городу. Впереди шли двое белых мужчин, затем Хуанна с Оттером, сопровождаемые Соа, и

наконец поселенцы. Через час они были на берегу реки, напротив города, к которому их подвезли на лодках. На другом берегу реки уже ждали жрецы с двумя носилками, приготовленными для Хуанны и Оттера. Тысячи жителей толпились здесь и, когда божественная чета вступила на городскую почву, все простерлись ниц с глубоким благоговением, разразившись криками приветствия.

Хуанна и Оттер не обратили на это никакого внимания. С подобающим их божественному происхождению достоинством они сели в носилки, и кортеж тронулся. Сзади шли Леонард, Франсиско и другие.

Солнце уже было на закате, но путешественники могли еще достаточно ясно разглядеть город и его население. Улицы были крайне грубо вымощены, дома стояли далеко один от другого, окруженные садами. В городе имелись винные лавочки и большая торговая площадь. Женщины были гораздо красивее мужчин, с прекрасными большими глазами и величественной походкой.

Перейдя торговую площадь, кортеж подошел к воротам нижнего из группы больших зданий, виденных нашими друзьями с равнины; у дверей здания стояли жрецы с факелами. На дворе бил фонтан, и все здание отличалось грубой роскошью отделки. Судя по трону, стоявшему во дворе под навесом и сделанному из черного дерева и слоновой кости, здесь должно было быть жилище короля, о чем путешественники и узнали впоследствии. Жрецы указали помещения для вновь

прибывших: поселенцам в одном углу, Леонарду, Франсиско и Соа – в другом, а Хуанне и Оттеру две отдельных комнаты во внутренней части дворца. Такое размещение было неудобно для наших друзей в том отношении, что они были отделены друг от друга, но пришлось смириться.

После ужина Леонард, прежде чем идти спать, выглянул во двор и немного встревожился, увидев у каждой наружной двери, ведущей в помещение, занятое путешественниками, часовых; перед дверьми Хуанны и Оттера стояли жрецы с факелами в руках. Когда Леонард хотел пройти мимо них, чтобы навестить Хуанну, они молча загородили ему дорогу большими копьями, и он вынужден был оставить свою попытку.

– Зачем стоят жрецы перед дверьми Пастушки, Соа? – спросил Леонард.

– Они охраняют богов! – отвечала та. – Без воли богов никто не может войти!

– Скажи, Соа, – спросил Леонард, – ты не боишься, что тебя узнают здесь?

– Много лет прошло с тех пор, как я убежала отсюда, Избавитель, и не думаю, что буду открыта, разве только жрецы узнают мою тайну посредством волшебства!

На следующее утро Леонард поднялся на заре и в сопровождении Франсиско вышел во двор. На этот раз солдаты не пытались остановить его, но жрецы по-прежнему стояли перед дверью Хуанны. Хуанна, услышав шум, вышла и прика-

зала впредь беспрепятственно пропускать к ней ее спутников.

После этого путешественники вошли, и за ними закрылся занавес двери.

– Я так рада видеть вас, – сказала Хуанна. – Вы не знаете, как страшно мне было одной пробыть всю ночь в этой большой комнате. Я боюсь этих величественных жрецов, стоящих у дверей. Женщины, приносившие мне вчера пищу, все время бродили около и выли, как собаки. Это было ужасно!

– Очень жаль, что вы остались одни, – сказал Леонард. – Но вы должны попытаться устроиться иначе. Соа, по крайней мере, может спать с вами. А где Оттер? Надо навестить его! Я хочу посмотреть, как чувствует себя бог!

Хуанна подошла к двери и сказала жрецам, что она со своими слугами должна быть допущена к Змею. Они после некоторого колебания дали ей дорогу, и все четверо вошли во дворик, в котором не было видно ни одного человеческого существа. Войдя в примыкавшую к нему комнату, они увидели любопытное зрелище. В громадном кресле под балдахинном сидел Оттер с самым яростным видом. Четыре жреца, распростершись ниц перед ним, лежали на полу, бормоча молитвы.

– Здравствуй, баас! – вскричал он, вскакивая со своего места при виде Леонарда. – Здравствуй, Пастушка!

– Идиот! – отвечал по-голландски Леонард самым смиренным тоном и преклоняя колени. – Если ты не вспомнишь,

что ты бог, то я отплачу тебе за это, когда мы останемся одни. Вышли этих людей. Пастушка переведет им твои слова!

– Вон, собаки, – вскричал Оттер, – вон и принести мне пищи. Я хочу говорить с моим слугой, имя которому баас, и с моей матерью!

– Вот слова Змея, которые он произнес на священном языке! – сказала Хуанна, переведя слова Оттера жрецам.

Четверо дикарей встали и, низко нагнувшись, попятились задом из комнаты. Как только они ушли, Оттер оставил свой трон с возгласом бешенства, заставившим прочих разразиться смехом.

– Смейся, баас, смейся, если хочешь, – сказал карлик, – ты никогда не был богом и не знаешь, что это такое. Что ты думаешь, баас? Всю ночь я просидел на этом большом стуле, а эти проклятые собаки жгли под моим носом вонючие курения и бормотали чушь. Еще час – и я бросился бы на них и убил бы их, так как ничего не ел, и голод делает меня безумным!

– Тс... – сказал Леонард, – я слышу шаги. Живее на свой трон, Оттер! Хуанна, станьте рядом с ним, а мы опустимся на колена!

Едва они успели сделать это, как занавес был откинут и вошел жрец, неся деревянный сосуд, покрытый материей. Медленно подполз он к трону с головою, почти касавшейся его колен. Затем, внезапно выпрямившись, он протянул сосуд, провозгласив громко: – Мы принесли пищу, о Змей!

Ешь и будь удовлетворен!

Оттер взял сосуд и, сняв покрывало, жадно взглянул на его содержимое, но был страшно разочарован.

– Собачий сын! – вскричал он на своем собственном языке. – Разве такую пищу надо подавать мужчине? – и, нагнув вниз сосуд, он показал его содержимое.

Там находилось немного овощей и водяных растений в сыром виде. В середине их лежал прекрасный рубин, согласно ли какой-нибудь религиозной традиции, или для украшения – неизвестно. Леонард с удовольствием посмотрел на драгоценный камень, но карлик, под влиянием эгоистических требований желудка и забыв о том, что его господин совершил далекое путешествие в поисках таких камней, пришел в страшную ярость. Схватив рубин, он швырнул его в лицо жрецу.

– Разве я угорь, – заревел он, – чтобы питаться травой и красными камнями?

Тогда жрец, уstraшенный странным поведением божества, поднял рубин, присутствию которого он приписывал гнев бога, и убежал вон из комнаты.

Хуанна и Франсиско разразились неудержимым смехом, и даже Соа соизволила улыбнуться; но Леонард не смеялся.

– О, последний представитель поколения ослов, – горько сказал он, – что ты сделал? Ты швырнул жрецу в лицо драгоценный камень, и он уже никогда не будет приносить их опять!

Однако взглянув на жалкого голодного карлика, он простил его, заставив только съесть принесенную пищу.

Но едва Оттер покончил с едой, как за дверями раздались шаги и в комнату снова вошли жрецы, во главе которых на этот раз находился тот старик, с которым Хуанна говорила при первой встрече с «детьми тумана». Его звали Нам.

Случайно Леонард стоял в это время возле Соа и заметил, что она, взглянув в лицо старого жреца, с трепетом отступила назад за трон.

Нам распростерся ниц перед богами и затем стал произносить речь, содержание которой Хуанна постепенно переводила своим спутникам. Жрец изъявлял горькое сожаление о том, что Змею было нанесено оскорбление поднесением среди пищи красного камня, известного под именем крови Аки. Человек, сделавший это, должен был поплатиться своей жизнью. Он должен был понимать, что после того, как Мать и Змей примирились между собою, подносить Джалю эти камни – значит напоминать ему о совершенном некогда грехе. Такой безумный поступок мог навлечь проклятие на всю страну. Пусть Змей будет спокоен. Уже отдано приказание спрятать эти камни в самое сокровенное место, и это сделал тот самый человек, кто совершил преступление. Если он вернется живым оттуда, то его убьют, но он не вернется из того места, куда его послали, и в стране нельзя будет найти ни одного камня, который бы напоминал Матери о прошедшем.

– О, Оттер, мой друг, – произнес про себя Леонард, – если я не отплачу тебе за это, то имя мое не Утрам!

– Но довольно говорить о камнях, – продолжал Нам, – я пришел сказать о более важной вещи. Этой ночью в храме будет собрание всего племени, за час до восхода луны, чтобы Мать и Змей могли принять бразды правления над страной в присутствии всего народа. В надлежащее время жрецы проводят в храм богов и их слуг!

Хуанна наклонила голову в знак согласия, и жрец повернулся, чтобы уйти, но прежде чем сделать это, он спросил снова, все ли идет так, как боги желают.

Хуанна велела ему выдавать всем ее слугам пищу и, кроме того, приказала принести рубины, так как Змей прощает нанесенное ему оскорбление, а она хочет «посмотреть на свою кровь, пролитую ею много лет тому назад».

– Увы! Это невозможно, Матушка! – отвечал с сожалением жрец. – Все камни, красные и голубые, сложенные в кожаных мешках, скрыты вместе с оскорбителем в таком месте, откуда их невозможно достать. Других же в это время года нельзя добыть, так как они лежат глубоко в земле, покрытой теперь снегом. Летом, когда солнце растопит снега, их можно найти, если только ваши глаза желают видеть их блеск!

Хуанна не ответила ничего, и жрец вышел. Леонард громко выругался, да и все были в унынии. Что касается Оттера, то, узнав о том, что он наделал, он заплакал от горя.

– Кто же мог знать это, баас?! – простонал он. – Вид зеле-

ной пищи привел меня в бешенство! Теперь все погибло, и я должен еще несколько месяцев быть богом, если только они не откроют, кто я на самом деле!

– Ничего, Оттер, – сказал наконец Леонард, почувствовав сострадание к карлику при виде его искреннего горя. – Ты потерял эти камни, ты и найдешь их потом как-нибудь. Кстати, Соа, отчего ты спряталась, когда вошел старый жрец?

– Потому что это мой отец, Избавитель! – отвечала она.

Леонард свистнул: возникло новое осложнение. Что, если Нам узнает ее?

XXII. Храм Джала

В большом смущении Леонард попрощался с Хуанной, обещая вскоре вернуться, и пошел навестить поселенцев, которых он не видел еще с вечера.

Он нашел их в довольно хорошем теплом помещении, причем у них оказалось много пищи. Однако настроение у них было довольно печальное, и они умоляли Леонарда не оставлять их одних, говоря, что каждую минуту ожидают смерти. Он успокоил всех как мог, обещав вскоре вернуться и напомнив, что жизнь их зависит от веры в божественность Пастушки и Оттера.

Остаток дня прошел довольно тяжело. После первого возбуждения, вызванного их странным положением, наступила реакция, и все чувствовали себя в угнетенном состоянии духа. Молча сидели они в большой комнате, часам к десяти погружившейся в полнейший мрак. За дверями слышались монотонные голоса жрецов, бормотавших молитвы. Наконец, Леонард встал, не будучи в состоянии переносить все это более, объявив, что хочет пройтись. Подойдя к большим воротам во дворе дворца, он стал смотреть сквозь них.

Туман немного рассеялся, и шагах в ста от дворца он увидел двери храма, гигантские стены которого имели высоту футов 50 или более. Там шли приготовления к церемонии, и громадная толпа народа теснилась у дверей, в кото-

рые все время входили жрецы и воины. Более он ничего не мог узнать, так как ворота дворца были заперты, и часовые не хотели его пропустить. До захода солнца стоял он здесь и, наконец, вернулся к своим спутникам.

Прошел еще час. Занавес над входом в комнату был внезапно отдернут, и появились двенадцать жрецов со свечами в руках во главе с Намом. Простершись ниц перед Хуанной и Оттером, они молча лежали на полу.

– Говорите! – сказала наконец Хуанна.

– Мы пришли, о, Мать, и о, Змей, – сказал Нам, – вести вас в храм, чтобы народ мог взглянуть на своих богов!

– Хорошо, веди! – отвечала Хуанна.

– Но сначала надо облачить тебя, Матушка, – сказал Нам, – так как вне храма созерцать тебя никто не может, кроме жрецов!

С этими словами он подал ей платье, которое один из его помощников вынул из большого кожаного мешка. Это платье было очень любопытно. Спереди оно застегивалось на пуговицы, сделанные из рога, и было соткано из мягкой шерсти черного козла. У него были рукава и глухой капюшон с двумя отверстиями для глаз и одним для рта. Хуанна удалилась, чтобы надеть этот отвратительный наряд, и вскоре появилась снова, имея вид средневекового монаха. Затем жрецы дали ей в руки по белой и красной лилии, и весь ее туалет был, по-видимому, окончен. Затем они подошли к Оттеру и повязали ему лоб бахромой из шерсти, закрывавшей его

глаза, а в руки дали скипетр из слоновой кости, очевидно, весьма старинной работы, в виде змея, стоявшего на хвосте.

– Все готово! – сказал Нам.

– Ждите нас, – ответила снова Хуанна. – Но пусть с нами пойдут все наши слуги, кроме этой женщины, которая будет здесь ждать нашего возвращения!

Хуанна говорила так потому, что Соа просила не брать ее в храм, на что Хуанна и согласилась, посоветовавшись с Леонардом, заметившим, что, вероятно, она имеет основания для этой просьбы.

– Они пойдут также, – отвечал Нам, – и для них все приготовлено! – И сардоническая усмешка скривила его сморщенное лицо, пока он говорил.

Леонард встревожился, спрашивая себя, что же могло быть для них приготовлено?

Затем все вышли во двор, где стояли вооруженные воины с парой носилок. Здесь же были и испуганные поселенцы с оружием в руках, так как их окружало около пятидесяти вооруженных воинов.

Хуанна и Оттер заняли места на носилках, сзади Леонард построил свой маленький отряд, став во главе его вместе с Франсиско. Оба они держали в руках ружья и револьверы за поясом, которые у них никто не отнял, не зная, что это оружие. Затем они тронулись в путь, окруженные жрецами, размахивавшими зажженными факелами и распевавшими гимны, пока они шли, а впереди и сзади процессии шли ряды

воинов, на копьях которых также горели факелы. Пройдя ворота дворца, процессия вступила на площадь, затем подошла к дверям храма, широко распахнувшимся перед ними.

Здесь Хуанна и Оттер сошли со своих носилок, и факелы погасли.

Леонард почувствовал, что его взяли за руку и повели неизвестно куда. Он едва мог разглядеть лицо ведущего его жреца, настолько густ был мрак. По доносившемуся до него шуму он догадался, что и остальных вели подобным же образом. Раз или два он слышал поселенцев, издававших восклицания ужаса или жалобы, за которыми следовал шум борьбы, произведенный, без сомнения, жрецами или солдатами, принуждавшими к молчанию нарушавших тишину. Вскоре Леонард догадался, что они вступили в какое-то закрытое пространство, так как воздух стал спертым и шаги их гулко отдавались.

– Должно быть, мы в туннеле! – прошептал он Франсиско.

– Молчи, собака, – прошипел ему в ухо жрец. – Молчи, здесь священное место!

Они не поняли значения слов в этот момент, но тон, которым они были произнесены, сделал понятным их смысл. Леонард замолчал и только крепче сжал рукой дуло ружья. Он начинал опасаться за свою безопасность. Что это за место, куда их вели, быть может – тюрьма? Хорошо, они вскоре узнают это, и даже в худшем случае невероятно, что эти варвары причинят какой-либо вред Хуанне. Туннелем, или ко-

ридором, они шли шагов полтора. Сначала пол этого коридора постепенно понижался, затем стал ровным и наконец переходил в подъем, имевший ступени. Этих ступеней Леонард насчитал шестьдесят одну, высотой дюймов в десять каждая. Поднявшись на верх лестницы, они через семь шагов вступили опять в туннель, настолько низкий, что, проходя его, должны были нагнуть головы. Выйдя из этого туннеля через узкое отверстие, они очутились на платформе, сделанной также из камня, и почувствовали веяние холодного ночного воздуха.

Мрак был так густ, что Леонард не смог бы сказать, где он находился, но где-то далеко под ногами слышалось журчание воды, сливавшееся со смешанным звуком, таким, будто тысячи людей шептались между собою. По временам до него доносился также шелест, напоминавший шум листьев в лесу или шуршание платьев множества женщин. Чувство неизвестности, журчание воды и присутствие громадной толпы народа было в высшей степени странно и ужасно; казалось, будто бесчисленный сонм духов окружал их, следовал за ними и угрожал им, говоря без слов, касаясь их без рук.

У Леонарда возникло сильное желание громко вскрикнуть, так велико было напряжение нервов, обыкновенно довольно крепких, и он не один чувствовал такое желание. Вдруг он услышал где-то внизу истерические голоса нескольких людей и сердитый возглас жреца, приказывавшего молчать. Рыдания и смех перешли в страшный визг, за которым

послышался шум борьбы, падение чего-то тяжелого, стон, и снова невидимые толпы народа шептались и шуршали платьями.

– Кого-то убили, – пробормотал Франсиско на ухо Леонарду. – Кого только?

Леонард вздрогнул, но не ответил ничего, так как рука жреца угрожающе закрыла ему рот.

Наконец тягостное молчание было нарушено, и послышался голос старого жреца Нама. Среди царившей тишины было ясно слышно каждое слово, но слова жреца доносились откуда-то издали, и звук их был тих и слаб. Вот что он говорил, как сообщила им после церемонии Хуанна:

– Слушайте меня, вы, дети Змея, древний народ тумана! Слушайте меня, Нама, жреца Змея! Прошло много поколений с начала времен, так говорит легенда, как Мать-богиня, которую мы издревле почитаем, спустилась к нам с неба вместе со Змеем, своим сыном. Пока она была в стране, совершилось страшное преступление, мрак убил дневной свет, и тот ушел отсюда, мы не знаем, как и куда. С этого времени страна стала землей тумана; народ ее начал блуждать в тумане, и тот, кому имя Мрак, стал править над ним, отвечая смертью на его молитвы. Но в наказание за преступление Змей должен был лишиться человеческого облика и удалиться в священное место, где, как знаем мы и знали наши отцы, его символ обитает вечно в воде, требуя себе в жертву людей!

– Но прежде чем убийство было совершено, Мать дала обещание своему народу: «Я умру от руки того, кого родила, так назначено судьбою, – сказала она, – но оставлю вас не навсегда, и не вечно Змей будет нести наказание, состоящее в лишении права облечься в человеческую плоть. Много поколений пройдет, и, наконец, мы вернемся править нашей страной снова. Занавес тумана будет снят с вашей страны, и вы будете велики на земле. До тех пор избирайте себе королей, и пусть они правят вами. Мало того, не забывайте почитать меня и наблюдать за тем, чтобы алтарь Змея был постоянно влажен от крови и чтобы он не терпел лишений в той пище, которую любит. А вот знак, по которому вы узнаете, что час забвения наконец наступил!»

– «Я вернусь к вам в виде прекрасной белой девушки, а Змей из-за своего греха – в виде черного и отвратительного лицом карлика, фигура которого находится в вашем храме. Так мы вернемся к вам снова, и вы узнаете нас, когда мы скажем вам наши священные имена, которые отныне и до часу нашего возвращения не должны быть произносимы громко».

– «Но берегитесь, чтобы лживые и обманчивые боги не появились среди вас, так как тогда на вас обрушатся несчастья и солнце скроет свое лицо».

– Так, дети тумана, говорила Мать тому, кто был ее главным жрецом в те отдаленные времена. И вот теперь наступило назначенное время, и мне, его преемнику, в своем старческом возрасте удалось увидеть исполнение обещанного.

Народ тумана, бессмертные боги, имена которых священны, снова явились править своими детьми. Они пришли вчера, и вы сами слышали, как они громко называли священные имена.

Леонард стоял молча на одном месте некоторое время, затем быстро шагнул вперед, чтобы узнать, где он находится. Но едва он успел сделать шаг, как почувствовал, что его правая нога встретила пустое пространство, и он чуть-чуть не свалился неизвестно куда.

Удержав однако равновесие, он отодвинулся назад к Франсиско, шепнув ему, что при каждом неосторожном движении он рискует своей жизнью. Ночной мрак начал немного проясняться благодаря восходившей луне. Уже ее лучи осветили небо и верхушки гор, и тени все больше сгущались.

Теперь Леонард мог различить, что слева от него высилась какая-то черная масса и что далеко внизу виднелось что-то вроде тени на поверхности бурлившей воды. Некоторое время он смотрел на эту воду, пока глухое восклицание Франсиско не заставило его снова взглянуть вверх. В это время лунный диск вышел из-за стен храма, и постепенно перед ним открылось удивительное зрелище.

Глубоко внизу стояло громадное здание без крыши, открытое с востока, занимавшее около двух акров пространства и окруженное громадной стеной, футов 50 или более высоты. Здание это имело вид римского амфитеатра, все ступени которого были заняты сотнями людей, мужчин и женщин. На западной стороне храма возвышалась громадная статуя

высотой футов 70 или 80, высеченная из массива скалы. За этим колоссом, не далее ста шагов от него, поднимались горы с покрытыми вечным снегом вершинами.

Этот страшный колосс был похож на громадного карлика с безобразным лицом, сидевшего с протянутыми вперед руками, но с согнутыми локтями. Статуя стояла на платформе, так же высеченной из скалы; не далее как в четырех шагах от ее основания виднелся внизу круглый бассейн, имевший в поперечнике около сорока ярдов, в котором кипела и бурлила, как в котле, вода. Откуда она била и куда текла потом, этого разглядеть было нельзя, но Леонард открыл впоследствии, что здесь-то и брала начало река, берегом которой они шли так много дней. Выйдя из бассейна подземными ходами, пробитыми водой в скалах, она двумя потоками окружала городские стены, снова соединяясь на равнине внизу в один поток. Между ступенями, расположенными рядами вокруг бассейна, и подножием статуи стоял алтарь, или жертвенный камень. На передней стороне этого алтаря лежал священный человек, в котором Леонард узнал короля Олфана, а рядом с алтарем стояли жрецы с обнаженной грудью, вооруженные ножами. Среди них была видна кучка поселенцев, дрожащих от страха. Опасения их были небезосновательны, так как один из них был уже мертв. Это был тот человек, нервы которого не выдержали; он громко вскрикнул в темноте и был задушен.

Все это Леонард разглядел потом. Задолго до того, как лу-

чи луны скользнули по амфитеатру, они осветили громадную голову идола; и здесь, на ее поверхности, на высоте семидесяти футов от земли и около ста от уровня бурлившей в бассейне воды, сидела на троне из слоновой кости сама Хуанна. С нее был снят черный балахон, вместо которого надели белоснежное платье, низко вырезанное на груди и перетянутое в талии поясом. Темные волосы были распущены, и в каждой руке она держала лилии, белую и красную, а на лбу блеснул, как красная звезда, рубин. Она сидела спокойно, но глаза ее были широко раскрыты от ужаса. Сначала лунный луч блеснул на драгоценном камне, потом осветил бледное прекрасное лицо, затем белоснежные руки и грудь, ее белое платье и наконец голову демона, на которой стоял трон.

Когда луна осветила и нижние части статуи, Леонард увидел Оттера. Карлик, совсем без одежды, кроме пояса и бахромы на лбу, сидел также на троне, держа в руке скипетр из слоновой кости. Трон его, сделанный из черного дерева, был расположен на коленях колосса, футов на сорок ниже того места, где сидела Хуанна.

После этого Леонард разглядел, где находились они с Франсиско. Миг, когда он все заметил, мог стать последним в их жизни. Они стояли в обществе двух жрецов Змея на кисти правой руки идола, образовавшей маленькую платформу с площадкой не более шести футов, на которую они взошли, пройдя через туннель, сделанный в руке идола. Здесь стояли они, не защищенные ни оградой, ни какой-либо под-

поркой, а перед ними с обеих сторон на глубине девяноста футов виднелась поверхность воды, а в 50 футах – скалистая платформа. В первый момент Леонард, разглядев свое местонахождение, чуть не потерял сознание, но усилием воли устоял на месте, опершись на ствол ружья. Внезапно он вспомнил о Франсиско и поспешил открыть глаза, которые сомкнул, чтобы не глядеть на зиявший в глубине водяной бассейн. Хорошо, что он вовремя вспомнил о патере. В то время как Леонард взглянул на него, священник уже потерял сознание от ужаса и, опустившись на колени, качался взад и вперед. С быстротою мысли Леонард схватил Франсиско за ярясу и таким образом удержал его от падения.

Два жреца Змея, спокойно стоявшие на платформе, как будто под ногами их была твердая земля, увидав все происходившее, не пошевельнулись. Леонард заметил только, что на их лицах сверкнула злобная радость, и сердце его тоскливо сжалось. Что если они ждут сигнала сбросить его вниз? Это могло случиться. Он уже видел немало их обрядов, чтобы понять, что религия, исповедуемая ими, требовала крови и человеческих жертвоприношений. Он вздрогнул и снова чуть не потерял сознание и, не будучи в состоянии стоять на ногах, сел, опершись спиною о большой палец идола.

XXIII. Как Хуанна покорила Нама

Еще царило молчание, и луна поднималась все выше и выше, освещая все большее и большее пространство; наконец ее лучи скользнули по поверхности воды, и весь амфитеатр был освещен ею.

Тогда издали снова раздался голос Нама, стоявшего в сопровождении трех помощников на платформе левой руки колосса.

– Слушайте, вы, живущие в тумане, дети Змея! Вы видели ваших древних богов, ваших отца и мать, вернувшихся назад управлять вами и вести вас всех к миру, богатству, могуществу и славе. Вы видите их теперь при этом свете и на этом месте, на котором только позволено вам глядеть на них. Скажите, верите ли вы в них и принимаете ли их? Отвечайте все до одного, громким голосом!

Могучий рев раздался в ответ на слова жреца.

– Верим и принимаем!

– Хорошо! – сказал Нам, когда шум затих. – Слушайте вы, высокие боги, Ака и Джаль! Преклоните ваши уши и удостоьте выслушать вашего жреца и слугу, говорящего от имени ваших детей, народа тумана. Царствуйте и управляйте нами! Примите власть и жертвы и живите в жилище королей. Мы возвращаем вам управление над всей землей; жизнь каждого человека в ваших руках; вам принадлежат все стада

скота, город и его войско. В вашу честь алтари будут обогрятся кровью, крики жертв будут музыкой для ваших ушей. Вы будете смотреть на того, кто издавна сторожит страшное таинственное место, и он будет ползать под вашими ногами. Как вы правили нашими отцами, так управляйте и нами, согласно издревле установленным обычаям. Слава тебе, о Ака, и тебе, о Джаль, наши бессмертные король и королева!

Все собрание загудело вслед за жрецом:

– Слава тебе, Ака, и тебе, Джаль, наши бессмертные король и королева!

Затем Нам заговорил снова:

– Выведите вперед прекрасную девушку, назначенную для Змея, чтобы он мог посмотреть на нее и взять себе в жены. Выведите также и ту, которая двенадцать месяцев тому назад была обручена с каменным изображением, чтобы она простилась со своим господином!

За его словами возле идола послышался шум, и с каждой стороны его показалось по одной женщине, которых вели за руку жрецы к небольшому пространству между подножием статуи и краем бассейна. Девушек поставили одну по правую сторону от алтаря, а другую – по левую. Обе они были высоки ростом и отличались красотой женщин народа тумана. Одна, стоявшая вправо от алтаря, была совершенно обнажена: только пояс из козлиной шкуры и роскошные распущенные волосы прикрывали ее наготу. На голове был надет венок из красных лилий, подобных тем, которые жрецы дали

Хуанне. Стоявшая слева от алтаря была, наоборот, одета в черное платье, на котором были вышито изображение кроваво-красного змея; голова его находилась на ее груди. Леонард заметил, что лицо этой женщины было искажено ужасом и вся она дрожала, тогда как другая, с венком на голове, имела веселый и немного надменный вид.

На одно мгновение обе женщины замерли неподвижно у алтаря. Затем, по знаку Нама, увенчанная цветами была выведена к алтарю и трижды склонила колени перед идолом или, точнее, – перед Оттером, который молча смотрел на девушку, решительно не понимая значения происходившей на его глазах церемонии. Как оказалось впоследствии, он не мог бы действовать более мудро, по крайней мере, в интересах невесты, так как здесь молчание служило знаком согласия.

– Взгляните, бог принимает ее! – вскричал Нам. – Красота девушки приятна для его глаз. Стань в стороне, Сага, благословенная, чтобы народ мог посмотреть на тебя. Привет тебе, жена Змея!

Торжествуя улыбаясь, девушка отошла назад к своему месту у алтаря и повернула к народу свое горделивое лицо. Тогда толпа загремела:

– Привет тебе, невеста Змея! Привет тебе, благословенная избранница бога!

После этого была приведена вторая женщина, одетая в черное платье, и, подобно первой, совершила обряд преклонения перед идолом.

– Долой ее, чтобы она могла найти своего господина в его жилище! – вскричал Нам.

– Долой, ее дни кончены! – заревела толпа.

Затем, прежде чем Хуанна успела вмешаться и могла произнести хоть одно слово, – она одна понимала слова Нама, – два жреца стащили с несчастной платье и одним взмахом сильных рук швырнули ее далеко в бассейн с бурлившей водой. С криком упала несчастная в воду, и тело ее стало швырять из стороны в сторону бурными волнами. Вся толпа, наклонившись вперед, наблюдала за нею. Леонард, нагнувшись, также смотрел вниз.

Вскоре вода под ногами идола зашумела, и затем показалась голова громаднейшего крокодила, величиною не меньше, чем грудь самого крупного человека. Глаза чудовища были величиною с кулак, желтые челюсти подобны пасти льва, и с нижней из них свешивались клочья белого мяса, придававшие ему вид бородатого козла. Кожа гигантского пресмыкающегося, имевшего в длину не менее пятидесяти футов, а в толщину – 4, была покрыта наростами, словно грибы или лишай покрывали ее, как мох старую стену. Действительно, по внешнему виду чудовище напоминало вымерших животных древности.

Услышав шум в воде, пресмыкающееся выползло из пещеры под ногами идола, где оно скрывалось, чтобы найти свою обычную пищу, состоявшую из человеческих жертв, время от времени перепавших ему. Подняв свою отврати-

тельную голову и посмотрев вокруг, чудовище наконец нашло девушку и в одно мгновение исчезло с нею в глубине бассейна.

Пораженный ужасом, Леонард откинулся назад и взглянул вверх на Хуанну. Она согнулась в своем кресле, и ее глаза были закрыты, – оттого ли, что она была без сознания, или просто сомкнуты, чтобы не видеть ужасного зрелища. Затем Леонард взглянул на Оттера. Карлик, глядя пристально на воду, спокойно сидел, подобно каменному изображению, поддерживавшему его.

– Змей принял жертву, – вскричал снова Нам. – Змей взял ту, которая была его невестой, чтобы жить с ней в его священном жилище. Продолжим дальше жертвоприношение. Возьмите Олфана, бывшего короля, и принесите его в жертву. Сбросьте вниз белых слуг матери. Схватите рабов, которые стояли перед нею на равнине, и принесите их в жертву. Выведите вперед пленных и принесите их в жертву. Совершим жертвоприношение, установленное обычаем при короновании королей, чтобы бог, имя которому Джаль, был успокоен, чтобы он мог слушать просьбы своей матери, чтобы солнце светило нам, чтобы земля наша была плодородна и чтобы мир был внутри наших стен!

Так кричал жрец, и Леонард почувствовал, что кровь стынет в его жилах и волосы на голове поднимаются дыбом, так как, не понимая слов жреца, он догадался об их ужасном значении. Он взглянул на двух жрецов, которые жадно смотрели

на него. Тогда мужество снова вернулось к нему. По крайней мере, у него есть ружье, и он будет сражаться за свою жизнь.

В это время жрецы внизу уже схватили Олфана, чтобы положить его могучее тело на жертвенный камень, но вдруг Хуанна заговорила в первый раз, и глубокое молчание воцарилось в храме.

– Слушайте, дети тумана! – начала она, и ее звучный голос слабо, но совершенно ясно был слышен всем среди ночной тишины. – Слушайте меня, народ тумана, и вы, жрецы Змея. Ака и Джаль вернулись на землю, и вы вернули им управление; в их руках находится теперь жизнь каждого из вас. Как было сказано в древнем предании, мать оделась красотой, символом жизни и плодородной земли; сын – чернотой и безобразием, символом смерти и зла, рассеянного по земле. Теперь вы хотите принести жертвы Джалю согласно старому обычаю, чтобы он был успокоен и слушал просьбы своей матери, чтобы земля была плодородна. Не этим Джаль будет успокоен и не из-за жертвоприношения людей Ака будет упрашивать его, чтобы счастье царствовало в стране!

– Слушайте! Старый закон уничтожен, и мы даем новый закон. Теперь час примирения, теперь жизнь и смерть должны идти рука об руку, и после долгих лет сердца Аки и Джалья сделались кроткими; они уже не жаждут людской крови, как приношения своему величию. Отныне вы будете приносить им плоды и цветы, а не жизнь людей. Смотрите, в моей руке я держу зимние лилии, белую и красную, одна бела, как

снег, другая имеет цвет крови. Красную, выросшую на крови жертв, бросаю прочь, а белый цветок любви и мира кладу себе на грудь. Он уничтожен, старый закон. Смотрите, он падает в жилище Змея, его родину; а новый закон расцветает над моим сердцем и внутри его. Так ли, мои дети, народ тумана? Принимаете вы или нет мое прощение и любовь?

Толпа смотрела, как красный цветок, снятый и брошенный руками Хуанны, упал на поверхность воды. Затем, как один человек, все взглянули вверх и увидели на груди Хуанны белый цветок. Движимые общим чувством, тысячи людей встали со своих мест с криком, подобным шуму ветра.

– Прошел день крови и жертв, настал день мира! Благодарим тебя, Мать, и принимаем твое прощение и любовь! – Затем все снова замолкло, и люди уселись на свои места.

Тщетно жрецы громко протестовали; несколько выстрелов, уложивших 2–3 жрецов, убедили и их, – и они должны были покориться.

Верховный жрец Нам был уничтожен. В первый раз в течение всей своей жизни он должен был признать над собою господ в лице тех самых богов, которых он провозгласил.

– Пусть будет так! – сказал он. – Старый обряд уничтожен и вводится новый!

Тогда помощники его развязали бывшего короля Олфана, и он поднялся с камня смерти.

– Олфан, – закричала сверху Хуанна, – мы, взявшие у тебя власть, отдаем тебе жизнь, свободу и честь. В благодарность

за это служи нам верно, или ты будешь лежать снова на этом камне. Клянешься ли ты нам в верности?

– Навеки! Клянусь в том вашими священными главами! – отвечал Олфан.

– Хорошо. Мы поручаем тебе командование войском этого народа, наших детей. Прими под свою власть офицеров и солдат. Прикажи тем, кто привел нас сюда, отвести нас обратно в наше жилище и поставь около нас стражу, чтобы никто не беспокоил нас. А вы, наш народ, пока прощайте. Идите с миром спокойно жить под сенью нашего могущества!

XXIV. Рассказ Олфана о рубинах

Выйдя на свежий воздух по туннелю, Леонард увидел, что Хуанна и Оттер, заняв свои места на носилках, уже направлялись ко дворцу.

У ворот дворца их встретил Олфан с сотней офицеров и солдат, поднявших копья в знак приветствия при их приближении.

– Олфан, слушай наше приказание! – сказала Хуанна. – Не позволяй ни одному жрецу Змея войти в ворота дворца. Мы даем тебе власть над их жизнью и смертью. Поставь стражу у каждой двери и войди с нами!

Бывший король поклонился и отдал несколько приказаний, услышав которые, мрачные жрецы с ропотом отступили назад. Затем Хуанна и ее спутники прошли во двор и вступили в тронную комнату, где Хуанна провела предыдущую ночь. Здесь для них была приготовлена пища Соа, смотревшей внимательно на всех вошедших и особенно на Леонарда и Франсиско, словно она не ожидала увидеть их снова живыми.

– Слушай, Олфан, – сказала Хуанна, – мы сегодня ночью спасли тебе жизнь, и ты поклялся нам в верности, не так ли?

– Да, королева, – ответил воин, – и я буду верен моей клятве. Это сердце бьется для тебя одной. Жизнь, которую ты мне возвратила, – твоя, и я для тебя живу и умру за тебя!

Произнося эти слова, он смотрел на нее с таким выражением, в котором, как показалось Хуанне, к суеверному чувству обожания примешивалось другое чувство, чувство восхищения мужчины женщиной. Не начал ли он подозревать, что она совсем не богиня? Время покажет, но пламя, горевшее в его глазах, встревожило Хуанну.

– Не бойтесь, – продолжал Олфан, – тысяча человек будут охранять вас днем и ночью. Могущество Нама сокрушено, и теперь все ваши слуги могут спать спокойно!

– Хорошо, Олфан! Завтра утром мы снова будем говорить с тобою, так как у нас много чего, о чем надо переговорить. А пока зорко смотри!

Гигант, поклонившись, ушел, и они наконец остались одни.

После ужина по просьбе Леонарда Хуанна перевела все то, что было сказано в храме; внимательней всех отнеслась к ее рассказу Соа.

– Скажи, Соа, – обратился к старухе Леонард, когда Хуанна окончила свой рассказ, – ты не ожидала, что мы вернемся из храма живыми, не правда ли? Вот почему ты и осталась здесь?

– Нет, Избавитель! – отвечала она. – Я думала, что все вы будете убиты; это бы случилось, если бы не Пастушка. Но я осталась здесь потому, что тот, кто хоть раз видел Змея, не захочет смотреть на него снова. Много лет тому назад я была невестой Змея, и если бы я не убежала, Избавитель, то моя

судьба была бы такой же, как той, которая умерла сегодня ночью!

– А, теперь я не удивляюсь, что не пошла! – сказал Леонард.

– О, баас, – вмешался вдруг Оттер, – зачем ты не застрелил главного колдуна? Тогда это было бы легко сделать, и теперь он не был бы жив. Он сошел с ума от ярости и злодейства, и я скажу тебе, что он погубит нас всех, как только будет в состоянии это сделать!

– Да, лучше было бы сделать так, – сказал Леонард, пощипывал свою бороду, – но я не смог. Кстати, Оттер, на будущее помни, что имя твое – Молчание. Счастье, что народ тумана не понимает тебя, а то бы это погубило всех нас. Что такое, Соа?

– Ничего, Избавитель, – отвечала она, – только я думаю, что Нам – мой отец и что ты хорошо сделал, не застрелив его, как советует эта черная собака, которую называют богом!

– Я должна лечь в постель, – сказала Хуанна слабым голосом, – у меня кружится голова. Я не могу забыть ужасов того отвратительного места. Спокойной ночи, господа!

На следующее утро Леонард проснулся около девяти часов, так как заснул не ранее 4 часов утра. Франсиско уже встал, был одет и по обыкновению молился. Когда Леонард оделся, они пошли в комнату Хуанны, где приготовили для них завтрак. Здесь они нашли Оттера, который был несколько не в духе.

– Баас, баас, – сказал он, – они пришли и не хотят уходить!

– Кто? – спросил Леонард.

– Женщины, баас! Та, которая была мне дана в жены, и с нею много других женщин, ее служанок. Их больше двадцати, и все рослые. Ну что я с ними буду делать, баас?

Леонард, как мог, стал успокаивать беднягу. Тем временем Хуанна, немного бледная, вышла из своей комнаты, и все сели за завтрак. Но не успели они окончить его, как Соа доложила о приходе Олфана. Хуанна приказала впустить его, и бывший король явился перед ними.

– Все благополучно, Олфан? – спросила Хуанна.

– Все, королева! – отвечал он. – Нам и его триста приверженцев сегодня на заре держат совет в жреческом доме. В городе большое смущение и много толков, но сердца народа легки, так как вернулись к нему его старые боги, принесшие с собой мир!

– Хорошо! – сказала Хуанна и стала задавать Олфану наводящие вопросы; из его ответов она постепенно узнала много подробностей о народе тумана.

По-видимому, это был очень древний народ, издавна живший на одной и той же туманной возвышенности. Он существовал не совсем изолированно, так как по временам вел войны с соседними племенами. Но с представителями этих племен «дети тумана» никогда не заключали браков, а пленных приносили всегда в жертву богам при религиозных церемониях. Реальное управление общиной сосредоточено было

в руках общества жрецов Змея, звания которых переходили по наследству, и исключения из этого общего правила были крайне редки. Совет жрецов избирал короля, а когда они были недовольны одним королем, то приносили его жертву богами и избирали другого. Таким образом отношения между государством и церковью были здесь довольно натянутыми, но до сих пор, как заявил со скрытой яростью Олфан, церковь одерживала верх.

Король был в руках жрецов простым орудием, органом исполнительной власти. Если ему не удавалось умереть естественной смертью, то конец его был почти всегда один: его приносили в жертву, если погода портилась или «Джаль гневался».

Страна была обширна, но крайне редко населена. Способных носить оружие людей в ней насчитывалось всего около четырех тысяч человек, из которых около половины жило в большом городе, а остальные занимали деревни, рассеянные по склонам гор. Причиной малонаселенности страны был обычай человеческих жертвоприношений, сделавший власть жрецов неограниченной, а их самих – богатейшими людьми во всей стране, так как они избирали жертвы для заклания на алтарь богов и имущество их конфисковали «на нужды храма».

Дважды в год устраивались торжественные празднества в храме Джалья: одно в начале весны, другое осенью, после жатвы. Во время каждого из этих празднеств приносилось

множество человеческих жертв, из которых половину закалывали на камне, а половину бросали в бассейн на съедение Змею. Весенний праздник посвящался Джалю, а осенний – Матери-богине. В праздник Джалия приносились в жертву одни женщины, а в праздник богини – одни мужчины. На съедение же Змею поступали также преступники. У жрецов много других обрядов, – говорил Олфан, – и они могут увидеть их во время весеннего праздника, который наступит через день.

– Его не будут праздновать! – сказала горячо Хуанна.

На вопрос Леонарда о том, куда делись красные камни и тот, кто оскорбил бога, принесся ему один из таких камней, Олфан ответил:

– Большинство из них брошено в реку, господин, и оттуда их никто не может вытащить. Таких было три полных кожаных мешка. Но самые лучшие камни, – продолжал Олфан, – спрятанные в маленький мешок, были привязаны на шею того человека, который согрешил, и вместе с ним опущены на веревках в то место, где живет Змей, чтобы он вечно сторожил их. Этот человек, конечно, уже съеден Змеем!

Олфан ушел, но после полудня вернулся снова, чтобы доложить о приходе Нама и двух старших жрецов. Хуанна приказала впустить их, и те вошли. Вид у них был самый смиренный, головы низко опущены, но эта маска смирения не обманула Леонарда, заметившего пламя ярости, игравшее в их мрачных глазах.

– Мы пришли, о боги, – сказал Нам, обращаясь к Хуанне и Оттеру, сидевшим рядом на креслах, сделанных в виде тронов, – мы пришли попросить ваших повелений, так как вы дали нам новый закон, который мы не понимаем. Через два дня будет праздник Джаля, и приготовлено пятнадцать женщин, чтобы принести их ему в жертву, чтобы утихла его ярость и чтобы души их он мог считать в числе своих слуг и отвратил свой гнев от народа тумана, дав ему хорошую погоду. Этот обычай существует уже много лет в стране и, как только его не соблюдали, солнце не светило, хлеба не росли и скот не плодился. Но теперь, о боги, вы дали новый закон, и я, который все еще ваш слуга, пришел сюда просить ваших приказаний. Как будет идти празднество, и какие жертвы должны быть принесены вам?

– Празднество пройдет таким образом, – отвечала Хуанна, – вы должны нам принести в жертву по быку и по козлу каждому; та же жертва должна быть принесена Змею, да не кровь людей. Кроме того, мы назначаем празднество днем, а не ночью!

– Хорошо! – сказал смиренно, но с выражением ядовитого сарказма Нам. – Ваши слова – закон! – Поклонившись до земли, старик вышел, сопровождаемый своими спутниками.

– Этот дьявольский жрец меня бесит! – сказала Хуанна, переведя присутствующим слова Нама.

– О, баас, баас, – подхватил Оттер, – зачем вы не убили его сегодня ночью? Теперь он наверное бросит нас Змею!

В это время Соа вышла из-за тронов, где она скрывалась, пока в комнате находился Нам.

– Не хорошо собаке, выдающей себя за бога, угрожать жизни того, кого она обманула! – произнесла угрожающе старуха. – Быть может, настанет час, когда истинный бог отомстит ложному рукою своего верного слуги, которому ты угрожаешь смертью, подлый карлик! – и прежде чем кто-либо успел ответить, Соа оставила комнату, бросив злобный взгляд на Оттера.

– Эта ваша служанка бесит меня, Хуанна, – сказал Леонард, – в одном я уверен: что мы не должны позволять ей проникать в наши планы; она и так знает довольно!

– Я не могу понять, что стало с Соа, – сказала Хуанна, – она так изменилась!

XXV. Жертвоприношение по новому обряду

Наступил день праздника Джала. Согласно приказанию Хуанны, празднество должно было происходить днем, а не ночью. В сопровождении жрецов и воинов Хуанна и Оттер прибыли в храм. По-прежнему амфитеатр наполняли тысячи людей, но на этот раз боги заняли места не на своих высоких тронах, а у подошвы идола, почти на краю бассейна. Леонард, Франсиско и поселенцы стояли сбоку. День был пасмурный и холодный, и снег падал крупными хлопьями со свинцового неба.

Как и раньше, Нам открыл праздник речью.

– Народ тумана! – вскричал он. – Вы собрались здесь, чтобы чествовать праздник Джала по древнему обычаю, но боги вернулись к вам, как вы знаете, и в своей мудрости изменили обычай. Пятнадцать женщин были приготовлены для жертвоприношения. Сегодня утром они встали, радуясь и ликуя, что назначены Змею, но их радость обратилась в печаль, потому что боги не хотят принимать их, выбрав новые жертвы. Привести их сюда!

Помощники жрецов вывели из-за идола двух упиравшихся быков и двух козлов. Они были убиты, за исключением одного козла, который, вырвавшись из рук своих преследо-

вателей, с громким блеянием бросился вниз к амфитеатру и стал скакать с одной скамьи на другую среди собравшегося народа. Эта сцена была настолько комична, что даже мрачные и молчаливые дикари начали смеяться.

Праздник потерпел полное фиаско.

– Конечно, народ тумана! – сказал Нам, указывая на убитых животных. – Жертвоприношение совершено, праздник Джалья прошел. Пусть Мать молит Змея чтобы солнце сияло и плодородие благословило землю!

Таким образом празднество на этот раз окончилось почти за десять минут, тогда как прежде оно занимало большую часть ночи: каждую жертву убивали с известными церемониями. Ропот неодобрения раздался с заднего конца амфитеатра, ропот, перешедший вскоре в рев. Народ, озверевший от частых и кровавых зрелищ, снова и снова жаждал крови.

– Вывести женщин! Пусть их принесут в жертву Джалю по старому обычаю! – вопила яростно толпа в течение, по крайней мере, десяти минут.

Тогда Нам лукаво проговорил:

– Народ тумана! Боги дали нам новый закон, по которому следует вместо мужчин и девушек приносить в жертву быков и козлов, и вы сами приняли этот закон. Отныне это священное место должно обратиться в скотобойню. Пусть будет так, мои дети!

Возбужденная его словами толпа закричала «Крови, крови!» Послышался шум, раздались угрожающие крики. Ко-

роль предложил удалиться Хуанне ее спутникам. Поднявшись со своего места, девушка пошла к туннелю в скале, сопровождаемая другими.

Не всем удалось беспрепятственно достичь входа в туннель, так как разъяренная толпа, сопровождаемая двумя жрецами, прорвав цепь солдат, ворвалась на платформу и смешалась с маленьким отрядом спутников Хуанны.

Вход в туннель закрывался дверью, которую Олфан и Леонард поспешили укрепить, как только нашли, что все прошли в нее, оставив снаружи завывавшую в ярости толпу. Затем все поспешили ко дворцу, включая Олфана, оставшегося за дверью, чтобы наблюдать за действиями черни.

Вдруг донесся яростный рев, перешедший в крик торжества, за которым последовало молчание.

– Что такое? – тихо спросила Хуанна, но в этот момент, откинув занавес, в комнату вошел Олфан с печальным лицом.

– Говори, Олфан! – сказала она.

– Народ приносит жертвы по-прежнему, королева! – отвечал он. – Не все мы прошли через ворота; двое из наших черных слуг, смешавшись с толпой, были схвачены, и теперь их приносят в жертву Джалю и других с ними!

Леонард выбежал на двор и сосчитал поселенцев. Действительно, двоих недоставало.

На обратном пути он встретил уходившего Олфана.

– Куда он идет? – спросил Леонард у Хуанны.

– Охранять ворота. Он говорит, что не ручается за солдат.

Верны его слова о поселенцах?

– Увы, да. Двоих не хватает!

Хуанна закрыла лицо руками.

С этого часа началось для них самое страшное испытание, продолжавшееся около пяти недель.

Приближалась весна, время таяния снегов. В этой холодной туманной стране от раннего или позднего наступления теплой погоды зависела жатва. Стоило только весне запоздать на несколько недель, и жителям грозил голод, так как злаки не успевали созреть. Праздник Джалья и был установлен для того, чтобы обеспечить раннее наступление весны и хорошую жатву. Хуанна и Оттер уничтожили отвратительные церемонии этого праздника, и народ тумана с мрачным суеверием следил за результатами этого нововведения. Если погода будет лучше обыкновенной, тогда хорошо, но если она ухудшится, тогда...

Леонард и Хуанна с беспокойством следили за погодой, но не видели ничего утешительного: каждое утро густой туман, как облако, висел над землею, а ночью дул холодный ветер.

Озлобление жителей по отношению к спутникам Хуанны выражалось все резче и резче, так что те уже не осмеливались выходить из своих помещений. К Хуанне и Оттеру пока относились с почтением.

Это была страшная жизнь. Они ничего не могли делать, им нечего было читать. Большую часть дня Леонард и Хуан-

на проводили, изучая язык народа тумана и беседуя на этом языке. Когда тема разговоров истощалась, они рассказывали друг другу различные случаи из своей прошлой жизни или даже сочиняли сказки, как дети или пленники. В самом деле, они были пленниками, которым к тому же угрожала смерть.

Они хорошо узнали друг друга за эти пять недель, но ни одного нежного слова не было произнесено между ними. Леонард никогда не забывал, что Хуанна доверена ему ее отцом, и тщательно скрывал от нее свои чувства.

Так они жили бок о бок, влюбленные друг в друга, однако как брат с сестрой.

Но Соа не была счастлива. Она чувствовала, что ее госпожа уже не доверяла ей больше. День за днем она проводила вблизи их, со все возрастающей ревностью наблюдая за Леонардом.

Что касается Франсиско, то он был уверен, что все они скоро погибнут, и искал утешения в религии, почти все время проводя в молитве.

Отгер также верил, что час их смерти близок, но, как истый фаталист, не особенно беспокоился из-за этого. Наоборот, несмотря на отговоры Леонарда, он начал развлекаться, прикладываясь часто к сосуду с вином. Когда Леонард стал предостерегать его, карлик ответил довольно сердито.

– Сегодня я – бог, баас, а завтра могу быть падалью! Пока я бог, дай мне пить и веселиться. Всю мою жизнь женщины проклинали меня за мое безобразие, а теперь моя жена счи-

тает меня великим и прекрасным. К чему же горевать? Скоро и так наступит конец. Уже Нам точит нож для наших сердец. Пойдем, баас, со мною и будем веселиться, если только Пастушка позволит!

– Ты принимаешь меня за такую же свинью, как ты сам! – сказал сердито Леонард. – Хорошо, делай как хочешь, но берегись пива и вина. Теперь ты начал говорить на их языке, а когда пьян, то становишься болтлив, не думая, что здесь шпионы. Эта девушка Сага – внучка Нама, а ты одурел от нее. Будь осторожен, а то ты будешь причиной смерти всех нас!

– Это случится все равно, баас, так будем же пока смеяться, баас – возразил мрачно Оттер. – Неужели же я должен сидеть здесь до тех пор, пока не умру?

Леонард, пожав плечами, ушел. Он не мог порицать карлика, который прежде всего был дикарь и смотрел на вещи с точки зрения дикарей, несмотря на усилия Франсиско просветить его.

Но самое худшее было еще впереди. В течение первой недели поселенцы, испуганные страшной участью двух своих товарищей, не отваживались выходить за ворота дворца, но мало-помалу, наскучив однообразием своей жизни, приняли приглашение нескольких туземцев, которые разговаривали с ними у ворот дворца, и без позволения Леонарда вышли на улицы. Вернулись они в свое помещение ночью пьяными, двоих не оказалось с ними. Когда они протрезвели,

Леонард стал расспрашивать их об участии пропавших товарищей, но они не могли ничего толком ему объяснить. Два пропавших поселенца так и не вернулись, а товарищи их в этот раз уже не слушали приглашений туземцев. Но все эти предосторожности не помогли. Вскоре ночью пропали неизвестно куда еще три человека, исчезли сквозь запертые и охраняемые двери. На том месте, где они спали, лежали их ружья и вещи, но сами они исчезли без следа. Когда было сказано об этом Олфану, он, став очень серьезным, сказал, что во дворце есть тайные ходы, которые известны однако только жрецам. Возможно, что эти люди были похищены через них.

XXVI. Последний из поселенцев

В день исчезновения трех поселенцев Нам пришел «воздать честь богам», что он делал еженедельно, и Леонард, успевший к этому времени достаточно научиться местному языку, спросил у него, куда девались пропавшие слуги.

Жрец со свирепой улыбкой ответил, что боги, конечно, знают, куда делись их собственные слуги, и что, вероятно, они нашли нужным устранить их.

Затем, обратившись к Хуанне, он спросил, когда Матери будет угодно войти в соглашение со Змеем, чтобы солнце светило и можно было бы сеять, так как народ ропщет, опасаясь голода.

Конечно, Хуанна не могла дать никакого удовлетворительного ответа на этот вопрос, и поселенцы были размещены в другом месте. Несколько ночей оставшиеся в живых провели спокойно, но на третью ночь двое из них были похищены таким же таинственным образом, как и их товарищи. Один из оставшихся поселенцев клялся, что проснувшись ночью, он увидел, как в их комнате раскрылся пол и из образовавшегося отверстия просунулись чьи-то длинные руки, схватившие одного из его товарищей. После того отверстие опять закрылось. Леонард внимательно осмотрел каменный пол комнаты, в которой спали поселенцы, но не мог ничего обнаружить. После этого ни один из них, за исключе-

нием Оттера, не обращавшего ни на что внимания, не смог спать спокойно. Леонард и Франсиско поочередно охраняли сон друг друга, лежа у дверей в комнату Хуанны. Что касается оставшихся в живых поселенцев, то невозможно описать охвативший их ужас. Горько упрекали они Леонарда, заманившего их в эту дьявольскую землю, и проклинали тот час, когда они впервые увидели его лицо. Гораздо лучше было бы, – говорили они, – оставаться в руках Желтого дьявола, так как это был все же человек, а здесь живут колдуны, злые духи в человеческом образе.

Вскоре вождь поселенцев Петр, которого они все любили уважали, сошел с ума от ужаса и бегал взад и вперед по двору дворца, выкрикивая проклятия в адрес Леонарда и Хуанны. Бывшие во дворе солдаты и женщины с любопытством наблюдали за ним. Эта страшная сцена продолжалась несколько часов, так как его товарищи не хотели вмешиваться, думая что он одержим духом и наконец несчастный покончил с собой. Напрасно Леонард просил оставшихся в живых воздерживаться от спиртных напитков и быть всегда настороже; они не послушались его совета, и один за другим исчезали таинственным образом, пока, наконец, никого из них не осталось.

Никогда не мог Леонард забыть того чувства, которое овладело им, когда на пятый день их заключения, войдя утром в комнату поселенцев, из которых оставалось только двое, он нашел помещение пустым. На полу лежали два оде-

яла и заботливо положенные неизвестной рукой в виде андреевского креста два жреческих ножа.

Оцепенев от ужаса, Леонард вернулся в тронную комнату.

– О, что еще такое? – спросила Хуанна, которая уже поднялась с постели. Глаза молодой девушки смотрели с ужасом, и губы дрожали.

– Только то, – отвечал он печально, – что двое последних наших слуг исчезли, и вот что осталось вместо них! – показал он найденные им ножи.

Тогда наконец Хуанна не выдержала.

– О, Леонард, Леонард! – сказала она, горько плача. – Ведь это были слуги моего отца, которых я знала с детства, и я привела их к этому страшному концу. Не можете ли вы придумать, как бы уйти из этих мест, иначе я умру от страха. Я не могу спать более. Я чувствую, что за мною ночью следят, хотя не могу сказать – кто. Прошлой ночью мне казалось, что кто-то двигался вблизи занавеса, где вы с Франсиско спали, хотя Соа говорит, что это фантазия!

– Это невозможно, – сказал Леонард, – Франсиско караулил. Да вот и он сам!

Франсиско вошел в комнату с растерянным лицом.

– Утром, – едва мог произнести он, – очевидно, кто-то входил в тронную комнату, где мы спали прошлой ночью. Все ружья исчезли, наши и поселенцев!

– Боже, возможно ли это? – вскричал Леонард. – Ведь вы же караулили ночью!

– Должно быть, меня усыпили на некоторое время, – отвечал священник, – это ужасно; мы теперь без оружия!

– О, неужели нет выхода? – спросила Хуанна.

– На это нет никакой надежды, – мрачно ответил Леонард. – У нас здесь нет друзей, кроме Олфана, но у него мало власти, так как жрецы склонили на свою сторону офицеров и солдат, которые боятся их. Да если нам и удалось бы бежать отсюда, что мы будем делать без оружия, без слуг? Все, что нам остается, это, скрепя сердце, надеяться на лучшее. Конечно, правы те, кто говорит, что от поисков сокровищ никогда не бывает добра, но я все-таки надеюсь остаться в живых и найти их!

– Как, Избавитель, – раздался сзади него насмешливый голос, – ты все еще хочешь получить эти красные камни, ты, чья кровь вскоре делается красной, подобно этим камням?! Поистине жадность белого человека велика!

Леонард оглянулся. Это говорила Соа, слышавшая их разговор и глядевшая на него с выражением крайней ненависти в своих мрачных глазах. Внезапная мысль пришла ему в голову: не этой ли женщине они были обязаны своими несчастьями? Каким образом из всех слуг Хуанны только она одна уцелела?

Он стал спрашивать Соа, и та не могла удержаться от выражения ненависти к нему, похитившему любовь ее госпожи, хотя и сказала, что неповинна в исчезновении поселенцев. Наконец она заявила, что госпожа должна выбирать

между нею и Избавителем.

– Пусть госпожа предоставит его жрецам и доверится ей, – и она спасет ее!

Нечего говорить, что одна мысль о таком спасении возмутила девушку, и она стала упрекать Соа. Но старуха была непреклонна. Леонард уже вытащил уцелевший у него револьвер и хотел убить ее. Однако Хуанна остановила его. Тогда он велел принести Франсиско веревку, чтобы связать Соа.

Франсиско пошел и тотчас же вернулся в сопровождении Оттера. Месяц ужасного беспутства наложил свою печать даже на железную натуру карлика. Его блестящие черные глаза были красны, руки дрожали, и он даже не мог твердо идти.

– Ты опять был пьян, глупец! – сказал Леонард. – Ступай прочь; мы здесь в горе, и не нужно нам пьяниц. А теперь, Франсиско, дайте мне эту веревку!

– Да, баас, я был пьян, – смиренно отвечал карлик, – надо выпить перед тем, как идти на смерть!

– Слушай, – сказал Леонард, – пока ты веселился, последние из людей Мэвума исчезли и вот что осталось вместо них! – и он указал на ножи.

– Вот как, баас, – отвечал, сильно икнув, Оттер, – ну, мы от этого не много потеряли, на них было мало надежды. Однако я хочу стать снова мужчиной, чтобы собственноручно задушить этого колдуна Нама!

– Скоро тебя самого задушат, Оттер! – сказал Леонард. –

Смотри, перестань пьянствовать, а то я буду бить тебя!

– Я уже трезв, баас, на самом деле. Прошлой ночью я был пьян, но сегодня ничего не осталось, кроме сильной боли здесь! – и он хлопнул рукой по своей большой голове. – Зачем ты хочешь связать эту старую корову Соа, баас?

– Она грозит нам своими рогами, Оттер. Она говорит, что предаст нас. Слушай, – продолжал Леонард, – мы должны сторожить эту женщину днем и ночью. Твоя очередь наступит сегодня – авось это удержит тебя от пьянства!

Связав Соа самым надежным образом, они положили ее в угол тронной комнаты, и весь день Франсиско и Леонард сторожили ее. Старуха не оказала никакого сопротивления, когда ее связывали, и не произнесла ни одного слова. Очевидно, после взрыва бешенства наступила реакция и в утомлении, откинувши голову назад, она заснула или сделала вид, что спит.

День прошел без каких-либо особенных происшествий. Олфан как обычно посетил их и сообщил, что волнение в городе все усиливалось. Невиданная ранее продолжительность холодной погоды приводила народ в ярость, которая должна была вскоре вылиться в ту или иную форму насилия. Жрецы прилагали все усилия, чтобы разжечь страсти; однако непосредственной опасности еще не было.

После заката солнца Леонард и Франсиско вышли во двор посмотреть состояние погоды, но ничего утешительного не увидели: небо было такое же, как и прежде, – пасмурно, и

дул пронзительный, холодный ветер.

Возвратившись во дворец и строго наказав Оттеру неослабно наблюдать за Соа, они завернулись в свои одеяла, чтобы немного отдохнуть. Хуанна уже была в постели, поставленной по другую сторону занавеса, у которого спали они, так как боялась спать одна. Вскоре они заснули, ведь ужас должен был уступить наконец место необходимому отдыху, и скоро глубокая тишина наступила во дворце, нарушаемая только стражей во дворе.

Среди ночи Леонард открыл глаза, услышав чьи-то шаги, и тотчас же протянул руку к занавесу, чтобы убедиться в безопасности Хуанны. Она была там, и ее пальцы инстинктивно сжали его руку. Тогда он взглянул в другую сторону и увидел причину своего беспокойства. В дверях комнаты стояла невеста Змея, Сага, с зажженным факелом в одной руке и сосудом в другой. Красивая молодая женщина выглядела чрезвычайно живописно при свете факела, озарявшего ее благородную фигуру.

– В чем дело? – спросил Леонард.

– Все благополучно, баас, – отвечал Оттер, – старуха под крепким надзором. Сага принесла мне воды, вот и все. Я просил ее об этом, так как внутри меня бушует пламя и голова сильно болит. Не бойся, баас, пока я на часах, я не буду пить пива!

– Держись подальше от своей жены, – ответил Леонард. – Скажи ей, чтобы она ушла прочь!

После этого Леонард снова заснул. На рассвете его разбудил Оттер, громко окликнувший его печальным голосом:

– Баас, иди сюда!

Леонард, вскочив с постели, подбежал к тому месту, где находился Оттер, и увидел, что Соа исчезла. Веревка, которой она была связана, валялась на полу.

– Негодный! – вскричал Леонард, схватив Оттера за плечи. – Ты заснул, и она убежала. Теперь мы погибли!

– Да, баас, я заслужил это. Однако, мне совсем не хотелось спать, пока я не выпил воды. Я никогда не спал на часах, баас!

– Оттер, – сказал Леонард, – твоя жена опоила тебя сонной водой?

– Может быть, баас. Но куда же ушла старуха?

– К Наму, своему отцу! – отвечал Леонард.

XXVII. Отец и дочь

Пока Леонард и Оттер говорили о внезапном исчезновении Соа, еще более интересный разговор происходил ярдах в трех от них, в секретной комнате, устроенной в толще стены храма. Действующими лицами этой сцены были Нам, верховный жрец, Соа, – служанка Хуанны, и Сага, – жена Змея.

Нам в это утро проснулся рано, задолго до рассвета, так как беспокойные мысли не давали ему спать. Сидя один в своей маленькой комнате, он предавался размышлениям. Действительно, ему было о чем подумать. Те самые боги, служению которых он посвятил всю свою долгую жизнь, явившись теперь в образе людей, разрушают весь религиозный церемониал, без которого его должность – пустое место, его могущество – миф, и сами ведут себя враждебно по отношению к нему. Да действительно ли они боги? Во внешности их не было ничего особенно божественного: Хуанна могла быть просто прекрасной женщиной, а Оттер, по словам шпионов Нама, был обыкновенный карлик, довольно разнузданного характера. Против божественности этих лиц говорило и то обстоятельство, что с прибытием их в стране вовсе не водворилось благополучие; наоборот, погода установилась такая дурная, какой уже давно не наблюдали ранее. Так размышлял Нам, когда его думы были прерваны стуком в дверь.

– Войди! – сказал он, накидывая на свои плечи козью шку-

ру.

Вошел жрец с зажженным факелом в руке, так как в комнате не было окон, а за ним две женщины.

– Кто это? – спросил Нам, указывая на вторую женщину.

– Это служанка Аки, отец! – отвечал жрец.

– Отведи ее в сторону и наблюдай за ней. Ну, Сага, рассказывай. Во-первых, какова погода?

– Очень пасмурно, отец, солнца не видно из-за густого тумана!

– Я догадывался об этом по холоду, который чувствуется здесь! – и он плотнее закутался в свое платье. – Еще несколько дней и... – жрец остановился и затем продолжал, – скажи мне о Джале, твоём господине!

– Джаль такой же, как и был: весел и немножко пьян. Он говорит на нашем языке плохо, однако в последний раз, выпив, запел песню, в которой говорится о подвигах того, кого они называют Избавителем. В этой песне говорилось о том, как он избавил богиню Аку от плена, – так, по крайней мере, поняла я эту песню!

– Может быть, ты неверно поняла? – отвечал Нам. – Скажи, внучка, ты все еще считаешь этого бога?

– Я почитаю бога Джалья, а мужчину, жителя вод, ненавижу! – пылко проговорила Сага.

– Вот как! Всего два дня тому назад ты говорила мне, что любишь его и что нет такого бога, как этот мужчина, и нет такого мужчины, как этот бог!

– Это правда, отец, но теперь, когда он оттолкнул меня, сказав, что я надоела ему, и стал ухаживать за моею собственной служанкой, я требую жизни этой служанки!

Нам мрачно улыбнулся.

– Быть может, ты требуешь также жизни бога?

– Да, – отвечала она безо всякого колебания, – я хотела бы видеть его мертвым, если это возможно!

Нам опять улыбнулся.

– Однако, внучка, у тебя характер точь-в-точь такой же, какой был у твоей бабки, моей сестры. Та заставила принести в жертву трех мужчин, которые возбудили ее ревность. Ну, а что нужно этой женщине?

– Она была связана по приказанию Аки, и Джаль стерег ее. Но я напоила сонным питьем Джалья и, развязав ее, секретным ходом привела сюда, так как она желает говорить с тобой.

– Но ведь я не понимаю ее языка!

– Она, отец, понимает наш. Если бы она родилась у нас, и то не могла бы говорить лучше!

Удивленный Нам позвал жреца и приказал ввести чужестранку.

– Ты хочешь говорить со мною? – спросил он Соа.

– Да, господин, но не в присутствии их. То, что я скажу тебе...

Нам замялся.

– Не бойся, господин! – сказала Соа, читая его мысли. –

Видишь, я безоружна.

Тогда он приказал присутствующим уйти и, когда дверь за ними закрылась, вопросительно посмотрел на Соа.

– Скажи мне, господин, кто я такая? – начала она, снимая покрывало со своей головы и поворачивая лицо к свету факела.

– Как я могу знать, кто ты, чужеземка! Однако если бы я случайно встретил тебя, то подумал бы, что ты нашей крови!

– Господин, я действительно вашей крови. Обрати свой ум назад и подумай, не припомнишь ли ты о своей дочери, которую ты любил много лет тому назад и которая из-за происков твоих врагов была выбрана в невесты Змею! – и Соа остановилась.

– Продолжай! – сказал Нам тихим голосом.

– Быть может, ты припомнишь, господин, что, побуждаемый любовью и страданием, ты, в ночь жертвоприношения, помог этой дочери избежать челюстей Змея!

– Я припоминаю кое-что, – отвечал осторожно жрец, – но мне говорили, что та женщина, на которую ты намекаешь, подверглась мщению бога и умерла во время своего бегства!

– Это неправда, господин. Я твоя дочь, а ты не кто иной, как мой отец. Я узнала тебя, как только увидела тебя в лицо!

– Докажи это и берегись, если ты лжешь! – отвечал он. – Покажи мне тайный знак и шепни мне на ухо секретное слово!

Тогда, подозрительно оглядевшись вокруг, Соа подошла

к нему и сделала несколько движений рукой по столу, а затем, наклонившись вперед, прошептала что-то на ухо Наму. Едва она кончила, как старик поднял голову и на его глазах выступили слезы.

– Здравствуй, моя дочь! – сказал он. – Я думал, что одинок и никого из моих близких нет на земле. Здравствуй! Твоя жизнь была обещана Змею, но, забывая свои обеты, я буду покровительствовать тебе, хотя бы это стоило мне жизни!

И отец с дочерью обнялись с показной нежностью – зрелище, поразившее бы всякого, кто знал характеры их обоих.

Выйдя на минуту из комнаты и отпустив Сагу и жреца, Нам вернулся к своей дочери и просил объяснить ему причину ее присутствия в свите Аки.

– Прежде всего, отец, ты должен дать мне клятву, – сказала Соа, – иначе я не скажу тебе ни слова. На крови Аки ты должен поклясться, что не сделаешь ничего против жизни той королевы, вместе с которой я прибыла сюда. Что касается других, ты можешь делать, что тебе угодно, но ее не должен трогать. Ведь та, которую любишь ты, любит ее, а также потому, что этим ты достигнешь еще больших почестей!

– Разве я мог бы поднять руку против богов, дочка? Клянусь тебе в этом кровью Аки, и если я нарушу свою клятву, то пусть Джаль поступит со мной так же, как поступил некогда с Акой!

После этого Соа, хорошо знавшая, что подобную клятву невозможно было нарушить, рассказала отцу всю свою

жизнь с момента побега из Страны тумана, изложив вкратце все обстоятельства, и с большими подробностями описала свою жизнь с Хуанной, пленение последней работорговцами и историю освобождения молодой девушки Леонардом, закончив описанием прибытия Хуанны в Страну народа тумана.

Старый жрец, выслушав эти необычные разоблачения, был не то что поражен ими, как громом, он был совершенно убит, так что некоторое время не мог произнести ни слова. Наконец он разразился гневными криками и хотел немедленно предать смерти обманщиков. Однако Соа уговорила его поступать осторожнее.

– Лучше сегодня явись к богам, – говорила она, – и смиренно проси их изменить погоду, чтобы солнце сияло. Затем скажи им, что до твоих ушей дошли странные слухи через Сагу и других женщин, слышавших слова бога Джаля, из которых оказывается, что он вовсе не бог, но что ты этому не веришь. Наконец скажи, что если завтра утром небо не прояснится, то ты убедишься в том, что слухи верны, и в таком случае они должны быть приведены в храм для суда над ними по народному обычаю!

Затем она посоветовала умертвить карлика, Петра и Избавителя и отдать Хуанну в жены королю, которая с этих пор станет послушным орудием в руках его, Нама. Во время же суда народного, когда ярость народа обратится на обманщиков, нужно заменить Хуанну Франсиско, одев его в ее пла-

ть: народ издали не признает обмана. А затем спрятать на время Хуанну и выдать ее замуж.

– Замысел хорош, дочка! Однако все в руках судьбы. Пусть же все идет так, как назначено ею. А теперь следуй за мною, я тебе укажу место, где ты с удовольствием можешь расположиться. После завтрака я пойду говорить с этими богами, которых ты выпустила на нас!

Это утро прошло довольно тяжело для четырех несчастных пленников во дворце. В течение нескольких часов они сидели вместе в тронной комнате, почти не говоря ни слова, подавленные несчастьями и ужасом. Франсиско, стоя на коленях, молился, Леонард и Хуанна, сидя рука об руку, смотрели на него, тогда как Оттер, подобно беспокойному духу, бродил взад и вперед, проклиная Соа, Сагу и всех женщин. Наконец он исчез за дверями, чтобы напиться пьяным, как думал Леонард.

Но карлик думал о мести, а не о пьянстве. Спустя несколько минут после его ухода, Леонард, услышав шум и визг на дворе, выбежал из комнаты и увидел там курьезное зрелище. На земле, окруженная группой других женщин, смеявшихся над ее положением, лежала стройная Сага, невеста Змея. Над нею стоял ее повелитель и господин, бог Джаль; запустив левую руку в ее длинные волосы, в правой он держал ремennую плетъ и наносил ей, несмотря на плач и просьбы, жестокие удары.

– Что ты делаешь? – спросил Леонард.

– Учу свою жену, баас, – отвечал, тяжело дыша, Оттер, – что не хорошо опаивать сонным питьем бога, – и, нанеся последний жестокий удар своей жертве, прибавил:

– Пошла вон, ведьма; чтобы я не видел более твоей безобразной рожи!

Женщина встала и ушла с плачем, произнося проклятия, а карлик вернулся вместе с Леонардом в тронную комнату.

Там они застали посланного от Нама, пришедшего просить аудиенции.

– Пусть он войдет, – сказала, вздохнув, Хуанна, садясь на один из тронов, тогда как Оттер влез на другой.

Войдя в комнату и склонившись смиренно перед Хуанной и карликом, Нам заговорил:

– О, боги, я пришел от имени народа просить у вас совета. Неизвестно почему, но несчастья готовы обрушиться на страну: солнца не видно, и народ боится, что будет голод. Мы просим вас утешить нас от избытка вашей мудрости.

– А если мы этого не сделаем, Нам?

– Тогда народ просил вас соизволить прибыть в храм завтра через час после восхода луны, чтобы он мог говорить с вами моими устами.

– А если нам надоел ваш храм и мы не пойдем туда, Нам? – спросила Хуанна.

– Тогда, по приказанию народа, Ака, мы приведем вас туда. Такое приказание не может быть не исполнено! – ответил медленно верховный жрец.

– Берегись, Нам, – сказала Хуанна. – Здесь произошли странные вещи, которые вопиют о мщении. Наши слуги исчезли подобно теням, а на их месте мы находим оружие, которое носите вы, – и она указала на ножи жрецов. – Завтра ночью мы придем в храм, но я снова повторяю тебе, – берегись, так как нашему долготерпению может прийти конец.

– Вы лучше нас знаете, куда делись ваши слуги, о Ака, – сказал жрец, молитвенно простирая вперед руки, тоном, дерзость которого не была прикрыта смирением, – так как такие истинные боги, как вы, сами можете охранять своих слуг! Мы благодарим вас, о боги, за ваши слова и молим пощадить нас, так как угрозы истинных богов ужасны. А теперь мне надо вам сказать еще об одной вещи. Я прошу у вас правосудия, о боги. Моя внучка, Сага, невеста Змея, была жестоко избита каким-то злодеем здесь, – во дворце, очевидно: я встретил ее избитую и плачущую. Прошу вас наказать этого злодея смертью или плетью. Прощайте, о высокие боги!

Леонард посмотрел на смиренно склонившегося перед тронами жреца, и его охватило желание последовать совету Оттера и бить его, так как он знал, что жрец пришел звать их на суд, а затем, может быть, приговорить к гибели. У него оставался еще револьвер, а широкая грудь жреца была слишком заметная цель, чтобы в нее можно было бы промахнуться; но тотчас же его взяло сомнение: к чему это кровопролитие? Место Нама займут другие, которые, конечно, отплатят насилием за насилие. Нет, пусть он уйдет спокойно, и свер-

шится то, что предрешено судьбой.

XXVIII. Хуанна кривит душой

День клонился к вечеру. Как и в предыдущие дни, погода была пасмурная и туманная; даже выпал град. После полудня туман, как всегда, был рассеян сильным ветром, дувшим с гор, но никакой перемены погоды к лучшему нельзя было ожидать.

После захода солнца Леонард подошел к воротам дворца и взглянул на храм, около которого уже собралась толпа народа, ожидавшего какого-то важного события. Некоторые из толпы, заметив его, приблизились к воротам и, сжав кулаки, посылали проклятия.

– Вот предзнаменование того, что ожидает нас сегодня ночью, – сказал Леонард Франсиско, который последовал за ним. – Дела наши очень плохи, дружище! Я не особенно беспокоюсь за себя, но у меня разрывается сердце при мысли о Хуанне. Чем все это кончится?

Возвратившись в тронную комнату, они увидели, что Оттер, бывший в течение последних двадцати четырех часов совершенно трезвым, сидел, скорчившись, на полу в позе кающегося грешника, а Хуанна, погруженная в размышления, ходила взад и вперед по комнате.

– Что нового, Леонард? – спросила она, когда они вошли.

– Ничего, только там идут большие приготовления, – он кивнул по направлению к храму, – и чернь воеет у ворот.

Последовало продолжительное молчание, прерванное приходом Олфана, на лице которого были видны следы сильного беспокойства.

– Что случилось, Олфан? – спросила Хуанна.

– Королева, – печально ответил тот, – в городе большое волнение, народ жаждет вашей крови. Нам сказал вам, что вас просят прийти в храм для переговоров с народом. Увы! Я должен вам сообщить иное: сегодня ночью состоится суд над вами перед Советом старейшин.

– Мы догадывались об этом, Олфан. Ну, а если приговор будет против нас, тогда что?

– Увы! Тогда, королева, все вы будете брошены в бассейн на съедение Змею.

– Не можешь ли ты защитить нас, Олфан?

– Не могу, королева! Солдаты, действительно, находятся под моей командой, но здесь они не слушаются меня, так как жрецы нашептали в их уши, что если солнце не покажется, то следующей зимою они все умрут с голоду. Извини меня, королева, но раз вы боги, то зачем вам нужна моя помощь? Ведь я простой человек. Разве боги не могут сами защитить себя и отомстить своим врагам?

Хуанна безнадежно посмотрела на Леонарда.

– Я думаю, нам лучше открыться ему! – сказал он по-английски. – Наше положение безвыходно. По всей вероятности через несколько часов он узнает, что мы обманщики. Пусть лучше он узнает правду из наших уст. Он – человек

честный. Кроме того, нам он обязан жизнью, хотя его жизнь подверглась опасности также из-за нас. Мы должны довериться ему и попытаться счастья. Если нас постигнет неудача, то все равно у нас было их уже много.

Хуанна некоторое время раздумывала; затем, подняв голову, спросила:

– Олфан, мы одни? То, что я хочу сказать, не должно быть подслушано никем.

– Мы одни, королева, – отвечал он, оглядевшись кругом, – но эти стены имеют уши.

– Олфан, подойди ближе!

Когда он исполнил это, то Хуанна, нагнувшись вперед, заговорила с королем почти шепотом:

– Ты не должен меня звать более королевой! Я не богиня, а только смертная женщина; этот же человек, – указала она на Оттера, – не бог, а просто черный карлик.

Она остановилась, ожидая эффекта, который должны были произвести ее слова. Выражение удивления пробежало по лицу короля, но оно было вызвано скорее ее смелостью. Затем он улыбнулся.

– Быть может, я раньше догадывался об этом! – ответил он. – Однако, я все еще должен звать тебя этим именем: ведь ты королева всех женщин. Разве есть другая столь прелестная, великая и смелая? По крайней мере здесь таких нет! – и король склонился перед нею с такой изысканной любезностью, которая была бы в пору европейцу.

– Я очень рад узнать из твоих собственных уст, королева, – продолжал Олфан, – что ты не богиня, а смертная женщина, так как богини от нас далеки и мы должны почитать их издали, а смертных женщин мы можем любить! – и он снова наклонился.

– Честное слово! – сказал Леонард сам себе, – король выступает в качестве моего соперника. Но, конечно, это абсурд. Бедная Хуанна!

Что касается самой Хуанны, то она вскочила и лицо ее покрылось румянцем. Появилось новое осложнение, но как бы неприятно оно ни было, нельзя было обнаруживать свое неудовольствие.

– Слушай, Олфан, – сказала она, – теперь некогда заниматься пустыми разговорами, так как еще до рассвета я могу умереть и очутиться вдали от всякой любви и почитания. Вот наша история: мы пришли в вашу страну за теми красными камнями, которые вы называете кровью Аки и которые у белых людей имеют большую цену и служат для украшения их женщин. Вот почему я, как женщина, побудила Избавителя предпринять это путешествие, и вот теперь из-за моего безумия жизнь наша в опасности.

– Извини меня, королева, – сказал смущенно Олфан, – но прежде чем ты окончишь свой рассказ, я хотел бы спросить, кто для тебя этот белый человек?

– Он мой супруг! – смело сказала та.

Олфан печально поник головой, но искра сомнения закра-

лась в его душу, так как образ жизни Хуанны, до мелочей известный ему, противоречил ее ответу. Видя, что он не верит ей, Хуанна прибавила:

– Он мой супруг, и этот человек, – указала она на Франсиско, – исполняющий у нас обязанности жреца, повенчал нас согласно нашим обычаям шесть месяцев тому назад, а Оттер был свидетелем брака.

– Ты говоришь, что Избавитель – твой супруг, королева, и эти люди подтверждают это, исключая самого твоего господина. Скажи мне: ты любишь его и стала бы сожалеть, если бы он умер?

Хуанна сделалась красной как рубин, который был привязан над ее лбом, однако отвечала:

– Да, я люблю его, и если бы он умер, то и я бы умерла также!

Леонард с трудом подавил восклицание, готовое сорваться с его губ, так как теперь Хуанна явилась ему совершенно в ином свете, чем ранее.

– Я слышал твой ответ, королева, – сказал Олфан тоном глубокого разочарования, – не угодно ли тебе окончить свой рассказ?

– Дальше остается недолго рассказывать, – сказала Хуанна, подавив вздох облегчения, когда затруднительный допрос был окончен. – Женщина Соа, моя служанка, принадлежит к вашему народу. Она дочь жреца Нама и убежала отсюда сорок лет тому назад после того, как была избрана в

невесты Змею.

– Где же она теперь? – спросил, оглядевшись вокруг, Олфан.

– Мы не знаем; прошлую ночью она исчезла подобно прочим нашим слугам.

– Быть может, Нам знает, где она, и тогда вы скоро увидите ее. Продолжай, королева!

– После того как Избавитель и я были обвенчаны, Соа, бывшая моей нянькой много лет, рассказала нам о великом народе, своих братьях, среди которых она желала бы умереть.

– Пусть ее желание исполнится! – вставил Оттер.

– Она и научила нас, чтобы нам легче было добраться до красных камней, разыграть роль богов.

Король закрыл глаза, как бы не желая созерцать красоту, принадлежавшую, как теперь он узнал, этому белому чужезланцу, который сидел рядом с Хуанной.

– Разве я не говорил, что власть моя мала, королева? – отвечал он довольно мрачно. – Кроме того, как могу я помогать тем, кто пришел в эту страну, чтобы обманывать нас, и навлекли гнев богов на их детей?

– Но ведь мы спасли твою жизнь, Олфан, и ты поклялся нам в верности.

– Если бы вас не было, королева, то моя жизнь и не подверглась бы опасности, а в верности я поклялся богам, а не смертным, которым отомстят истинные боги. Как же я буду

помогать вам?

– Но мы были друзьями, Олфан. Ты поможешь нам ради меня!

– Ради тебя, королева, – горько сказал он, – ради той, которая говорит, что этот человек ее муж и что она до смерти любит его. Нет, это значит просить слишком много. Если бы ты не была замужем и захотела благосклонно взглянуть на меня, короля этой земли, тогда, конечно, я умер бы за тебя. Но теперь! Нет ли у тебя других причин тому, чтобы я рисковал своей жизнью для тебя и твоих людей?

– Во имя дружбы, которую ты должен считать священной; кроме того, помогая нам, ты победишь Нама, иначе последний, погубив нас, погубит и тебя!

Олфан, подумав немного, ответил: – Поистине твой ум велик, королева, и смотрит далеко во мраке вещей! Ты могла бы быть королевой! Я человек иной расы, чем ты, дикий вождь дикого племени, имеющий весьма мало мудрости. Однако я научился следующим вещам: никогда не нарушать обещания, никогда не покидать друга и никогда не забывать оказанной услуги. Итак, королева, хотя ты не можешь для меня быть кем-либо, пока этот человек жив, я все-таки готов отдать за тебя свою жизнь. Что касается других, то скажу только, что не трону и не предам их. А теперь я пойду поговорить с некоторыми из вождей, моих друзей, которые ненавидят жрецов, чтобы, если дело дойдет до суда, иметь их голоса в вашу пользу, так как без хитрости ничего нельзя

сделать. В скором времени я вернусь, чтобы проводить вас в храм. Пока прощайте – и, поклонившись, король вышел.

После ухода короля несчастные искатели приключений решили на всякий случай поделить между собою яд, который носила в волосах Хуанна. Все взяли, только карлик отказался.

– Сбереги это для себя, баас, – сказал он. – Как бы ни умирать, но только не так. Я не люблю этих средств, от которых люди корчатся и делаются зелеными. Нет, нет. Лучше встретиться с челюстями Змея.

Тогда Леонард взял и этот кусочек себе.

XXIX. Испытание богов

Едва Хуанна успела спрятать остатки своего смертоносного средства, как в комнату вошел Нам. После обычных приветствий, которые на этот раз были еще многочисленнее, чем обычно, он вкрадчиво заметил, что луна взошла на ясном небе.

– Это значит, что нам пора отправляться! – угрюмо сказал Леонард.

Хуанна надела свое подобие монашеского платья, а Оттер красную бахрому и шапку из козьего меха, и они вышли из дворца, у ворот которого встретили Олфана и воинов, а также множество жрецов, которые должны были идти впереди и сзади них. Заняв свои места, все двинулись с большой торжественностью к храму, куда вошли уже через другие двери. На этот раз Хуанна и Оттер должны были занять места на удаленной от идола части платформы вблизи бассейна. На этой же платформе было поставлено полукругом еще около тридцати сидений, предназначенных, очевидно, для старейшин.

Когда Хуанна и Оттер сели, а Леонард и Франсиско поместились сзади них, Нам выступил вперед и обратился со следующей речью к Совету старейшин и народу:

– Старейшины народа тумана! Я передал ваши желания священным богам, удостоившим недавно облечься в челове-

ческую плоть и посетить свой народ; милостивые боги согласились явиться сюда, чтобы поговорить с ними о беде, угрожающей стране. Вот они лицом к лицу с вами и со всем большим собранием своих детей. Будьте любезны поэтому сообщить богам, что вы хотите от них, чтобы они могли ответить нам своими собственными устами или через меня, их слугу.

Нам замолчал и после паузы, во время которой народ сердито роптал, поднялся один из старейшин, произнесший следующее:

– Мы хотели узнать у вас, о, Ака и о, Джаль, почему лето покинуло эту страну. Теперь нам предстоит очень печальное будущее, так как вместе с зимним снегом к нам придет голод. Ты, о, Ака и ты, о, Джаль, изменили нашу религию, запретив жертвы, предназначенные для весеннего праздника, и с тех пор весна не наступила. Мы спрашиваем у вас об этом потому, что народ, посоветовавшись, просил сообщить вам нашими устами, что он не хочет иметь богов, убивающих весну. Скажите, о боги, и ты, Нам, говори также, чтобы мы могли узнать причину этих бед; а у тебя, Нам, мы хотим узнать, как ты провозгласил таких богов, чье дыхание убивает солнечный свет?

– Вы спрашиваете меня, о народ тумана, – отвечала Хуанна, – почему зима мешает пробуждению весны, и я отвечу вам на это в немногих словах. Это случилось из-за вашего непослушания и жестокости ваших сердец, о мятежные дети. Разве вы не принесли в жертву кровь людей вопреки на-

шему запрещению? Разве наши слуги не были тайно похищены и преданы смерти для удовлетворения вашей страсти к убийству?

Тогда старейшина, говоривший раньше, снова поднялся со своего места и проговорил:

– Мы слышали твои слова, о Ака, и они очень неутешительны, так как жертвоприношения в обычаях страны, и до сих пор от этого не происходило с нами ничего дурного. Если же здесь было оскорбление вам, то в нем виноваты жрецы, а не народ. В их руках находится вся власть. Что касается ваших слуг, то мы не знаем ничего о них и постигшей их судьбе. Теперь, Нам, отвечай на обвинение богов и вопросы народа, так как ты глава жрецов и провозгласил этих богов за истинных, поставив их управлять нами.

Нам выступил вперед, чувствуя себя довольно тревожно, так как хорошо знал, что его обвинители не будут церемониться с ним и что его жизнь или, по крайней мере, власть висит на волоске.

– Дети тумана, – начал он, – ваши слова остры, но я не жалеюсь на это, так как вы узнаете, что моя ошибка была весьма важна. Совершенно верно, что я начальник слуг богов, равно как слуга народа; по-видимому, оказывается, что я обманул как богов, так и народ, хотя и против моей воли. Слушайте; вы знаете, как явились к нам воплощенные боги, как мы приняли их теперь. После долгих наблюдений, к крайнему моему стыду, – увы! – я убедился, что они не истинные боги,

а негодные обманщики, вздумавшие занять место богов.

Он остановился, и рев ярости и удивления пронесся над амфитеатром.

– Вот наконец развязка! – шепнул Леонард на ухо Хуанне.

– Да, развязка, – отвечала она, – но я ожидала ее, а потому смело встретим приговор судьбы.

Когда шум утих, оратор из старейшин снова заговорил, обращаясь к Наму: – Это очень важные слова, Нам, и если только ты докажешь правдивость их, мы можем поверить, что бывают настолько преступные люди, что осмелились назвать себя богами. Но, быть может, Нам, тебе хотелось бы устранить тех богов, которые угрожали тебе смертью.

– Я был бы слишком смел, если бы решил бросить страшное обвинение этим чужестранцам, не имея на то достаточного основания! Слушайте, вот правда о тех, кого мы почитали как богов. Имя прекрасной женщины – Небесная Пастушка, как она сама нам говорила; она жена белого человека по имени Избавитель, а карлик – «живущий в водах» – их слуга, вместе с другим белым человеком и прочими. Живя в дальней стране, эти люди и женщина случайно узнали историю нашего народа, – как, я вам скажу сейчас, – узнали, что мы находим на земле известные красные и голубые камни, которыми пользуемся для наших религиозных церемоний. Среди белых людей эти камни имеют чрезвычайно высокую цену. Будучи искателями приключений, жаждущими богатства, они решились украсть их. С этой целью Пастуш-

ка изучила наш язык и способ разыграть роль Аки, а собака-карлик осмелился принять священное имя Джаля. Я буду краток: они совершили свое путешествие, а остальное вы знаете. Но ни одного из камней, которых желали, они не получили, так как тот камень, который носит на лбу Пастушка, был принесен ею самою.

– Затем, о дети тумана, когда у меня возникли сомнения относительно этих богов, я послал шпионов наблюдать за ними во дворце. Такими шпионами была женщина, данная в жены карлику, и ее служанки. Кроме того, я приказал схватить их черных слуг и бросить Змею, полагая, что если они имеют власть, то могут защитить своих слуг. Но, как известно, эти люди не нашли защиты. Тем временем женщины, которым я поручил следить за богами, донесли мне, что карлик вел себя как подлая собака и, когда напивался пьяным, что случалось очень часто, распевал о своих подвигах, совершенных вместе с Избавителем в других странах, хотя всего, что он говорил, они не могли мне сообщить, так как он плохо еще говорит на нашем языке.

– Когда эти рассказы дошли до моих ушей, о народ тумана, то у меня исчезли последние сомнения, но все-таки я не имел бесспорных доказательств обмана этих людей. Тогда я попросил богов просветить меня, и они исполнили мою молитву. Среди спутников этих людей была женщина, которая вчера пришла ко мне и призналась во всем. Сорок лет тому назад она убежала из нашей страны, я не знаю, по какой при-

чине, унеся с собою наши тайны. Она рассказала этим людям легенду о наших богах и научила их, каким способом можно обмануть нас и достать те красные камни, которых они хотели. Но теперь сердце ее раскаивается в совершенном ею зле, и я представлю ее вам, чтобы вы могли судить обо всем сами. Вывести вперед эту женщину!

После слов Нама наступило молчание, и вся масса народа стала нетерпеливо ждать появления свидетельницы. Два жреца вывели ее перед судьями.

– Говори, женщина! – сказал Нам.

– Я происхожу из народа тумана, – заговорила Соа, – о чем вы можете судить по моему виду и выговору. Я дочь жреца, и сорок лет тому назад, когда была молода и прекрасна, убежала из этой страны по причинам, касающимся только меня. Направившись к югу отсюда, я путешествовала в течение трех месяцев, пока не пришла в одну деревню, стоявшую на берегу могучей реки, где и прожила двадцать лет, зарабатывая себе пропитание как знахарка. В это время в деревню прибыл белый человек, жена которого, родив дочь, умерла. Я сделалась воспитательницей этой девочки. Моя воспитанница сидит теперь перед вами, и ее зовут Пастушка.

– Прошло еще двадцать лет, и я захотела вернуться на родину, чтобы умереть среди своего народа, для чего рассказала о моей стране и ее богатствах Пастушке и ее мужу Избавителю, так как боялась путешествовать одна. Затем я преступно объяснила им, как они могут выдать себя за богов на-

рода тумана, вернувшихся согласно легенде в свою страну. Будучи жадными, они согласились на это, надеясь достать красные камни.

Соа кончила рассказ и Леонард, наблюдавший за толпою, шепнул Хуанне:

– Говорите скорее, если думаете что-либо сказать. Теперь они поражены и молчат, но в следующую минуту зашумят, и тогда...

– Народ тумана, – закричала Хуанна, воспользовавшись минутой наступившего за словами Соа молчания, – вы слышали слова Нама и той, кто была моей служанкой! Они осмелились говорить, что мы не боги. Мы не снизойдем до оправданий пред вами. Но смотрите, небо накажет вас голодом, мором и междоусобной войной, которые будут свирепствовать среди вас до тех пор, пока не исчезнет весь народ. Вы умертвили наших слуг, оказали нам неповиновение, вот почему, как я уже говорила, солнце не светит и лето не приходит. Довершите ваши преступления до конца, если хотите, и заставьте богов пойти по той же дороге, по которой прошли их слуги!

– Что касается слов этой низкой рабыни, то она не сказала главного, именно, что она дочь Нама и убежала отсюда потому, что сорок лет тому назад была избрана в невесты Змею и потому достойна смерти. Еще одно слово Наму, ее отцу. Если его рассказ верен, то он сам себя осудил, так как несомненно он знал все с самого начала из уст своей дочери Соа!

– Да, зная правду, он осмелился поставить над страной богов, которых считал ложными, надеясь этим увеличить свою славу и власть, а когда это не удалось ему, то не постыдился громко заявить о своем бесстыдстве. Я сказала все, народ тумана. Теперь судите нас, и пусть судьба завершит ваш приговор, так как мы отказываемся от вас.

Хуанна кончила свою речь и отвернула лицо, пылавшее негодованием. Сила ее красноречия и красоты была настолько велика, что гробовое молчание водворилось среди ее необузданной аудитории, между тем как Соа отступила назад, а Нам, видимо, струсил.

– Это ложь, народ, – вскричал он голосом, дрожавшим от ярости и страха: – моя дочь призналась мне только сегодня утром!

Его слова вывели толпу из оцепенения; тотчас же поднялся невообразимый шум.

– Его дочь! Он говорит, что это – его дочь! Нам сознается в своих преступлениях! – кричали одни.

– Долой ложных богов! – ревели другие.

– Не трогать их: это истинные боги, которые могут насладиться на нас несчастьем! – говорила третья партия, среди которой Леонард заметил Олфана.

Наконец когда шум стал мало-помалу затихать, оратор старейшин снова обратился к народу:

– Народ тумана! Успокойтесь и слушайте меня! Вы избрали нас в судьи этого дела и потому должны слушаться того

приговора, который мы постановим. Мы не скажем ни слова о том, боги или нет эти чужестранцы, назвавшие себя Акой и Джалем. Но если они ложные боги, то, конечно, Нам виновен вместе с ними.

Слушатели громко выразили свое одобрение, и Леонард заметил, что верховный жрец задрожал от страха.

– Однако, – продолжал оратор, – они сказали нам устами той, которая сидит перед нами, что, по их приказанию, солнце перестало светить из-за нанесенного им оскорбления. Значит, по их же приказанию, оно может и снова показаться. Поэтому пусть они нам дадут знамение или умрут, если только они смертные, потому что бессмертных мы не можем убить. Знамение это состоит в следующем: если завтра на заре туман рассеется и солнце покажется из-за той горы, тогда мы будем почитать их. Если же утро завтра будет снова холодное и туманное, то истинные они боги или ложные, но мы свергаем их с вершины статуи в бассейн, чтобы Змей рассчитался с ними или они рассчитались со Змеем. Вот наш приговор, народ тумана, и Нам приведет его в исполнение, после чего его самого будут судить.

Большинство народа громко изъявило свое одобрение приговору, а меньшинство, несогласное с первыми, молчали, не смея высказать своего мнения громко.

Тогда Хуанна снова поднялась со своего места и проговорила:

– Мы слышали ваши слова и обсудим их. Завтра на заре

вы увидите нас здесь! Но помните, мы жестоко отплатим за вашу нечестность! Олфан, уведи нас отсюда!

Олфан выступил вперед со своими воинами, и процессия вернулась обратно во дворец при полном молчании народа. Во дворце они были ровно в 10 часов, как заметил Леонард по своим часам.

– Теперь давайте есть и пить, – сказал Леонард, когда они очутились одни в тронной комнате, – нам надо собрать все наши силы на завтра!

– Да, – ответила Хуанна с печальной улыбкой, – давайте есть и пить, так как завтра мы умрем.

XXX. Искупительная жертва Франсиско

– Чувствуете ли вы какую-нибудь надежду на благоприятный исход? – спросила Хуанна у своих спутников, когда они закончили ужин.

– Если солнце не покажется завтра, мы умрем! – отвечал Леонард, покачав головой.

– На это мало надежды, баас, – простонал Оттер. – Сегодняшняя ночь такая же, как и предыдущие. Неудивительно, что этот народ, живя в таком климате, жесток и кровожаден.

Хуанна закрыла лицо руками и затем сказала:

– Они не говорили, что тронут вас, Франсиско, и вас Леонард, так что, быть может, вы уцелеете.

– Сомневаюсь в этом, – ответил Леонард, – да и, откровенно говоря, я предпочту умереть, если вы погибнете.

– Благодарю вас, Леонард, – ласкою произнесла она. – Но ведь это не поможет никому из нас. Что они сделают с нами? Столкнут с вершины статуи? – и она вздрогнула.

– Кажется, таково их любезное намерение, но по крайней мере нам незачем подвергаться этому, оставаясь в живых. Сколько времени действует ваш яд, Хуанна?

– Самое большое полминуты, я думаю, даже и меньше. Ты решительно отказываешься от него, Оттер? Подумай: другой

конец ужаснее.

– Нет, Пастушка, – отвечал карлик, став теперь в ожидании неизбежной опасности снова храбрым, решительным и спокойным, каким он был и раньше до того времени, как принялся искать утешения в пьянстве, – нет, когда наступит время, я спрыгну в воду добровольно и попробую еще сразиться с тем великаном, который живет в воде. А теперь пойду приготовить то оружие, которым буду сражаться! – С этими словами он встал и отправился готовить свое оружие.

Франсиско последовал его примеру, желая найти место, где бы он мог спокойно помолиться, и таким образом Леонард и Хуанна очутились одни.

В течение нескольких минут он молча смотрел на нее с печальным, серьезным выражением на лице, освещенном светом факела, и глубокий стыд и раскаяние овладели им. Кровь этой девушки была на его руках, и он ничем не мог помочь ей. Благодаря своему эгоизму, он увлек ее за собою – и вот теперь наступает неизбежный конец. Он ее убийца, убийца женщины, которая для него все на свете, девушки, вверенной его попечению ее умиравшим отцом.

– Простите меня, – сказал он наконец голосом, похожим на рыдание, положив свою руку на ее пальцы.

– В чем мне вас прощать, Леонард? – ласково отвечала она. – Теперь, когда все кончено, я, оглядываясь назад, вижу, что мне надо просить у вас прощения, так как я часто обижала вас.

– Глупости, Хуанна; благодаря моему преступному безумию вам угрожает смерть в начале вашей молодости и в расцвете красоты. Я ваш убийца. Хуанна, – и он замялся немного, но затем продолжал. – Теперь мне надо высказаться, время идет; хотя я часто клялся не говорить вам об этом. Я люблю вас! – и Леонард признался, как с первого взгляда у него в сердце вспыхнула любовь к Хуанне и иссякла любовь к Джен Бич.

Едва он кончил, Хуанна медленно повернулась к нему, протянула руки и положила голову на его грудь.

В первый момент Леонард был поражен. Он едва мог верить своим чувствам. Затем, придя в себя, он нежно поцеловал ее.

Тогда Хуанна, выскользнув из его объятий, сказала:

– Слушайте, Леонард: скажите, все ли мужчины слепы или вы один составляете исключение в этом отношении? Неужели то, что мне доставляло столько мучений в последние пять или шесть месяцев, оставалось незамеченным вами? Леонард, вы не один почувствовали любовь в лагере работоторговцев. Но вы быстро охладили мое безумие, рассказав мне историю Джен Бич, и, конечно, после этого я стала скрывать мои чувства даже с большим, по-видимому, успехом, чем ожидала сама. Конечно, я и теперь не уверена в том, что поступаю правильно, открывая вам их сейчас, так как, хотя вы и говорите, что Джен Бич умерла и похоронена в вашем сердце, но в один прекрасный момент она может воскреснуть.

Я не верю, что люди забывают свою первую любовь, хотя и стараются по временам убедить себя в обратном.

– Нельзя ли оставить Джен, моя дорогая? – отвечал он с некоторым нетерпением, так как слова Хуанны восстановили в его памяти другую любовную сцену, разыгравшуюся среди английских снегов более семи лет тому назад.

– Я, конечно, готова оставить ее теперь и навсегда!

И она зарыдала на груди Леонарда, как испуганное дитя, затем впала в глубокий сон – или обморок. Поцеловав ее в лоб и положив в постель, он вышел в соседнюю комнату, где находились Франсиско и Оттер.

– Посмотри, баас! – сказал карлик, вынимая из-под пла-
тья какой-то предмет. Это был страшный и удивительный
инструмент, составленный из двух жреческих ножей, тех са-
мых, которые жрецы оставили, похитив двух последних по-
селенцев. Ручки этих ножей Оттер закрепил неподвижно
при помощи ремней, причем получилось страшное оружие
около двух футов длины, отточенные части которого были
направлены в противоположные стороны.

– Что это такое, Оттер? – рассеянно спросил Леонард, ду-
мавший сейчас о других вещах.

– Это кушанье для крокодила; я прежде видал, что его
братья ловились на эту удочку в болотах Замбези, – отвечал
карлик. – Конечно, он захочет съесть меня, но я приготовил
для него другое блюдо. Да! Я в одном уверен: если он пойдет
на меня, то будет хороший бой, кто бы ни остался победите-

лем.

Затем он принялся прикреплять длинный ремень к рукояткам ножей и после этого намотал его вокруг своего тела, спрятав концы ремня длиной около тридцати футов и ножи под своим платьем.

– Теперь я снова мужчина, баас, – сказал он решительно, – я покончил с пьянством и прочими глупостями, которыми занимался в часы моего безделья, а теперь пришло время сражаться. Ну, я останусь победителем, баас. Вода – мой дом и я не боюсь крокодилов, как бы велики они ни были, так как раньше убивал их. Вот ты увидишь, баас, увидишь.

– Я боюсь, что не смогу сделать это, Оттер – отвечал печально Леонард, – но желаю тебе, мой друг, удачи. Если ты выйдешь невредим из бассейна, то они будут думать, что ты действительно бог и, если ты только решишь отказаться от пьянства, можешь управлять ими до глубокой старости.

– Мне не доставит это удовольствия, если ты умрешь, баас, – отвечал карлик с тяжелым вздохом. – Клянусь тебе, баас, если я останусь жив, отомщу за тебя. Не бойся, баас. Если я буду снова богом, то убью их всех одного за другим, и когда они будут все мертвы, то убью себя и приду к тебе.

– Это очень любезно с твоей стороны, Оттер! – сказал Леонард с легким смехом; в этот момент занавес двери раздвинулся и появилась Соа в сопровождении четырех вооруженных жрецов.

– Чего тебе надо, женщина? – вскричал Леонард, инстинк-

тивно бросаясь к ней.

– Назад, Избавитель, – сказала она, подняв руку и обращаясь к нему на диалекте сизуту, которого ее спутники не понимали. – Меня охраняют, и за моей смертью быстро последует твоя. Кроме того, тебе ни к чему убивать меня, так как я приношу надежду на жизнь той, которую ты любишь, и на твою собственную. Слушай: солнце завтра утром не покажется; уже теперь туман сгущается и будет держаться до тех пор, пока Пастушку и карлика не свергнут с вершины статуи; ты же и Плешивый будете оставлены в живых до осеннего жертвоприношения, когда вас принесут в жертву вместе с другими.

– Зачем ты рассказываешь нам это, женщина? – сказал Леонард. – Мы сами все знаем. Если у тебя нет ничего лучшего сказать, то уходи вон, предательница, чтобы мы не видели более твоего ненавистного лица.

– Мне надо еще кое-что сказать тебе, Избавитель. Я еще люблю Пастушку, как ты, а также тот Плешивый любит ее. Послушай меня: двое должны умереть на заре, но среди этих двух Пастушки не будет. Утро будет туманное, статуя высокая, и только немногие жрецы увидят жертву, закутанную в черное платье... Что если найти ей заместителя, похожего на нее фигурой, ростом и чертами лица? Со стороны никто не заметит обмана.

Леонард остолбенел.

– Кого же найти? – спросил он.

Соа медленно протянула руку и указала на Франсиско.

– Вот человек! – сказала она. – Если его одеть в платье Аки, то кто отличит его от пастушки? Река и Змей не вернут обратно тех, кого они проглотили.

Леонард, пораженный ужасным предложением, взглянул на Франсиско, который стоял, не понимая ни слова из разговора Соа с Леонардом, происходившего на неизвестном ему языке.

– Скажи ему! – проговорила Соа.

– Подожди немного, – печально ответил он. – Предположим, что все уладится; что же станет с Пастушкой?

– Она будет спрятана в темнице храма в его платье и под его именем, – указала она снова на Франсиско, – пока ей не удастся убежать или вернуться снова править народом. Мой отец посвящен в этот план и не будет препятствовать его исполнению из любви ко мне, а также, если говорить откровенно, потому, что он сам находится в опасности и надеется с помощью Пастушки спасти свою жизнь, так как, пережив жертвоприношение, она будет считаться бессмертной богиней.

– И ты думаешь, что я доверю ее тебе одной, злодейка и клятвопреступница, а также нежным чувствам твоего отца? Нет, лучше ей умереть, покончив раз и навсегда со всеми страхами и мучениями!

– Я этого не говорила, Избавитель! – отвечала спокойно Соа. – Ты будешь взят вместе с ней, и если она будет жить,

то ты также не умрешь. Разве этого не достаточно? Эти люди пришли взять тебя и Плешивого в темницу; они возьмут тебя и Пастушку, вот и все. Теперь поговори с ним. Быть может, он не согласится.

– Франсиско, подите сюда, – сказал серьезным тоном Леонард по-португальски и рассказал священнику все, в то время, как Соа следила за ним своими бегающими глазами. Во время разговора патер сделался мертвенно-бледен и сильно дрожал, но не успел Леонард закончить, как он оправился, и Леонарду показалось, что лицо патера озарилось сиянием.

– Я согласен, – сказал он твердо. – Таким образом мне дано будет спасти жизнь сеньоры и искупить мой грех!

– Франсиско, – пробормотал Леонард, который от волнения не мог говорить громко, – вы святой и герой. С радостью я очутился бы на вашем месте, но это невозможно.

– Кажется, здесь два героя и святых, – кротко сказал Франсиско, – но к чему говорить это? Обязанность каждого из нас умереть за нее, и я думаю, что будет гораздо лучше, если я один умру, оставя вас живым, чтобы любить и утешать ее.

Леонард задумался на одно мгновение.

– Кажется, иначе ничего не сделать, – сказал он наконец, – но Боже мой! Как я могу довериться этой женщине – Соа? Если же ей не довериться, то Хуанна умрет.

– Вы не должны беспокоиться об этом, – отвечал Франсиско, – в конце концов она любит свою госпожу; она преда-

ла нас ведь только из ревности к ней.

– Затем другой вопрос, – сказал Леонард, – как мы поступим с Хуанной? Если она угадает наш замысел, то у нас ничего не получится. Соа, пойди сюда.

Леонард сказал ей о согласии Франсиско и о своих опасениях, что Хуанна ни за что не согласится содействовать их плану.

– Я взяла с собою то, что устранит все затруднения, Избавитель, – отвечала Соа – так как предвидела их. Вот здесь, – показала она маленькую бутылочку, которую вынула из своего кармана, – та самая вода, которую Сага дала пить твоей черной собаке в ту ночь, как я убежала от тебя. Смешай немного этой воды с вином и попроси Пастушку выпить. После этого питья она впадет в глубокий сон, который будет продолжаться не меньше шести часов.

– Это не отрава? – подозрительно спросил Леонард.

– Нет, это не отрава. Какая нужда отравлять того, кто будет мертв на заре?

Тогда Леонард сделал все, что она говорила. Приготовив сонное питье, он вошел в комнату Хуанны и застал молодую девушку крепко спящей на своей большой постели. Подойдя к ней, он нежно коснулся рукою ее плеча, проговорив:

– Проснись, моя дорогая!

Она приподнялась на своей постели и открыла глаза.

– Это вы, Леонард? – спросила она. – Мне снилось, что я снова девочка и учусь в Дурбанской школе, и что пора вста-

вать, чтобы идти в церковь. О! Я вспоминаю теперь: разве уже заря?

– Нет, дорогая, но скоро будет, – отвечал он, – выпейте, это вам придаст мужества.

Она взяла питье и осторожно выпила его.

– Какой неприятный вкус у этого питья! – сказала она и медленно откинулась на подушки, а в следующую минуту снова крепко заснула.

Леонард подошел к занавесу и позвал Соа и других. Они все вошли в комнату Хуанны, включая жрецов, которые остались близ двери, тихо разговаривая между собой и, по-видимому, не обращая внимания на то, что происходило.

– Снимите это платье, Плешивый, – сказала Соа, – я дам вам другое.

Он повиновался, и пока Соа одевала крепко спавшую Хуанну в платье священника, вынул из кармана своего платья дневник, на чистой странице которого поспешно написал несколько слов. Затем, закрыв книжку, он подал ее Леонардо вместе со своими четками.

– Пусть сеньора прочтет то, что я написал здесь, – сказал он, – но не ранее, как я умру. Дайте ей также эти четки на память обо мне. Много времени я с ними молился за нее. Быть может, после моей смерти она будет носить их, хотя она и протестантка, и иногда молиться за меня.

Леонард, взяв четки и книжку, положил их в свой карман, затем, быстро повернувшись к Оттеру, наскоро объяс-

нил ему значение всего происходившего.

Тем временем Соа надела на Франсиско черное платье Аки. Белое платье Хуанны, он не надел: оно осталось на молодой девушке, скрытое от взоров священническим платьем.

– Кто узнает со стороны, что это не она? – торжественно спросила Соа и затем, подавая Леонарду большой рубин, снятый со лба Хуанны прибавила:

– Это, Избавитель, принадлежит тебе. Не потеряй камень: ты много перенес, чтобы заслужить его.

Леонард, взяв камень, хотел сначала швырнуть его в усмехавшееся лицо старухи, но затем, сообразив о бесполезности такой выходки, спрятал его в карман вместе с четками.

– Пойдем! – продолжала Соа. – Ты должен нести Пастушку, Избавитель. Я скажу, что это Плешивый, которому стало дурно от страха. Прощай, Плешивый. В конце концов ты храбрый человек, и я уважаю тебя за этот поступок. Закрой капюшоном свое лицо, и если ты хочешь, чтобы Пастушка была жива, то не отвечай ни слова, что бы тебя не спрашивали; старайся также не кричать, как бы ни был велик твой страх.

Франсиско подошел к постели, на которой лежала Хуанна, и поднял над нею свою руку, как бы благословляя ее. Пршептав несколько слов молитвы или прощания, он, обернувшись, сжал Леонарда в своих объятиях, поцеловал и благословил его также.

– Прощайте, Франсиско, – сказал Леонард дрожащим го-

лосом, – конечно, царство небесное создано для таких, как вы.

– Не плачьте, мой друг, – отвечал священник, – в этом царстве я надеюсь встретить вас и ее!

Так друзья расстались.

XXXI. Белая заря

Подняв Хуанну на руки, Леонард вышел из ее спальни в тронную комнату, где остановился в нерешительности, не зная, что дальше делать. Соа, шедшая впереди его с факелом в руке в сопровождении четырех жрецов, подошла к той стене комнаты, у которой она лежала связанная в ту ночь, когда Оттер был усыплен Сагой.

– Плешивый в обмороке от страха: он трус, – сказала она жрецам, указывая на ношу в руках Леонарда. – Откройте тайный выход.

Один жрец выступил вперед и нажал на камень в стене, который подался, открыв достаточно широкое отверстие, чтобы просунуть руку и нажать на скрытый за стеною механизм. После этого часть стены повернулась как на шарнире, открыв ряд ступеней, ведущих в узкий коридор. Соа спустилась первая, держа в руке факел таким образом, чтобы оставить Леонарда с его ношей в тени. За нею шли жрецы, за которыми следовал Леонард. Когда последний остался в коридоре, один из них опять нажал секретный механизм и тайный выход был заперт.

– Так вот как это было сделано! – подумал про себя Леонард, тщательно наблюдавший за процедурой открывания и запираания секретного входа.

Оттер, следовавший за Леонардом, видел все это также

издали. Когда стена снова стала на свое место, он обратился к Франсиско, который, сидя на постели, был погружен в молитву или размышления.

– Я видел, как они открыли отверстие в стене и прошли через него. Конечно, наши товарищи – поселенцы – прошли так же этой дорогой. Не попытаться ли и нам сделать это?

– К чему, Оттер? – отвечал священник. – Этот выход ведет только в храмовую темницу; если мы пойдем через него, то все будет открыто и главным образом этот обман! – указал он на одетое платье Аки.

– Это верно, – сказал Оттер. – Ну, в таком случае сядем на троны и будем ждать, пока они не придут за нами.

Усевшись в большие кресла, они стали ждать. Франсиско перебирал в уме молитвы, а Оттер стал петь песни о своих подвигах, главным образом о взятии лагеря рабов, чтобы «оживить свое сердце», как он объяснил Франсиско.

Через четверть часа занавес раздвинулся, и в комнату вошла толпа жрецов во главе с Намом.

– Теперь молчи, Оттер! – прошептал Франсиско, нахлобучив на лицо капюшон.

– Здесь сидят боги, – проговорил Нам, махнув своим факелом в сторону двух фигур, спокойно сидевших на своих тронах. – Сойдите, о боги, чтобы мы могли отвести вас в храм, где вы сядете на возвышенном месте, откуда можете наблюдать сияние восходящего солнца.

Оттер и Франсиско, не говоря ни слова, сошли с тронов

и заняли место в носилках. Тотчас же их быстро понесли. Когда они были вне ворот дворца, Оттер выглянул из-за занавеса носилок, надеясь заметить какую-нибудь перемену в погоде, но тщетно: туман был гуще обыкновенного. У одних подземных ворот храма их встретил Олфан с воинами.

– Прощайте, королева, – шепнул король на ухо Франсиско, – я отдал бы свою жизнь, чтобы спасти вас, но мне не удалось. Но я отомщу за вас Наму и всем его слугам.

Франсиско не ответил ничего, но, поникнув головой, поспешил вперед. Вскоре они очутились в голове идола, где ни один из них еще не был ранее. Поверхность головы идола имела в окружности около восьми футов и не была ничем защищена с краев. Трона из слоновой кости, на котором сидела некогда Хуанна, не было. Вместо него стояли два деревянных стула, на которые должны были сесть жертвы. За ними стали Нам и три других жреца. Нам стал таким образом, чтобы его товарищи не видели фигуры Франсиско, которого они принимали за Пастушку.

– Держи меня, Оттер! – прошептал Франсиско. – Силы покидают меня, и я упаду!

– Закрой глаза и откинься назад; тогда ты не будешь ничего видеть. Приготовь также свое средство, так как уже пора.

– Оно готово, – отвечал священник. – Да будет прощен мне этот грех, так как я не могу перенести предстоящего ужаса живым.

Оттер ничего не ответил и принялся наблюдать за тем,

что происходило внизу. Храм был окутан туманом, точно дымом, сквозь который он едва мог различить черную движущуюся массу собравшегося народа, в течение целой ночи ожидавшего здесь развязки трагедии. Шум толпы доходил до него подобно журчанию воды. За ним стояли четыре жреца в торжественном, величественном молчании, устремив глаза на серую мглу.

Это было ужасное положение, и даже такой неустрашимый человек, как карлик, почувствовал себя жутко. Что же касается Франсиско, то, отдавшись весь горячей молитве, быть может, он не так страдал, как ожидал сам.

Таким образом прошло около пяти минут. Затем снизу из тумана раздался голос, произнесший следующие слова:

– Наверху ли те, кто называют себя Акой и Джалем, жрец?

– Наверху! – ответил Нам.

– Теперь час рассвета, Нам? – продолжал тот же голос.

– Нет еще! – отвечал Нам, всматриваясь в снежный пик, возвышавшийся за храмом на тысячи футов.

Весь народ вместе с Намом стал с напряженным вниманием смотреть на восток, ожидая разрешения мучившей всех загадки, истинные ли боги были перед ними или ложные; эти минуты напряженного молчания были настолько ужасны, что Оттер, не выдержав, запел зулусскую военную песню. Громче и громче раздавался его голос, он даже стал при-топтывать босыми ногами по каменной платформе, тогда как народ с суеверным ужасом смотрел на него. «Конечно, он

бог, – думали некоторые, – если поет так громко перед тем, как попасть в зубы Змея».

– Он бог, – закричал один голос снизу и его повторили многие, пока наконец не водворилось молчание. Тогда и Оттер перестал петь и взглянул на небо. Увы! Рассвет наступил, но снега, покрывавшие горы, оставались бледными, как лицо мертвецов.

– Белая заря! Белая заря! – закричали в толпе. – Долой ложных богов! Бросить их Змею!

– Все кончено, – шепнул Оттер на ухо Франсиско. – Ну, принимай теперь средство и прощай, друг!

Священник, услышав это, сложил свои тощие руки и поднял к небу измученное лицо, на котором светились только глаза.

Снизу опять раздался прежний голос:

– Красная заря или белая, скажите вы, стоящие наверху!

– Теперь совсем рассвело, и заря белая! – ответил Нам.

– Скорей! – шепнул Оттер Франсиско.

Тогда священник поднес к своим губам руку, как бы желая принять свое смертоносное средство, но, спустя мгновение опять опустил ее, со вздохом шепнув Оттеру: «Не могу, это смертный грех. Они должны убить меня, а я сам не могу!»

Но прежде чем карлик успел что-либо сделать, природа, более снисходительная, чем его совет, сделала для Франсиско то, что он не решался сам сделать. Внезапно он впал в бесчувственное состояние: лицо его покрылось смертельной

бледностью, и он медленно опрокинулся назад. Нам поспешил поддержать его и, зная, что Франсиско дурно, стал держать его за плечи.

– Заря белая! Вы видите это вашими глазами! – раздался голос снизу. – Вы, стоящие наверху, столкните вниз ложных богов, согласно приговору народа тумана.

Оттер, услышав это, понял, что настала пора ему действовать. Быстро оглянувшись, он увидел, что Нам и другой жрец схватили бесчувственное тело Франсиско, уже готовые сбросить его вниз, а два других жреца протянули руки к нему самому. Едва они успели коснуться карлика, как он, схватив ближайшего из жрецов за туловище своими могучими руками, прыгнул вместе с ним вниз, со словами «пойдем вместе!»

Жрец издал отчаянный крик, и толпа с удивлением увидела, как карлик и его жертва исчезли в бушующей воде. Вслед за ними полетело безжизненное тело Франсиско с быстротою стрелы в воду, где и исчезло навеки.

Между тем Оттер выпустил жреца из своих железных объятий и, плывя под водой, направился прямо к северной стороне бассейна, где, как он заметил, было менее быстрое течение и где скалистый берег, свешиваясь над водой, скрывал его от взоров сидевших наверху людей. Схватившись за выступ скалы, он перевел дыхание и осмотрелся: все было хорошо, он не был ранен. Жрец, который был тяжелее, упал первый и защитил его от удара о поверхность воды.

– Здесь, – сказал сам себе Оттер, – я могу пробыть

несколько часов и меня никто не увидит. Но еще надо иметь дело со Змеем, – и он, поспешно схватив оружие, сделанное им из двух ножей, распутал часть ремня, который был закреплен вокруг его туловища. Затем он снова оглядел поверхность воды. В самом центре бассейна, где вода образовала водоворот, еще было видно крутившееся тело жреца, но Франсиско он нигде не заметил.

«Ну, если отец крокодилов здесь и проснулся, то сейчас, конечно, получит свою добычу, – подумал Оттер. – Надо ждать здесь и посмотреть, что будет».

В это время сверху раздался такой оглушительный шум толпы, занимавшей амфитеатр, что на несколько мгновений им был заглушен даже рокот бушевавшей воды.

«Что это там произошло?» – подумал Оттер.

Причина шума была в том, что внезапно белая заря сменилась красной и пики гор окрасились в пурпур. Многие стали кричать, что казненные были истинные боги. Но Нам ловко уверил их, что чудо оттого и произошло, что когда казнили обманщиков, настоящие боги сняли свое проклятие с народа тумана и дают свет.

С этим объяснением одни согласились, другие нет, но открытого протеста не было высказано, и собрание разошлось в беспорядке. Только жрецы и несколько любопытных остались у краев бассейна, чтобы наблюдать, что происходило в его глубине.

Тем временем Оттер увидел то, что заставило его забыть

о странном шуме наверху. Оглядев окрестности скалистой стены бассейна, он увидел круглое отверстие пещеры, расположенной непосредственно под основанием идола и имевшей в диаметре около восьми футов. Нижний край этой пещеры находился выше уровня воды в бассейне дюймов на шесть; оттуда текла тонкая струя воды. Из отверстия пещеры показалось гигантское ужасное пресмыкающееся – предмет поклонения народа тумана. Нырнув с необыкновенной быстротой в глубину, оно снова появилось на поверхности воды близ тела жреца, который готов был уже пойти ко дну. Подняв над водою свою страшную голову и разинув ужасную пасть с могучими челюстями, чудовище схватило жертву за середину туловища и исчезло под водой. Оттер видел затем, как пресмыкающееся исчезло со своей добычей в пещеру.

XXXII. Как Оттер сражался со змеем

Тщательно прячась за выступами скалистых стен бассейна и держа в руке длинный нож, Оттер подплыл к отверстию пещеры. Здесь он заметил по течению воды, что главный поток входил в бассейн ниже пещеры, а последняя была лишь второстепенным каналом, через который река текла во время разлива.

Поднявшись на руках в устье пещеры, Оттер быстро скользнул вовнутрь, чтобы не быть замеченным со стороны амфитеатра. Впрочем, так как его одежда почти вся была смыта водою, его черное тело никто не смог бы заметить на темном фоне скал.

Очутившись внутри пещеры в совершенной темноте, Оттер, благодаря своей способности, нередко встречающейся у дикарей, видеть в темноте, вскоре мог удовлетворительно ориентироваться в пещере. Последняя имела вид трубы, пробитой течением воды в твердой скале. На дне ее струился поток воды не глубже шести дюймов, по обоим сторонам которого лежали мелкие камни, или, скорее, крупный песок. Как далеко шла пещера, он пока не мог разглядеть, а также не заметил и ее страшного обитателя, хотя на песчаном дне пещеры заметны были громадные следы лап пресмыкающе-

гося и в воздухе стоял отвратительный запах.

– Куда же этот дьявол ушел? – подумал Оттер. – Он должен быть близко, а между тем я не вижу его. Быть может, он лежит где-нибудь дальше, – и, продвинувшись на шаг или два, он начал всматриваться во мрак пещеры.

Теперь он заметил кое-что, сначала ускользнувшее от его глаз. Это был странный камень, лежавший на дне пещеры футах в восьми от ее входа и имевший высоту футов в шесть над ложем ручья, протекавшего по дну пещеры.

– Должно быть, здесь крокодил спит! – размышлял Оттер, продвигаясь еще немного вперед и разглядывая камень, а в особенности какой-то треугольный предмет, лежавший на нем и еще что-то под ним.

– Должно быть, это другой камень, – подумал опять Оттер, – но отчего же он не унесен водой и что это под ним? – и он сделал еще шаг вперед. Оттер всмотрелся в этот предмет и чуть не упал от ужаса, когда увидел, что то, что он принимал за второй камень, было головой жителя вод; у него светились мрачным огнем два страшных глаза. Под ним лежало тело того жреца, которого Оттер увлек за собой в бассейн.

– Может быть, я подожду, пока он съест его! – размышлял карлик, знавший привычки крокодилов. – После этого я нападу на него, когда он заснет после еды, – и остановившись на этой мысли, он продолжал стоять, наблюдая за зеленым огнем, вспыхивавшим и угасавшим в глазах чудовища.

Сколько времени стоял так Оттер, он сам не знал; толь-

ко после нескольких минут ожидания он стал сознавать, что эти глаза приобрели над ним власть, притягивая его к себе какой-то неведомой силой.

Пораженный ужасом, он хотел убежать, чтобы скрыться от этих дьявольских глаз. Увы! Было слишком поздно!

В отчаянии Оттер упал на песок и закрыл со стоном свое лицо руками.

– Это дьявол с колдовством в глазах! – подумал он. – Как мне, простому карлику, сражаться с царем дьяволов, принявшим вид крокодила?

Даже теперь, когда он не смотрел на крокодила, Оттер чувствовал, что глаза чудовища притягивали его к себе. Однако мужество и рассудок снова вернулись к карлику.

– Оттер, – сказал он сам себе, – если ты будешь лежать так, то колдовство скоро сделает свое дело. Этот дьявол проглотит тебя, как кобра птицу. Да, он проглотит тебя, и его желудок будет твоей могилой. Это неподходящий конец для того, кого называли богом. Подумай только: если бы твой господин, Избавитель, увидел тебя, скорчившегося здесь, как жаба перед змеей, как он стал бы смеяться: «О! Я считал храбрым этого человека; он сам говорил много о том, как он будет сражаться с жителем вод, а теперь я вижу, что он – подлая собака и трус.»

Карлику казалось, что эти слова действительно говорил ему Леонард, смеявшийся над его трусостью.

Вскочив на ноги, Оттер крикнул:

– Никогда, баас! – так громко, что эхо отразило слова от стен пещеры. После этого с ножом в правой руке он бросился на своего врага.

Крокодил, ждавший, что он упадет без чувств, подобно всем жертвам, на которых он устремлял свой ядовитый взгляд, услышал этот крик и пробудился из своего кажущегося оцепенения. Он поднял голову, огонь запылал в его мрачных глазах; его длинное туловище начало шевелиться. Все выше и выше он поднимал свою голову, наконец быстро сполз с камня и двинулся навстречу карлику, ступая так тяжело, что пещера, казалось, дрожала под ногами чудовища.

Оттер снова вскрикнул от ярости и страха, и этот звук, казалось, привел животное в еще большую ярость.

Оно разинуло свою гигантскую пасть и продвинулось вперед, по-видимому, чтобы схватить карлика, но последний сделал быстрый прыжок и всунул двойной нож прямо в раскрытую пасть чудовища, направив один конец своего оружия к мозгу крокодила, а другой вонзив в язык. В ту же минуту Оттер почувствовал, что челюсти гигантского пресмыкающегося сомкнулись, не причинив, впрочем, вреда его руке, так как между его зубами были большие промежутки, в один из которых и попала рука Оттера. После этого Оттер бросился на песок и лег, оставив нож в пасти чудовища.

Сначала оно затрясло своей страшной головой: Оттер наблюдал, еле дыша, причем от зловонного дыхания чудовища ему чуть не стало дурно. Дважды оно открывало свою пасть,

но тотчас же вынуждено было сомкнуть челюсти.

– Ну, теперь он раздробит меня на куски своим хвостом! – подумал Оттер, но чудовище в агонии, казалось, забыло о существовании своего врага. Оно билось на полу пещеры, тяжело дыша и, наконец, быстро кинулось вон из пещеры, увлекая за собою карлика, у которого к поясу был прикреплен один конец длинного ремня, привязанного, как мы уже говорили, к рукояткам ножей. При этом движении крокодила весь ремень распутался, и карлик, несколько раз перевернувшись и ударившись о стены пещеры, которые были, к счастью, гладкими, очутился вместе с крокодилом в глубине бассейна.

Если бы на месте карлика был другой человек, то, конечно, он бы погиб, но карлик мог плавать, как рыба, или, лучше сказать, как то животное, именем которого был назван.

Дважды раненое чудовище опускалось на дно бассейна на страшную глубину, увлекая карлика за собой. Кровь была ключом изо рта и ноздрей пресмыкающегося, окрашивая воду.

Крокодил нырнул в третий раз к устью одного из подземных русл реки, и здесь Оттер обрадовался тому, что был привязан к крокодилу, так как, уже утомившись, он бы сам не смог преодолеть силы течения воды.

Наконец животное снова показалось на поверхности воды, и Оттер взглянул вверх, где увидел массу народа, наблюдавшего за ними с большим волнением. Впрочем, Оттер

не имел возможности долго заниматься наблюдениями, так как в это время крокодил впервые сообразил, что человек вблизи него был причиной его страданий. Своими челюстями он не мог кусаться и старался ударить карлика хвостом, но Оттер нырнул, избегая удара. Дважды карлику удался этот маневр, но на третий раз он почувствовал, будто его тело разлетелось на куски от страшного удара и глаза выскочили из орбит; вслед за тем он потерял сознание.

Очнувшись, Оттер увидел себя на дне пещеры, рядом с ним лежал Змей – мертвый, скорченный в страшных предсмертных судорогах. Очевидно, при последнем издыхании крокодил устремился в пещеру, где он жил в течение столетий, увлекая за собой и Оттера.

Карлик взглянул снова на мертвое чудовище, и сердце его забилось от гордости: перед ним лежал распростертым ужас народа тумана, его бог, убитый благодаря его ловкости и отваге.

– Если бы баас мог видеть это! – подумал карлик. – Увы! Он не может этого сделать!

Затем Оттер, оторвав почти перетертый между челюстями крокодила конец ремня, захватил с собой его, оставив ножи в пасти чудовища, откуда их было невозможно вытащить – так глубоко вошли они в кости и мускулы головы пресмыкающегося. Обмыв раны в воде, Оттер решил найти другой выход из пещеры, чтобы выйти на свежий воздух, где бы он мог дожидаться наступления вечера. Он боялся, что люди, толпив-

шиеся у краев бассейна, увидя его, закидают стрелами. Сообразив, что вода в пещере должна была иметь какой-либо вход, Оттер пошел во мраке, прислушиваясь к журчанию. На своем пути он все время натыкался на груды костей, остатки жертв, пожранных чудовищем в течение многих лет. Среди этих страшных следов пиршества оказался еще совершенно целый скелет, одетый в платье жреца. По-видимому, человек этот умер не более пяти недель назад. Увидев на скелете совершенно целый костюм из козьего меха, Оттер, дрожавший от холода, поспешил надеть его на себя. Под платьем скелета лежал какой-то мешок, сделанный из бычьей кожи.

– Быть может, он прятал здесь свою пищу, – подумал Оттер, – хотя, вряд ли кто-либо, собираясь посетить жителя вод, стал бы запасаться пищей. Однако теперь она, конечно, испортилась, и мне лучше уйти отсюда. Только коршун может оставаться дольше в этом жилище смерти! – и Оттер поспешил вперед, держась рукой за стенки пещеры, в которой царил совершенный мрак. Карлик боялся двух вещей; упасть в какую-нибудь расщелину пещеры, а во-вторых, опасался встречи с другим крокодилом: – «Без сомнения, – думал Оттер, – дьявол был женат».

Но Оттер не попал ни в расщелину, и не встретил другого крокодила: очевидно, житель вод был старый холостяк.

После получасовой ходьбы карлик, к своей необычайной радости, заметил перед собой свет, на который и бросился вперед, вскоре очутившись на противоположном от входа

конце пещеры, почти совершенно загроможденном глыбами льда, между которыми журчала вода. Проползя скважинами между льдин, он очутился на краю непроходимой пропасти в задней части города, а перед ним поднимался к небу громадный ледник, от которого ярко отражалось солнце.

XXXIII. В западне

За несколько часов до того, как Оттер очутился на свежем воздухе после победы над крокодилом, Леонард был в совершенно ином месте, а именно, в секретном коридоре дворца с Хуанной на руках, сопровождаемый Соа, которая вела его неизвестно куда.

Пройдя через различные туннели и после многочисленных поворотов, которые Леонард постарался запомнить, Соа привела его наконец в комнату, пробитую в скале и, очевидно, предназначенную служить для них прибежищем, так как в ней стояла кровать, покрытая меховыми одеялами, и стол, на котором стояли кушанья. По знаку Соа Леонард положил Хуанну на постель, после чего старуха поспешила накрыть ее лицо одеялом от посторонних взоров. Леонард почувствовал, что его захватили сзади, и в то время, как два жреца держали его за руки, третий, по указанию Соа, отбирал от него револьвер и охотничий нож.

– Ты, подлая собака, – сказал Леонард Соа, – берегись, я тебя убью!

– Убить меня, Избавитель, значило бы – убить себя самого и кое-кого другого. Эти вещи взяты от тебя потому, что такие игрушки не для капризных детей. Обыщи его карманы! – прибавила она, обращаясь к четвертому жрецу.

Последний исполнил ее приказание и выложил все, что

имел Леонард при себе, на стол; часы, дневник Франсиско и его четки, большой рубин и наконец кусочек яда, завернутый в лоскуток козлиной кожи. Соа взяла последний предмет и, осмотрев его, произнесла:

– Как, Избавитель, ты позаимствовал лекарство, которое принесет тебе мало счастья, если ты примешь его? – и подойдя к маленькой нише, сделанной в стене комнаты, она взяла что-то оттуда; Леонард узнал мешочек, который Хуанна прятала в своих волосах.

– Теперь ты не можешь причинить себе вреда! – сказала Соа по-португальски. – Позволь сказать тебе еще одну вещь: пока ты будешь спокоен, все пойдет хорошо, но если ты сделаешь попытку убежать или причинить кому-либо из нас насилие, тогда тебя свяжут и поместят отдельно и этим ты навлечешь смерть на Пастушку. Остерегайся же этого, белый человек, и веди себя смиренно, вспомни, что теперь пришел мой черед, и ты вполне в моей власти!

– Я понимаю это, мой почтенный друг! – отвечал Леонард, стараясь овладеть собой. – Но не знаю, на что ты намекаешь, да я и не забочусь ни о чем, лишь бы известная особа находилась в безопасности!

– Не бойся, Избавитель, она в безопасности. Как ты хорошо знаешь, я ненавижу тебя, и если оставила в живых, так только потому, что без тебя она могла бы умереть. Поэтому не опасайся за нее, не делай никакой попытки насилия по отношению ко мне или моему отцу, когда мы одни будем по-

сещать тебя, так как все устроено таким образом, что место нахождения Пастушки не может быть никем открыто, и тот момент, когда ты поднимешь против нас руку, будет началом ее гибели. А теперь я должна оставить тебя, чтобы посмотреть, что делается в храме. Если она проснется прежде чем я вернусь, постарайся не пугать ее. Прощай! – и Соа оставила комнату вместе с сопровождавшими ее жрецами; тяжелая дверь захлопнулась за ними.

После этого Леонард взял со стола свои вещи и положил их снова в карманы, за исключением револьвера и ножа, которые были унесены Соа. Затем, отодвинув одеяло с лица Хуанны, стал смотреть на молодую девушку. Она спала глубоким и безмятежным сном; даже улыбка играла на ее лице. Тяжело вздохнув, Леонард стал осматривать комнату, в которой они находились. В ней было двое дверей, – одна, через которую они вошли, и другая – такой же прочности. Ниша, из которой Соа взяла яд, была открыта. В сущности, то была не ниша, а сквозное отверстие в скале, имевшее вид амбразуры, обращенной узкой частью внутрь комнаты. Это отверстие привлекло внимание Леонарда своей необычной формой и также потому, что через него к нему доносились какие-то звуки. Прежде всего Леонард различил шум текущей воды; затем до него донеслись голоса толпы, то усиливающиеся, то замолкавшие. Наконец он понял, где они находились. Они, очевидно, были спрятаны в стене храма в непосредственной близости от бассейна, лежавшего перед храмом.

вым колоссом, а крики, доносившиеся до него, издавал народ, следивший за судьбой Оттера и Франсиско.

В течение часа раздавались голоса, за которыми наконец последовало молчание, прерываемое только журчанием воды.

Тогда Леонард, догадываясь о печальной судьбе, постигшей Оттера и Франсиско, с тяжелым сердцем, полный самых мрачных дум, взял стул и сел вблизи постели Хуанны.

Молодая девушка еще спала под влиянием сонного питья. Наконец бледное лицо ее покрылось краской, она открыла глаза и села на постели.

– Где я? – спросила она, недоумевающе оглядываясь вокруг. – Это не та постель, на которой я раньше спала. О! Все кончено?

– Успокойтесь, дорогая, я с вами! – сказал Леонард, взяв ее за руку.

– Я это вижу. Но где же другие, и что это за ужасное место? Разве мы заживо похоронены, Леонард? Это место похоже на могилу!

– Нет, мы только в плену. Подите сюда, скушайте и выпейте сначала что-нибудь; тогда я расскажу вам все!

Она встала и впервые обратила внимание на свое платье.

– Что это? Это платье Франсиско! Где же он сам?

– Кушайте и пейте! – повторил он.

Она машинально исполнила его просьбу, смотря в его лицо удивленными и испуганными глазами.

– Теперь, – произнесла она, – скажите мне. Я не могу выносить этого дольше. Где Франсиско и Оттер?

– Увы! Хуанна, они умерли! – ответил он торжественно.

– Умерли! – простонала она, ломая руки. – Франсиско умер! Но почему же мы еще живы?

Леонард рассказал весь план спасения, придуманный Соа.

Выслушав это, Хуанна вскочила на ноги и устремила на собеседника свои сверкающие глаза.

– Как вы смели сделать это? – вскричала она. – Кто дал вам право на это? Я считала вас мужчиной, а теперь вижу, что вы трус!

– Хуанна, – сказал Леонард, – вам не к чему говорить так. Все было сделано ради вас, а не для кого-либо другого!

– О, конечно, вы так говорите, но я думаю, что вы сговорились с Соа умертвить Франсиско с целью спасти вашу собственную жизнь. Между нами все кончено. Я больше никогда не буду разговаривать с вами!

– Вы можете сделать это, если вам угодно, – отвечал Леонард, почувствовав крайнее раздражение, – но я буду говорить с вами. Смотрите, вы сказали мне слова, за которые, будь вы мужчиной, я постарался бы отомстить вам, но так как вы женщина, то я могу только ответить на них, а затем умываю руки. Вы должны узнать, когда к вам вернется здравый смысл, что я с радостью занял бы место Франсиско. Но это было невозможно, так как если бы я вздумал надеть на себя платье Аки, то меня тотчас же узнали бы и вы запла-

тились бы за мое безумие. Мы все хорошо понимали это, поэтому, посоветовавшись, решились сделать так, как я уже вам говорил. Я согласился на то, чтобы вас перенесли сюда с тем только условием, что буду сопровождать вас для вашей же безопасности. Ну, а теперь я сожалею об этом: лучше бы мне пойти вместе с Франсиско. Тогда, быть может, я нашел бы покой вместо тех обидных слов и упреков. Впрочем, не бойтесь, вероятно, я скоро последую за ним. Я знаю, что вы любили этого человека, этого героя; знаю также, что вы, случайно или намеренно, сделали все, чтобы, влюбив его в себя, нарушить покой его души. Поэтому я извиняю ваше поведение, которое при всем моем снисхождении, сделалось совершенно невыносимым!

Он замолк и посмотрел на нее, сидевшую на краю постели с закушенными губами и поглядывавшую на него с выражением любопытства на лице, на котором отражались поочередно скорбь, гордость и гнев. Даже в этот момент Хуанна думала не о Франсиско и его жертве, а о человеке, перед которым она сидела и которого она никогда так не любила, как теперь, когда он говорил с нею так горько, платя ей ее же монетой.

– Я не могу состязаться с вами в резкости и грубости, – сказала Хуанна, – поэтому и не буду возражать вам. Однако, быть может, когда к вам вернется рассудок, то вы вспомните, что моя жизнь касается только меня и что я никому не давала позволения спасать ее за счет другого.

– Что сделано – то сделано! – отвечал мрачно Леонард,

раздражение которого еще больше усилилось. – В другой раз я не буду делать ничего подобного без вашего согласия. Кстати, мой бедный друг просил вам передать эти вещи! – и он подал ей четки и дневник. Он написал кое-что для вас на последней странице книжки и просил вас, если вам удастся избежать смерти, взять эти вещи на память о нем и не забывать его в ваших молитвах!

Хуанна взяла дневник и, повернув его к свету, открыла наугад. Первое, что бросилось ей в глаза, было ее собственное имя, так как в дневнике заключалось изложение чувств священника к Хуанне со дня их первой встречи и благочестивых стараний его преодолеть свою слабость. Поспешно перечитав дневник, она открыла наконец последнюю страницу, где Франсиско признавался в своей любви к ней, которую он должен был скрывать из-за своего сана.

Хуанна расплакалась, читая предсмертные строки несчастного. Как раз в это время открылась дверь, и в комнату вошел Нам в сопровождении Соа.

– Избавитель, – сказал престарелый жрец, лицо которого и смущенные глаза носили отпечаток различных чувств, – и ты, Пастушка; я пришел, чтобы поговорить с вами. Как видите, я один, за исключением этой женщины, – указал он на Соа, – но если вы сделаете какое-либо насилие над ней, это послужит сигналом для вашей смерти. С большим трудом и немалым риском для самого себя я спас жизнь Пастушки, устроив так, что вместо нее был принесен в жертву белый

человек, ваш спутник!

– Жертвоприношение было совершено? – прервал его Леонард, сторавший от любопытства, узнать, что случилось.

– Я буду откровенен с тобой, Избавитель, – ответил верховный жрец, которому Хуанна перевела вопрос Леонарда. – Я знаю теперь, что Пастушка и карлик не боги, а такие же смертные, как и мы; ты знаешь, что я осмелился оскорбить истинных богов, подменив избранную ими жертву. Жертвоприношение было совершено, но с такими знаменами, что я поставлен в тупик. Народ тумана поражен также, и никто не знает, что и думать обо всем этом. Белый человек, твой спутник был сброшен в бесчувственном состоянии в воду, когда показалась заря, бывшая серой; карлик же, твой слуга, не дожидаясь того, чтобы его столкнули, сам прыгнул вниз, увлекши за собой одного жреца!

– Bravo, Оттер! – вскричал Леонард. – Я знал, что ты умрешь молодцом.

– Он умер действительно молодцом, Избавитель! – сказал со вздохом Нам. – Таким молодцом, что многие клянутся, что он бог, а не человек. Едва они исчезли в воде, – продолжал жрец, – как произошло такое чудо, о котором никогда не было слышно в нашей стране: белая заря превратилась в красную, быть может, потому, как я крикнул для успокоения народа, что ложные боги встретили свою гибель.

– В таком случае истинные боги должны быть удивительно слепыми, – заметила Хуанна, – видя, что я, которую ты

осмеливаешься назвать ложной богиней, еще жива!

Этот аргумент заставил Нама замолкнуть на одно мгновение, однако он нашелся, что ответить Хуанне.

– Да, Пастушка, ты еще жива, – сказал он со странным ударением на слове «еще». – И если вы не будете безумствовать, – продолжал он, – то долго останетесь в живых оба, так как я вовсе не желаю вашей крови, стараясь провести в мире мои последние дни. Слушайте же конец моего рассказа. Пока народ с изумлением наблюдал за изменением зари, оказалось, что карлик, твой слуга, Избавитель, не был мертв в воде. Да! Можно было видеть, Избавитель, как громадный житель вод носился туда и сюда по бурлившей воде, а вместе с ним карлик, которому Змей не причинил никакого вреда. Как этот человек мог плавать вместе со Змеем, этого никто не может сказать!

– Bravo, Отгер! – снова произнес Леонард, обдумывая про себя объяснение чуда, которое он, конечно, не хотел открыть Наму. – Ну, чем же все кончилось?

– Этого никто не знает, Избавитель! – сказал в недоумении жрец. – Наконец житель вод опустился на дно вместе с карликом, но затем снова всплыл и вошел в пещеру, в свое жилище. Из рта его шла кровь. Но вошел ли карлик вместе с ним, или нет, я не могу сказать, так как никто не мог этого разглядеть, а отважиться и войти в пещеру, чтобы узнать правду, никто не смеет!

– Мертв он или жив, но он хорошо сражался! – сказал

Леонард. – А теперь, Нам, что тебе надо от нас?

Этот вопрос, казалось, немного смутил жреца: он не мог прямо сказать о причине своего посещения, заключавшейся в том, чтобы разлучить Леонарда и Хуанну, по возможности, не применяя насилия.

– Я пришел сюда, Избавитель, – отвечал он, – рассказать вам, что случилось.

– Т. е., – заметил Леонард, – сказал мне, что ты умертвил моего лучшего друга и того, кто у вас был ранее богом. Благодарю тебя, Нам, за эти новости, а теперь я беру на себя смелость спросить, какие у тебя дальнейшие намерения относительно нас?

– Поверь мне, Избавитель, я хочу спасти вашу жизнь. Если другие были принесены в жертву, то в этом не моя вина: в настоящее время страна в смятении и полна самых тревожных слухов. Я не знаю сам, что может случиться в течение ближайших дней, а пока вы должны оставаться здесь. Это жалкое место для жилья, но зато тайное и безопасное. Впрочем, здесь еще другая комната, которой вы можете пользоваться; быть может, ты уже видел ее? – и положив руку на что-то, казавшееся задвижкой, Нам открыл вторую дверь, которая вела в комнату несколько большего размера.

– Посмотри, Избавитель, – продолжал жрец, делая шаг вперед, чтобы войти в комнату, и затем отступая назад, как бы желая из учтивости дать пройти вперед Леонарду, который почти машинально вошел, совершенно забыв о характе-

ре своего хозяина и о назначении этого жилища. Когда же он вспомнил об этом и, быстро повернувшись, хотел уйти назад, тяжелая дверь с шумом захлопнулась перед самым его лицом, и он остался в западне.

XXXIV. Последний аргумент Нама

Одно мгновение Хуанна стояла в безмолвном изумлении: проделка Нама была совершена так быстро, что она едва могла осознать ее результат.

– Теперь, Пастушка, – начал вкрадчиво Нам, – мы можем свободно поговорить, так как слова, которые я скажу, не годится слушать посторонним ушам!

– Мерзавец, – отвечала она с негодованием, но затем, понимая бесполезность упреков и резкостей, прибавила: – говори, я слушаю тебя!

Нам рассказал свой план выдать ее замуж за короля.

– Народу мы объявили, – закончил он, – что ты была богиней, но из любви к Олфану отказалась на время от своей божественности и облеклась во плоть, чтобы провести немного лет с тем, кого ты полюбила!

– В самом деле, – сказала Хуанна, – а что, если я откажусь подчиниться этому плану, который, я думаю, мог выйти только из головы женщины?! – и она указала на Соа.

– Ты права, Пастушка, – ответила Соа, – я составила этот план, чтобы отомстить, – прибавила она пылко, – тому белому вору, который любит тебя; пусть он увидит тебя отданной другому, дикарю!

– Но разве ты никогда не думала о том, Соа, что я могу иметь свои собственные желания?

– Конечно, но даже прекраснейшая из женщин не может всегда иметь то, что ей случится пожелать. Знай, Пастушка, что все должно быть сделано так ради тебя самой и ради моего отца. Олфан любит тебя; в эти смутные времена отцу и жрецам необходимо приобрести поддержку короля, расположение которого будет приобретено в тот же день, когда он получит надежду на тебя. Наконец для тебя самой, Пастушка, хотя бы ты и желала выйти замуж за человека твоего племени, лучше стать королевой, чем погибнуть жалким образом!

– Я думаю иначе, Соа, – спокойно ответила Хуанна, понимавшая, что ни жалобы, ни просьбы не помогут ей, – я предпочту умереть! – и она протянула руку к своим волосам, но остановилась, не найдя там яда.

– Ты предпочитаешь умереть, Пастушка, – сказала с холодной усмешкой Соа, – но это не так-то легко сделать; я отобрала у тебя во время сна яд!

– Я могу уморить себя голодом, Соа! – сказала с достоинством Хуанна.

– Это потребует времени, Пастушка, а сегодня ты станешь женой Олфана! Конечно, необходимо, чтобы ты сама дала согласие на брак с ним, так как этот вождь в своем безумии объявил, что он может жениться на тебе, только получив согласие из твоих уст и в присутствии свидетелей!

– В таком случае я боюсь, что этот брак не состоится! – сказала Хуанна с горьким смехом, чувствуя омерзение к этой

негодной женщине, которая, в своей необузданной любви, хотела спасти жизнь своей госпожи ценою ее позора.

Между тем Соа сказала, что если она не исполнит ее плана, умрет Избавитель! – с этими словами жрец и его дочь оставили Хуанну одну. Несколько долгих часов провела молодая девушка в мрачной комнате, до которой, кроме журчания воды, не доходило никаких других звуков.

В эти часы перед ней пронеслись все приключения, испытанные ею в течение последних шести месяцев; но ужас всего перенесенного бледнел перед тем, что еще ждало ее впереди. День проходил с томительной медлительностью; когда начали сгущаться ночные тени, к ней снова вошел Нам в сопровождении Соа.

– Мы пришли, Пастушка, за ответом! – произнес жрец, вставляя в стенную скобу принесенный им светильник. – Соглашаешься ли ты или нет взять в супруги Олфана?

– Не соглашаюсь! – ответила Хуанна.

– Подумай еще, Пастушка!

– Я думала, и вот мой ответ!

При этих словах Хуанны Нам схватил ее руку, говоря:

– Поди сюда, Пастушка; я тебе покажу кое-что! – и он подвел ее к той двери, которая вела в комнату Леонарда. В то же самое время Соа, погасив светильник, оставила комнату, заперев за собою дверь, так что Нам и Хуанна остались в полном мраке.

– Пастушка, – сурово сказал Нам, – ты сейчас увидишь то-

го, кого называешь «Избавителем»; но помни, если ты крикнешь или даже скажешь громко одно слово, он умрет!

Хуанна не ответила ничего, хотя сердце ее тревожно забилось. Прошло пять или более минут, и внезапно в верхней части двери, ведущей в комнату Леонарда, образовалось отверстие, через которое Хуанна могла видеть то, что делалось в соседней комнате, сама при этом оставаясь невидимой, так как там было светло, а она находилась в полном мраке. Вот что увидела Хуанна в соседней комнате: между пятью жрецами лежал на полу связанный Леонард рядом с каким-то отверстием. Шагах в двух от двери стояла Соа, на которую жрецы устремили глаза, видимо, ожидая ее приказания.

Когда Хуанна посмотрела на эту сцену, отверстие в двери снова закрылось, и Нам проговорил:

– Ты видела, Пастушка, что Избавитель связан; видела также отверстие в полу тюрьмы. Тот, кого бросят в это отверстие, Пастушка, попадет в пещеру Змея, откуда нет возврата ни для кого. Через это отверстие мы бросаем пищу жителю вод в известное время года, когда нет жертвоприношений. Выбирай, Пастушка, одно из двух: или добровольно выйди замуж за Олфана сегодня ночью, или смотри, как на твоих глазах Избавитель будет брошен Змею. В последнем случае все равно выйдешь замуж за Олфана, хочешь ли ты этого, или нет, – все равно. Что ты скажешь на это, Пастушка?

Хуанна, подумав немного, решила еще сопротивляться, думая, что вышеописанная сцена была проделана только для

того, чтобы испугать ее.

Тогда Нам, открыв отверстие в верхней части двери, шепнул одно слово на ухо Соа, которая в свою очередь, отдала какое-то приказание жрецам. Хуанна увидела, что связанного Леонарда положили вблизи отверстия в полу так, что его голова свесилась внутрь этого отверстия и одного движения достаточно было, чтобы он был сброшен вниз, в пещеру Змея.

– Развяжите его, – слабо произнесла Хуанна, – я выхожу замуж за Олфана!

Выступив вперед, Нам снова шепнул что-то Соа, после чего та приказала жрецам оттащить в сторону Леонарда, те исполнили это с видимой неохотой. В то же время дверное отверстие опять закрылось.

– Я сказала «развяжите его», – повторила Хуанна. – А он лежит на полу, как срубленное дерево, не имея возможности пошевелиться!

– Нет, Пастушка, – возразил Нам, – быть может, ты раздумываешь, и тогда придется его снова связать, а это сделать не так-то легко, так как он силен и отважен. Слушай, Пастушка: когда Олфан придет просить твоей руки, ты не должна говорить ему ничего о том человеке; он его считает мертвым. Если же ты хоть слово скажешь о нем, то он сейчас же умрет. Ты поняла меня?

– Понимаю, – отвечала Хуанна, – но, по крайней мере, надо снять повязку с его рта!

– Не бойся, Пастушка, это будет сделано после того, как ты поговоришь с Олфаном. А теперь скажи, когда тебе угодно будет принять его?

– Когда хочешь. Чем скорее все будет кончено, тем лучше!

– Хорошо! Дочь моя, – обратился Нам к Соа, только что вошедшей в комнату. – Зажги, пожалуйста, огонь и попроси короля Олфана, который ждет за дверью!

Соа пошла исполнять приказание своего отца, а Хуанна, будучи не в силах совладать с охватившим ее ужасом, опустилась на кровать, закрыв руками лицо. На мгновение в комнате водворилась тишина; затем дверь снова открылась, и перед Хуанной появился король Олфан, сопровождаемый Соа.

– Берегись, Пастушка, – шепнул Хуанне Нам, – одно слово, – и Избавитель умрет!

XXXV. Будь благородным или низким!

Некоторое время Хуанна молча смотрела на лицо Олфана, на котором, однако, не могла прочесть ничего, так как король, подобно всем своим соплеменникам, привык скрывать чувства под маской торжественного спокойствия. Он стоял перед нею, опершись на древко копья, с опущенной головой и устремив свои темные глаза на ее лицо, бесстрастный, неподвижный. Свет факелов, падая на него, освещал его богатырскую стройную фигуру, отражался на ожерелье из слоновой кости, – символе королевской власти, запястьях и кольцах, на глянцевитой шерсти его платья из коровьей шкуры и блестящих локонах черных волос, подвязанных узкой белой лентой, цвет которой являл резкий контраст с оливковым цветом его лица и груди.

– Говори, Олфан! – произнесла наконец Хуанна.

– Мне сказали, королева, – начал Олфан низким, звучным голосом, – что ты хочешь говорить со мной. Разумеется, я, как и всегда, повинуюсь тебе. Королева, я узнал, что твой супруг, которого ты любила, умер, и поверь мне, сочувствую тебе. В этом постыдном деле я не принимал участия. Смерть его, а также и другого белого человека и карлика, произошла по вине этого жреца, который клялся, что был доведен до

этого криками народа. Королева, они все ушли через горы на небо, а ты, как слабая голубка, прилетевшая издали, из южного климата, сделалась добычей орлов народа тумана!

– Но всего несколько часов тому назад я считал тебя тоже мертвой вместе с тысячами людей, и думал, что твое прекрасное тело было сброшено Намом на заре с вершины статуи. Скажу тебе, что видя это, я, воин, плакал и проклинал самого себя за то, что хотя и король, но не имел возможности спасти тебя. После того этот человек, верховный жрец, пришел ко мне и рассказал всю правду, а также сообщил придуманный им план для спасения твоей жизни, для упрочения моей власти и его собственной безопасности. Выйди за меня замуж!

Хуанна быстро сообразила свое положение. Оно было отчаянным. Нам и Соа стояли по обеим сторонам от нее, причем последняя держалась вблизи той двери, за которой лежал связанный Леонард. Она знала, что стоило ей сказать одно слово правды королю, и Леонард умрет. Поэтому оставалось одно – согласиться для виду сделаться женой Олфана. Хотя ей и казалось постыдным обманывать этого честного человека, единственного их друга среди народа тумана, но обстоятельства не позволяли стесняться.

– Олфан, – сказала она, – я выслушала тебя, и вот мой ответ: я согласна взять тебя себе в супруги. Ты знаешь мою историю; знаешь, что тот, кто был моим господином, умер сегодня, – здесь Соа одобрительно улыбнулась на эту ложь, –

и что я любила его. Поэтому надеюсь, ты будешь настолько снисходителен, что предоставишь мне несколько недель, чтобы я могла оплакать свое вдовство прежде, чем перейду от него к тебе. Больше я ничего не скажу тебе, но, конечно, ты поймешь скорбь моего сердца и все то, чего я не высказала!

– Пусть будет так, как ты желаешь, королева! – ответил Олфан, целуя ей руку, причем его хмурое лицо засияло от счастья. – Ты перейдешь ко мне тогда, когда будет угодно тебе, но я боюсь, что в одном отношении ты должна согласиться со мной!

– Что это такое, Олфан? – спросила с беспокойством Хуанна.

– Только то, королева, что обряд должен быть совершен сейчас же. Это необходимо по многим причинам, о которых ты узнаешь завтра. Кроме того, такую было мое соглашение с Намом, закрепленное клятвой на крови Аки, а такой клятвы я не могу нарушить!

– О, нет, нет! – сказала Хуанна в отчаянии. – Подумай, Олфан, как могу я, супруг которой умер не далее шести часов тому назад, обручиться с другим человеком на его могиле? Дай мне хоть несколько дней!

В это время вмешался в разговор Нам.

– Пастушка, – сказал он, – теперь нечего терять времени в пустых разговорах. От этой церемонии зависит большее, чем ты думаешь, – жизнь многих людей, быть может, наша

собственная и особенно жизнь того, о ком теперь не годится говорить! – и как бы случайно Нам повел глазами на дверь соседней комнаты.

Олфан подумал, что жрец намекает на его собственную жизнь, но Хуанна и Соа хорошо понимали, что речь идет о Леонарде.

– Ты слышала эти слова, королева, – сказал Олфан, – они верны. Теперь опасные времена, и если наш замысел будет исполнен, то я должен принести клятву вождям и совету старейшин в том, что ты вернулась на землю снова, чтобы стать моей женой!

– Хорошо, – в отчаянии ответила Хуанна, – но неужели я, будущая королева этого народа, буду обвенчана тайно? Я желаю иметь, по крайней мере, свидетелей. Позови нескольких вождей, которым ты доверяешь, Олфан; иначе наступит время, когда меня не станут считать настоящей королевой, и никого не будет, кто бы мог восстановить мою честь!

– Этого нечего бояться, королева, – отвечал Олфан с легкой улыбкой, – однако, твое желание вполне законно. Я позову трех из моих вождей, людей, которые не предадут нас! – и он повернулся, чтобы пойти за ними.

– Не оставляй меня, – удержала его Хуанна, – я верю тебе, но этим двум нет. Я боюсь быть одной вместе с ними!

– Здесь ни к чему свидетели! – воскликнул Нам угрожающе.

– Пастушка просит свидетелей, и они будут! – ответил за-

пальчиво Олфан. – Старик, довольно ты играл мною; до сих пор я был твоим слугою, а теперь хочу быть твоим господином. Несколько часов тому назад твоя жизнь была в моих руках, когда белая заря превратилась в красную! Я пощадил тебя потому, что ты поддел меня на эту приманку! – указал он на Хуанну. – Ну, нечего класть руку на рукоять ножа; ты забываешь, что у меня есть копье. Твои жрецы за дверьми, я это знаю, но там и мои вожди, которым я сказал, где нахожусь; если я исчезну, как многие здесь исчезли, то за мою жизнь ты ответишь, Нам, так как власть твоя поколеблена. А теперь повинуйся мне. Прикажи этой женщине позвать того, кто стоит на страже у двери; нет, не шевелись, – прибавил он, направив острие своего копья на обнаженную грудь жреца. – Прикажи ей подойти к двери и позвать жреца. Я сказал – к двери, а не за нее, или берегись!

Нам струсил: его орудие сделалось его господином.

– Повинуйся! – сказал он Соа.

– Повинуйся! – повторил Олфан.

Рыча, как волчица, женщина подошла к двери и, приоткрыв ее, свистнула.

– Спрячься, госпожа! – сказал Олфан.

Хуанна отошла в неосвященный угол комнаты, и в этот момент раздался голос у открытой двери, произнесший:

– Я здесь, отец!

– Теперь говори! – сказал Олфан, приближая копье на дюйм ближе к сердцу Нама.

– Сын мой, – сказал жрец, – пойди к выходу, которым вошел король, ты найдешь там трех вождей; позови их сюда!

– И смотри, не говори ни с кем по пути! – шепнул Олфан на ухо Наму.

– И смотри, не говори ни с кем по пути! – повторил Нам.

– Слушаюсь, отец! – сказал жрец и ушел.

Минут через десять дверь снова отворилась, и чей-то голос произнес:

– Вожди здесь!

– Позови их сюда! – сказал Нам.

Трое рослых, вооруженных копьями вождей вошли в комнату. Один из них был брат короля, а двое других – его избранные друзья.

– Братья, – обратился Олфан ко вновь вошедшим, – я послал за вами, чтобы сообщить вам в тайне и просить вас быть свидетелями брачной церемонии. Богиня Ака, брошенная сегодня в бассейн Змея, вернулась на землю женщиной и хочет сделаться моей женой; не спрашивайте ни о чем, – прибавил он, заметив удивление на лицах вождей, а теперь, жрец, делай свое дело!

Впоследствии Хуанне все это происшествие казалось сном, которого она даже не могла в точности припомнить. Кажется, она стояла рядом с Олфаном, причем Нам бормотал молитвы и заклятия, призывая имена Аки и Джала. Больше она ничего не могла припомнить. Ей на ум пришла другая брачная церемония, совершенная Франсиско в лагере рабо-

торговцев над нею и Леонардом. Странная ирония судьбы: ей пришлось принимать участие в двух драмах, в одной из которых Леонард должен был пройти церемонию брака, чтобы спасти ее, а во второй она должна была сделать то же самое для его спасения.

Наконец все было кончено, и еще раз Олфан склонился перед нею, поцеловав ее руку.

– Привет Пастушка! Да здравствует королева народа тумана! – воскликнул он; вожди повторили его слова.

Хуанна пробудилась от своего оцепенения. Что теперь делать? Казалось, все было потеряно. Но внезапно ее осенило:

– Правда, что я королева, Олфан?

– Да, госпожа!

– И как королева народа тумана, имею власть, не правда ли, Олфан?

– Даже над жизнью и смертью! – отвечал тот важно. – Впрочем, если ты присудишь к смерти кого-либо, то должна дать ответ мне и Совету старейшин. Все в этой стране твои слуги, и никто не смеет ослушаться тебя, включая религиозные дела!

– Хорошо! – сказала Хуанна и, обратившись к вождям, повелительно произнесла:

– Схватить этого жреца по имени Нам, и эту женщину!

Олфан удивленно посмотрел на нее, и вожди стояли в нерешительности, но Нам не медлил и сделал быстрый шаг к двери.

– Подожди немного, Нам, – сказал король, заграждая ему путь копьем, – конечно, королева имеет свои причины для этого, и ты узнаешь их. Держите их, вожди, раз королева приказала так!

Три человека бросились на Нама и Соа. Старый жрец, хвативший было свой нож, вскоре покорился, но с Соа сладить было не так-то легко: она визжала и кусалась, как дикая кошка, порываясь подойти к двери Леонарда и крикнуть что-то находившимся внутри ее жрецам.

– Под угрозой вашей смерти не позволяйте ей подходить к двери, – сказала Хуанна, – сейчас вы узнаете причину этого!

Тогда брат короля схватил Соа и, бросив ее на кровать, стал вблизи нее, приставив острие своего копья к ее горлу.

– Теперь, королева, – сказал Олфан, – твоя воля исполнена и, быть может, ты объяснишь нам все?

– Король, слушайте вы, вожди! – отвечала Хуанна. – Эти лжецы сказали вам, что Избавитель умер, не правда ли? Он не умер, а лежит связанный в соседней комнате, но если бы я сказала вам слово об этом, он бы умер. Олфан, знаешь ли ты, как было получено мое согласие стать твоей женой? В этой двери открылось отверстие, сквозь которое я увидела своего супруга связанным, с закрытым ртом над отверстием в полу тюрьмы, которое ведет неизвестно куда.

– «Соглашайся, или он умрет», – сказали они, и я ради моей любви согласилась. Вот в чем состоял их замысел, Олфан: женить тебя на мне, отчасти потому, что та женщина,

бывшая моей нянькой, не желает моей смерти, отчасти потому, что Нам хотел воспользоваться мной, чтобы спасти себя от народного гнева. Не думай, однако, Олфан, что ты удержал бы меня надолго; после того, как ты послужил его цели, ты бы умер тайно, как человек, знающий слишком много!

– Это ложь! – сказал Нам.

– Молчать! – ответила Хуанна. – Отворите эту дверь, и вы увидите, лгала ли я!

– Подожди немного, королева! – сказал Олфан, казавшийся крайне удрученным всем происшедшим. – Если я понял тебя правильно, твой супруг жив. А потому ты говоришь, что слова и клятвы, которыми мы обменялись, не значат ничего и ты не моя жена?

– Это так, Олфан!

– В таком случае я готов сделаться злодеем и допустить его смерть, – медленно сказал король, – знай, госпожа, что я не могу отказаться от тебя!

Хуанна побледнела, как смерть, поняв, что страсть этого человека ускользнула из-под ее контроля.

– Я не могу отказаться от тебя! – повторил он. – Разве я поступал нехорошо с тобой? Разве я не говорил тебе: согласишься или откажи, но, раз согласившись, ты не должна брать своих слов назад?! Королева, ты обручена со мной. Те клятвы, которые ты принесла, не могут быть нарушены. Теперь слишком поздно: ты моя, и я не позволю тебе уйти к другому, хотя бы этот другой был твоим супругом до меня!

– А Избавитель? Неужели я должна сделаться убийцей своего супруга?

– Нет, я буду защищать его и найду средство выслать из этой страны!

Хуанна, пораженная отчаянием, молча стояла, как вдруг резкий смех Соа подействовал на нее, как удар бича, и молодая девушка заговорила снова:

– Король, до сих пор ты хорошо поступал со мной. Останься же благородным до конца. Ты говоришь, что любишь меня. Скажи же, если бы моя жизнь зависела от одного твоего слова, разве ты не сказал бы его? То же самое случилось и со мной. Я сказала это слово и на один только час обманула тебя. Неужели ты, столь великодушный, свяжешь меня этой клятвой, данной мною для того, чтобы спасти моего возлюбленного от власти этих собак? Если так, то, значит, я ошиблась в тебе, думая, что ты скорее погибнешь, нежели будешь настолько низок, что принудишь беспомощную женщину быть твоей женой, женщину, единственное преступление которой состоит в том, что она обманула тебя для спасения жизни своего супруга!

Хуанна остановилась и, сложив молитвенно руки, умоляющими глазами смотрела на смущенное лицо короля, но видя, что он молчит, прибавила:

– Скажу тебе еще одно, король. Конечно, ты сильнее меня и можешь взять меня силой, но тебе не удержать меня при себе, и тот час, когда ты захочешь овладеть мной, будет моим

последним, а ты будешь иметь запятнанную честь и мертвую невесту!

Олфан хотел отвечать, но Соа, боявшаяся, что жалобы Хуанны преодолеют его страсть, заговорила:

– Не дай себя одурачить, король, пустыми речами женщины, фальшивыми угрозами. Она не убьет себя; я знаю ее слишком хорошо. Когда ты женишься на ней, то она скоро полюбит тебя, так как мы, женщины, относимся с почтением к тем, кто господствует над нами. Избавитель же – ее супруг только по имени; я жила с ними несколько месяцев и знаю все. Возьми ее, король, теперь, сейчас, или будешь всю жизнь оплакивать ее потерю и собственное безумие!

– Я не хочу отвечать на ложные слова этой рабыни! – сказала, гордо выпрямившись, Хуанна, – и будет более достойно тебя, король, не слушать их. Я сказала все. Теперь делай, что хочешь. Будь велик или ничтожен, будь благороден или низок, как научит тебя твоя душа!

И внезапно опустившись на пол, она принялась горько плакать.

Дважды король глядел на нее и дважды отворачивался, как бы не смея более смотреть; наконец он заговорил, устремив свои глаза на стену:

– Встань, королева! – печально сказал он. – Перестань плакать; тебе нечего бояться меня. Я всегда жил для того, чтобы исполнять твою волю, но спрячь свое лицо от меня: мое сердце разбито, и я не могу смотреть на то, что потерял!

Все еще плача, но удивленная тем, что дикарь мог быть так великодушен, Хуанна поднялась с полу и несвязно проговорила слова благодарности, в то время как вожди с изумлением смотрели на нее, а Соа издевалась и проклинала всех.

– Не благодари меня! – кротко сказал Олфан. – Ты, которая читаешь в сердцах всех, верно прочла в моем сердце. Ну, а теперь, покончив с любовью, пойдем воевать. Женщина, в чем секрет этой двери?

– Найди его сам! – прорычала Соа. – Зная ключ, ее легко открыть, Олфан, так же, как и женское сердце. Если не найдешь ключа, то надо овладеть входом силой, так же, как и женской любовью, Олфан. Конечно, ты, столь искусный в добывании невест, не нуждаешься в моих советах для открытия двери, потому что ты не слушал моих слов относительно женщин, Олфан, и мог смягчиться при виде женских слез, которые ты бы осушил поцелуями!

Хуанна, слыша это, в первый раз сказала себе: ее отношения с Соа разорваны, что бы ни случилось впоследствии. Немногие женщины могли бы простить то, что она перенесла из-за нее.

– Направь-ка на нее копье, товарищ! – сказал Олфан.

Только почувствовав прикосновение стали, Соа перестала смеяться и открыла секрет двери.

XXXVI. Как Оттер вернулся из пещеры Змея

Очутившись на дне ледника, Оттер осмотрелся кругом.

Он стоял на краю пропасти, опускавшейся тремя ступенями, общая высота которых была не менее трехсот футов. Насколько он мог видеть, было совершенно невозможно спуститься ни на одну из этих ступеней без помощи веревки. Рассмотреть более Оттер не мог, так как шагах в четырехстах от входа, ведущего в пещеру, склоны гор, покрытые снегом, отличались такой крутизной, что он не отважился довериться им.

Усевшись на землю, карлик стал обдумывать свое положение.

Вечер еще был далек, и смельчак понимал, что было бы безумно пытаться ускользнуть через бассейн до наступления темноты. Перед ним круто поднималась гора, склоны которой были покрыты глыбами льда. Однако кое-где виднелись полосы земли с росшими на них деревьями, кустарниками и даже цветами. Проголодавшись, Оттер пошел искать какой-нибудь пищи среди этой бедной растительности.

Взобравшись на склон горы, он вскоре нашел те растения, которые ему принесли жрецы в тот несчастный день, когда из-за его безумия рубины были убраны прочь.

Подкрепившись этой жалкой пищей и найдя большой сук, заменивший ему палку, он продолжал карабкаться по склону горы, пока наконец не достиг перевала, где и остановился в изумлении: сзади него глубоко внизу лежал город Страны тумана, опоясанный рекой, точно блестящей лентой.

Над его головой могучий пик на тысячи футов возносился вверх, оканчиваясь на самой вершине чем-то похожим на человеческий палец, обращенный к небу. Перед ним зрелище было еще интереснее: снежные поля с черными расщелинами скал, лежавшие одно ниже другого и переходившие постепенно в поля, покрытые растительностью.

Первое из этих снежных полей лежало в полумиле от того места, где стоял Оттер, и ниже его на несколько сот футов.

Между краем перевала и этим полем простиралась громадная пропасть с такими стенами, что ни одно животное не смогло бы ступить здесь ногой. Со дна этой пропасти поднималась скала, служившая ложем для ледника, соединявшего обе стены пропасти своеобразным мостом через нее.

Поверхность этого моста была довольно отлога, а местами довольно крута. Однако Оттер не мог разглядеть, прерывался ли ледяной мост в каком-нибудь месте на ширину хоть нескольких ярдов.

Желая узнать это, карлик взял один из обломков скал, гладких от постоянного трения об лед, и столкнул его вниз по поверхности ледяного моста. Камень быстро покатился вниз, изменяя свою скорость в зависимости от крутизны

склона, по которому он скользил, но нигде не останавливаясь. Приблизившись к самой узкой части моста, он понесся вниз со страшной быстротой и в одном месте, очевидно, встретил пустое пространство, о ширине которого трудно было судить. Камень как бы повис в воздухе, но через мгновение продолжал свой путь по снежному полю и, наконец, остановился.

– Вот, если человек сядет на такой камень, то ему можно безопасно перейти через этот мост! – сказал сам себе Оттер. – Однако немногие согласятся на такое путешествие, разве что верная смерть будет позади их!

Решив сделать вторую попытку, он взял другой камень, более легкий, и пустил его вниз по ледяному мосту. Достигнув самого узкого места, этот камень исчез.

Карлик повторил свой опыт в третий раз, выбрав самый тяжелый камень, какой только мог сдвинуть. На этот раз камень, подобно первому, благополучно миновал расщелину моста.

– Страшное место, – подумал Оттер, – лучше, если мне не придется ехать на таком каменном коне!

С этими словами Оттер пошел обратно в пещеру, где решил провести ночь, чтобы с рассветом попытаться искать выхода через горы, примыкавшие к противоположному концу туннеля.

С этой целью он отошел на несколько шагов от входа в пещеру и сел вблизи хвоста мертвого крокодила. Спустя неко-

торое время пустынность этого места навела на него ужас. Он пытался заснуть, но не мог. Ему казалось, что глаза мертвого крокодила смотрят на него из глубины пещеры и что мертвецы, жертвы чудовища, шепчут один другому рассказы о своей страшной гибели. Ужас все более и более овладевал Оттером.

Чтобы успокоиться немного, Оттер начал громко говорить сам с собой. Вдруг он испуганно вскочил; волосы встали на его голове дыбом, зубы застучали и самый нос, как он говорил впоследствии, похолодел от ужаса: он услышал или ему показалось, что сверху раздался голос его господина, звавшего его по имени.

Карлик задрожал при звуке этого голоса. Только громкое «дурак», которым его обозвал Леонард, несколько привело его в себя. Однако из осторожности он все-таки спросил:

– Если это ты, баас, то отчего ты говоришь из воздуха? Подойди ближе ко мне, чтобы я мог коснуться тебя и успокоиться!

– Я не могу этого сделать, Оттер, – отвечал тот, – я связан и нахожусь в тюрьме над тобой. Здесь, в полу, есть отверстие и, быть может, ты взберешься ко мне!

Теперь карлик начал понимать положение дел. Встав на ноги и подняв палку, он, к своему удовольствию, достал до потолка пещеры, на котором скоро отыскал и отверстие.

Поспешно привязав ремень к средней части палки и сделав в ремне петлю, достаточную для того, чтобы поставить

ногу, карлик швырнул палку в отверстие и стал дергать ремень.

– Готово, ремень держится крепко! – прошептал сверху Леонард. – Взбирайся теперь, если можешь!

Через минуту карлик был уже возле Леонарда.

– У тебя есть нож, Оттер?

– Да, баас, мой маленький; больших уже нет, я расскажу тебе, как все это вышло!

– Подожди пока с твоими рассказами, Оттер; мои руки связаны за спиной. Разрежь узлы и дай мне нож, чтобы я мог освободить ноги!

Оттер повиновался, и Леонард вскочил на ноги, с облегчением выпрямившись.

– Где Пастушка, баас?

Леонард рассказал Оттеру о коварной проделке Нама.

– Не лучше ли нам убежать, баас? Я нашел выход в горы!

– Как же мы можем убежать, оставив Пастушку, Оттер? Лучше, когда жрецы вернутся сюда, схватим их и завладеем их ножами, чтобы иметь какое-нибудь оружие. А затем подумаем, что дальше делать. Мы можем взять у них также ключи!

– Да, баас, сделаем так. Ты возьмешь палку; она крепка!

– А что же у тебя будет? – спросил Леонард.

– Я в две минуты сделаю себе оружие! – и, отвязав ремень от палки, Оттер начал копошиться над ним.

– Я готов, баас! – произнес карлик. – Где мы встанем?

– Здесь, – ответил Леонард, подводя его к двери. – Мы спрячемся в тени по обе стороны двери и, когда они войдут и, закрыв дверь, станут смотреть, где я, набросимся на них. Только, Оттер, все это надо сделать без шума!

Когда они встали по своим местам, Оттер шепотом рассказал Леонарду о своем бое с крокодилом.

Едва карлик успел кончить рассказ, как открылась дверь, и в комнату вошло двое жрецов, из которых один нес в руке светильник. Не подозревая ничего, он повернулся, чтобы закрыть дверь. В это время Леонард, выйдя из тени, ударил его по голове палкой с такой силой, что жрец был оглушен, если не убит, и, не издав ни звука, повалился на пол. В то же время Оттер, искусно накинув петлю на шею второго жреца, крепко затянул ее, и жрец также упал на пол.

Потом они овладели ножами и ключами жрецов.

Почти вслед за этим вторая дверь в комнату открылась, и через нее вошли Хуанна, Олфан, Нам, Соа и трое других мужчин.

На одно мгновение воцарилось молчание. Затем один из спутников Олфана воскликнул:

– Смотрите: бог Джаль вернулся и уже требует себе жертв! – и указал на лежавших на полу жрецов.

На лицах вошедших отразилось сильное смущение, даже Олфан и Нам были поражены тем, что казалось им чем-то вроде чуда, тогда как Леонард и Хуанна смотрели друг на друга; три вождя глядели на Оттера, как на духа. Однако од-

но существо в этой компании не растерялось, – то была Соа. Пользуясь тем, что вождь, под надзором которого она находилась, зазевался, она молча отступила в тень и исчезла в ту дверь, в которую вошли все. Через минуту Оттер, заслышав какой-то шум за дверью, подошел к ней, чтобы открыть ее. В то же время и Олфан хватился Соа.

– Где женщина, дочь Нама? – вскричал он.

– Кажется, она ушла и заперла нас здесь, король! – ответил спокойно Оттер.

Подойдя к обеим дверям, все убедились, что они были действительно заперты.

– Это ничего не значит; здесь есть ключи, – сказал Леонард.

– Они не помогут нам, Избавитель! – отвечал Олфан. – Эти двери запираются толстыми каменными засовами, толще моей руки. Теперь эта женщина ушла за жрецами, которые скоро будут здесь, чтобы убить нас, как крыс в клетке!

– Скорее! Нечего терять время! – сказал Леонард. – Взломаем двери!

– Да, Избавитель, – насмешливо сказал Нам. – Бейте их вашими кулаками, пронизывайте камни вашими копьями; они, конечно, ничего не стоят перед вашей силой!

XXXVII. «Я вознагражден, королева!»

Положение было ужасно; Соа ушла, конечно, для того, чтобы позвать на помощь жрецов и отомстить Леонарду, Оттеру и, наконец, Олфану. Верная смерть угрожала всем запертым в комнате; необходимо было поскорее выбраться из нее. В течение часа они пытались взломать двери, но безуспешно: их ножи и копья только царапали дерево дверей, не поддавшихся их усилиям. Также безуспешна была и попытка прожечь их огнем; не добившись ничего, они сами чуть не задохнулись в дыму.

– Неужели ничего нельзя сделать? – спросил наконец Леонард. – Если так, то наша игра, кажется, проиграна!

– Баас, – сказал Оттер, – мы можем спуститься вниз, в то отверстие, через которое я поднялся сюда. Житель вод мертв, я собственноручно убил его, и теперь его нечего бояться. Внизу же идет туннель, ведущий на склон горы. На вершине этого склона начинается ледяной мост, по которому можно добраться до прекрасной страны.

– Ради неба, пойдем туда! – вмешалась Хуанна.

– Я видел этот мост, – сказал Олфан, между тем как его вожди изумленно смотрели на человека, победившего Змея, – но никогда не слышал, чтобы кто-либо осмелился поставить

на него свою ногу!

– Через него можно переправиться, хотя и с большой опасностью, – возразил Оттер, – по крайней мере, лучше сделать эту попытку, нежели остаться здесь, чтобы быть убитыми колдунами!

– Я думаю, нам лучше отправиться туда, Леонард! – сказала Хуанна. – Если надо умереть, то лучше на свежем воздухе. Только что же делать с Намом? Кроме того, может быть, Олфан и вожди предпочтут остаться здесь?

– Нам, во всяком случае, пойдет с нами, – ответил сурово Леонард, – нам надо свести счеты с этим господином; что касается Олфана и вождей, то они должны сами решить этот вопрос!

– Что ты хочешь делать, Олфан? – спросила Хуанна, заговорив впервые с королем после сцены в другой комнате тюрьмы.

– Кажется, королева, – ответил он, опустив глаза, – я поклялся защищать тебя до последнего и сделаю это с тем большей готовностью, что теперь моя жизнь для меня ничего не значит. Мои же товарищи, я думаю, подобно тебе, предпочтут умереть на воздухе, нежели ожидать здесь смерти от руки жрецов?

Все три вождя утвердительно кивнули головами в знак согласия со словами короля. После этого, захватив с собой запас пищи, оказавшийся в изобилии в комнате, все спустились в пещеру Змея.

– Оттер, – спросил у карлика Леонард, очутившись в пещере, – ты не видал здесь рубинов?

– Там, возле жителя вод, лежит какой-то мешок, баас, – ответил беспечно карлик, – но я не позаботился заглянуть в него. Что за нужда теперь для нас в красных камнях?

– Теперь нет, но они могут пригодиться впоследствии, если мы уйдем отсюда!

– Да, баас, если мы уйдем отсюда, – ответил Оттер, думая о ледяном мосте, – мы можем захватить его по пути!

Как раз в это время был спущен Олфаном и вождями Нам, озиравшийся не без ужаса, так как до сих пор ни он, и никто другой из его собратьев не осмеливался посетить священное жилище бога Змея. После него спустились вожди, и наконец последним сошел Олфан.

– Нам надо спешить, Избавитель, – сказал король, – дверь сейчас будет открыта! – и сию же минуту все услышали сильный треск наверху. Оттер дергал за ремень, пока, наконец, палка не скользнула по отверстию в полу и не упала к его ногам.

– Нечего им оставлять это, чтобы они могли последовать за нами, – сказал он, – все еще может пригодиться нам!

В это время голова одного из жрецов показалась над отверстием. Нам, воспользовавшись этим, поспешил крикнуть:

– Ложные боги убежали через туннель в горы; вместе с ними и лже-король. Преследуйте их и не бойтесь: житель вод

мертв. Не думайте обо мне и убейте их!

С криком ярости Оттер, ударив его по лицу, повалил навзничь, но дело было уже сделано, и голос сверху ответил Наму:

– Мы слышим тебя, отец! Сейчас возьмем веревки и спустимся вниз!

После этого все двинулись вперед. Проходя мимо мертвого крокодила, на одно мгновение остановились посмотреть на гигантское пресмыкающееся.

– Этот карлик – действительно бог! – сказал один из вождей. – Ни один человек не мог бы сделать ничего подобного!

– Вперед, – сказал Леонард, – нам нельзя терять времени! Пройдя мимо крокодила, они натолкнулись на груды костей.

– Где же мешок, Оттер? – спросил Леонард.

– Здесь, баас! – ответил карлик, вытащив что-то из-под разложившегося трупа несчастного жреца, оскорбившего новоявленного бога и опущенного за это в пещеру к Змею.

Леонард взял мешок и, развязав ремень, которым он был перевязан, посмотрел внутрь. Оттер держал над ним светильник. В глубине мешка сверкали красным и голубым светом драгоценные камни.

– Это великое сокровище! – сказал Леонард с восторгом. – Наконец-то счастье вернулось к нам!

– Сколько весу в мешке? – спросила Хуанна, когда все

поспешили вперед.

– Около семи-восьми фунтов, я думаю! – ответил он, все еще полный восторга.

– Семь или восемь фунтов драгоценных камней, прекраснейших в целом свете! В таком случае, отдайте мне мешок. Мне нечего нести, а вам надо иметь теперь обе руки свободными!

– Верно! – ответил Леонард, отдавая ей мешок.

Через двадцать минут они достигли устья туннеля и, пройдя между глыбами льда, очутились на склоне горы. Но в это время облака закрыли луну, как часто случалось в Стране тумана в начале весны, и в наступившей темноте было бы безумно начинать восхождение на гору, рискуя заблудиться и сломать себе шею среди бесчисленных расщелин и пропастей.

После недолгого совещания было решено закрыть вход в туннель или, лучше сказать, проходы между глыбами льда, загромождавшими устье туннеля, оказавшимся под рукою материалом: кусками мерзлого снега, щебнем и немногими большими камнями, которые, к счастью, удалось найти вблизи. Пока они были заняты этим делом, в туннеле послышались голоса жрецов, становившиеся все громче и громче. Можно было каждую минуту ждать нападения; однако его не последовало, и голоса жрецов вскоре умолкли.

– Что же они решили делать? – сказал Леонард. – Войти на гору по другой тропинке и отрезать нам путь?

– Не думаю, Избавитель, – ответил Олфан. – Я не знаю такой тропинки. Думаю, они пошли за тяжелыми брусьями, чтобы при помощи их сломать ледяную стену!

– Однако, такая тропинка есть, король! – сказал один из вождей. – В дни моей молодости я часто лазал по ней, разыскивая подснежные цветы для той, за которой я тогда ухаживал!

– Вот что, Пастушка, – сказал Олфан, подумав немного, – мы возьмем этого человека в проводники и вернемся через горы в город, где можем найти друзей среди воинов и дать битву жрецам!

– Нет, нет, – страстно воскликнула Хуанна, – я скорее умру, чем вернусь назад в то страшное место, где все равно буду, в конце концов, умерщвлена. Иди туда, если хочешь, Олфан, и предоставь нас нашей судьбе.

– Этого я не могу сделать, королева, из-за моей клятвы, – гордо ответил он. – Но слушай, мой друг, – обратился король к одному из вождей. – Ступай по той тропинке, о которой ты говоришь, если только можешь сделать это в темноте, и найди нам помощь. Затем скорее возвращайся на это место, где я и два твоих товарища будем держаться против жрецов. Быть может, ты не найдешь нас живыми; в таком случае, вот что поручаю я тебе: если мы умрем, говори везде, что боги оставили страну из-за того, что с ними дурно поступили и подняли народ против жрецов. Только тогда можно будет покончить с ними раз и навсегда!

Не сказав ни слова, вождь пожал руку Олфану и двум своим товарищам, поклонился Хуанне и исчез во мраке. После этого все опустились на землю у входа в туннель и ждали, что будет. Здесь им принесли большую пользу платья жрецов из козьего меха, благоразумно захваченные Оттером у тех жрецов, на которых напали он и Леонард в тюрьме над пещерой, так как холод усилился до того, что, встав с места, они вынуждены были согреваться ходьбой взад и вперед.

– Леонард, – сказала Хуанна, – вы еще не знаете, что произошло после того, как Нам запер нас в отдельную комнату? – и она рассказала ему все. Когда она кончила, Леонард встал и, взяв за руку Олфана, произнес:

– Король, благодарю тебя! Пусть судьба отнесется к тебе так же, как ты отнесся ко мне и моим близким!

– Не говори больше ни слова, Избавитель, – ответил поспешно Олфан. – Я исполнил только долг и мою клятву, хотя иногда это и тяжело!

Вскоре, взглянув вверх, они заметили, что снежные вершины гор начали краснеть от приближающейся зари, и как раз в это же время в туннеле снова слышались голоса и сквозь щели в грубом ледяном сооружении, заграждавшем вход, заблестели огни. Очевидно, жрецы, взяв необходимые орудия, явились снова. Вскоре глухие удары о ледяную стену доказали верность этого предположения.

– Скоро рассветет, Избавитель, – спокойно сказал Олфан. – Я думаю, что вы можете теперь начать восхождение

на гору!

– А что же нам делать с этим человеком? – указал Леонард на Нама.

– Убить его! – проговорил Оттер.

– Нет, нет пока! – отвечал король. – Возьми это, – и Олфан протянул Леонарду копьё третьего вождя, оставленное им, – и захвати с собой жреца. Если нас осият, то вы можете купить свою жизнь ценою его жизни; если же мы отбросим жрецов и нам удастся уйти, то сделайте с ним, что будет вам угодно!

– Я хорошо знаю, что сделаю! – пробормотал Оттер, сверкнув глазами на жреца.

– А теперь прощайте! – продолжал Олфан тем же спокойным тоном, которым говорил все время. – Принесите сюда еще льда или камней, если можно, товарищи; стена трещит!

Леонард и Оттер молча пожали руку короля, но Хуанна не могла расстаться с ним таким образом. Она была ему благодарна за его доброту.

– Прости меня, – пробормотала она, – я причинила тебе горе, за которым, боюсь, последует смерть!

– Горе не поможет ничему, королева, а смерть я охотно встречу, поверь мне. Отправляйся же, и пусть счастье сопутствует тебе. Желаю тебе уйти с теми блестящими побрякушками, которых ты желала. Да будешь благословенна ты со своим супругом, Избавителем, долгими годами взаимной любви. Когда же состаришься, то вспоминай иногда того ди-

кого человека, который любил тебя, когда ты была молода, и который положил свою жизнь для твоего спасения!

Хуанна выслушала, и слезы полились из ее глаз; затем внезапно схватив руку гиганта, она поцеловала ее.

– Я вознагражден, королева, – нежно воскликнул он, – и, быть может, твой супруг не приревнует. А теперь скорее отправляйтесь!

Пока король говорил, небольшая часть стены под ударами жрецов обрушилась, и из отверстия показалось лицо жреца. Олфан с криком поднял копье и метнул его. Жрец упал, а в это же время подошли вожди с камнями, которыми и заложили отверстие.

Тогда трое наших друзей, повернувшись, побежали вверх по склону, причем Оттер с проклятиями гнал перед собой Нама, надевая его ударами кулака, пока наконец тот не свалился со стоном на землю. Никакими усилиями Оттер не мог заставить его встать на ноги.

– Вставай, подлая собака! – сказал Леонард, угрожая ему копьем.

– В таком случае, ты должен развязать мои руки, Избавитель, – ответил жрец, – я очень слаб и не могу идти по горам со связанными за спиной руками. Конечно, вам нечего бояться старого и безоружного человека!

– Я думаю, что теперь нечего бояться, – пробормотал Леонард, – хотя в прошлом нам доводилось сильно бояться тебя! – и, взяв нож, он развязал связывавшие руки Нама ве-

ревки.

В это время Хуанна обернулась и посмотрела назад. Далеко внизу она могла различить фигуры Олфана и его товарищей, стоявших плечом к плечу один возле другого, и даже видела блеск лучей солнца на остриях их копий. Еще ниже она увидела поросшие травой крыши земного ада, города Страны тумана, и бесконечную равнину за ним, по которой, извиваясь змеей, протекала река. Там же виднелись и громадные стены храма, и черный колосс, на верху головы которого она сидела в тот страшный час, когда тысячи людей приветствовали ее, как богиню, и откуда во друг, Франсиско, был низвергнут вниз на ужасную смерть.

Когда Нам, шепча проклятия, подошел к ней, награждаемый неутомимым Оттером ударами в спину, Хуанна, потеряв из виду Олфана и его товарищей, присоединилась к своим спутникам и все они продолжали в полной безопасности путь, пока наконец не достигли края перевала и не увидели ледяной мост, ведущий к снежным полям внизу.

XXXVIII. Торжество Нама

– Куда же мы пойдем? – спросила Хуанна. – Неужели мы должны спуститься в эту пропасть?

– Нет, Пастушка, – отвечал Оттер. – Посмотри, перед тобой мост! И он указал рукой на ледяную ленту, соединявшую оба края бездны.

– Мост, – проговорила с ужасом Хуанна. – Как, эта скользкая и крутая, как крыша дома, полоса льда – мост? Да на нем не может устоять и муха!

– Смотри сюда, Оттер, – сказал Леонард, – или ты шутишь, или сошел с ума! Как же мы можем перейти через это место? Не успеем сделать и десяти ярдов по этому мосту, как разобьемся!

– Вот как, баас: мы должны сесть, каждый из нас, на один из этих плоских камней, которые лежат здесь, и тогда камень перевезет нас на противоположную сторону пропасти. Я знаю, я пробовал это!

– Ты хочешь сказать, что переходил через пропасть?

– Нет, баас, но я послал вниз три камня. Два перелетели благополучно, а третий исчез. Я думаю, что там, в мосту дыра, но мы должны рискнуть. Если камень достаточно тяжел, то он перелетит через перевал; если же нет, – тогда мы провалимся вниз и навеки успокоимся!

– Боже! – сказал Леонард, потирая лоб рукой. – Неужели

нет другого пути?

– Я не вижу, баас, и думаю, что нам лучше перестать разговаривать и приготовиться, а то ведь жрецы за нами. Если ты посторожишь наверху перевала, чтобы не было нечаянного падения, я пойду за камнями, которые перенесут нас!

– А что делать с этим человеком? – сказал Леонард, указывая на старого жреца, лежавшего лицом вниз на снегу, по видимому, в полном изнеможении.

– О, мы должны задержать его еще немного, баас; если жрецы придут, то он может быть нам полезен. Если же они не придут, то я поговорю с ним перед нашим отправлением. А теперь он спит и не может убежать!

Тогда Леонард пошел на вершину перевала, находившуюся ярдах в двадцати от того места, где они стояли, а Оттер стал искать нужные камни.

Тем временем Хуанна, повернувшись спиной к ледяному мосту, на который она едва отваживалась взглянуть, села на камень и, чтобы отвлечь свои мысли от предстоявшего ей нового и ужасного испытания, развязав мешок, стала любоваться лежавшими в нем камнями. Она выбрала наиболее крупные камни и разложила их на обломке скалы возле себя. Вскоре перед нею лежало такое сокровище, о котором никогда не мечталось ни одной белой женщине.

Созерцая это сокровище, Хуанна забыла все на свете, кроме необычной красоты и бесконечной ценности камней, которые были добыты для Леонарда с ее помощью.

Между тем старый жрец, подняв голову, некоторое время смотрел на нее холодным и жестоким взглядом и наконец стал медленно перекатываться по снегу по направлению к ней, избегая малейшего шума.

Полюбовавшись на свое сокровище, Хуанна уложила камни снова в мешок и, крепко завязав его, хотела надеть себе на шею. В этот момент чья-то сухая старческая рука мелькнула перед ее глазами и вырвала у нее мешок. С громким криком молодая девушка вскочила на ноги и увидела, что старый жрец, захватив мешок, побежал прочь с необыкновенной быстротой. Оттер и Леонард, услышав ее крик и думая, что жрец хотел убежать, поспешили наперерез ему. Но он и не думал бежать. Шагах в сорока от того места, где сидела Хуанна, над пропастью свешивался маленький выступ скалы. К этому-то месту и направился Нам. Остановившись на краю выступа над пропастью, он обернулся лицом к своим преследователям.

– Если вы сделаете еще шаг, – закричал он, – я брошу этот мешок туда, откуда вам никогда не достать его. На этих скалистых стенах нельзя поставить ноги, а на дне пропасти – вода!

Леонард и Оттер остановились, дрожа за судьбу драгоценных камней.

– Слушай, Избавитель, – продолжал Нам, – ты пришел в нашу страну за этими вещицами, не правда ли? Найдя их, ты хотел бы уйти с ними? Но прежде, чем уйти, ты хотел бы

убить меня за то, что я доказал, что вы обманщики, и хотел принести вас в жертву тем богам, которых вы оскорбили. Но ведь красные камни теперь у меня в руках, и если я выпущу их из своих рук, то они исчезнут для тебя и всего света навеки. Скажи теперь, поклянешься ли ты оставить мне жизнь и позволишь ли мне мирно вернуться домой за то, что я отдам тебе назад эти камни.

– Да, да, клянемся! – сказал Леонард, не в состоянии скрыть своего беспокойства. – Иди сюда, Нам, и мы дадим тебе спокойно уйти; но если ты бросишь камни вниз, то и сам последуешь за ними!

– Вы клянетесь в этом! – сказал презрительно жрец. – Ты дошел до того, что соглашаешься пожертвовать мстостью в угоду твоей жадности, о белый человек с благородным сердцем! Ну, я выше тебя: хоть я и не благороден, но хочу пожертвовать своей жизнью, для того чтобы обмануть ваши желания. Как? Неужели можно допустить, чтобы священное сокровище народа тумана было украдено двумя белыми ворами и их черной собакой? Никогда! Я хотел вас убить всех, но мне это не удалось; и теперь я очень рад, видя, что могу нанести вам удар сильнее, чем сама смерть. Да разразится над вами проклятие Джаля и Аки, бездомные собаки! Живите изгнанниками, умрите в нищете, и пусть ваши отцы, матери и дети плюнут на ваши кости, как я это делаю. Прощайте!

И погрозив кулаком своей незанятой руки, он плюнул в них, затем внезапным движением опрокинулся и полетел в

пропасть, унося с собой сокровище.

Некоторое время все трое, пораженные происшедшим, молча стояли на одном месте, устремив глаза на выступ скалы, с которого исчезла почтенная фигура старого жреца. Наконец Хуанна, рыдая, упала на снег и стала упрекать себя, что по ее вине Леонард сделался нищим.

Леонард, хотя и был огорчен потерей, стал утешать ее. В это время Оттер прикатил два камня: один побольше, для девушки и Леонарда, другой, поменьше, для себя.

Но теперь – другая беда: Хуанна ни за что не соглашалась сесть на камень, чтобы совершить опасный переход. Ее спутникам еле удалось убедить ее.

– Послушай, Пастушка, – говорил карлик, – я привяжу тебя и Избавителя друг к другу для безопасности и сам покажу вам дорогу!

С этими словами Оттер оттащил оба камня на самый откос пропасти и, связав веревкой талии Леонарда и Хуанны, стал готовиться к переходу через ледяной мост.

– Ну, Избавитель, – проговорил он, – когда я перейду через мост, вы оба должны лечь на камень и слегка оттолкнуться копьём. Тогда, прежде чем вы успеете опомниться, уже будете возле меня!

И Оттер лег на камень лицом вниз с легким смехом, хотя Леонард заметил, что как бы ни был силен его дух, слабая плоть все же давала себя знать, и он заметно дрожал.

– Теперь, баас, – сказал карлик, схватившись длинными

руками за края камня, – когда я скажу, толкни слегка камень и тогда увидишь, как может летать черная птица. Нагнись ко мне, баас!

Леонард повиновался, и карлик шепнул ему:

– Я хотел только сказать, баас, на тот случай, если мы более не встретимся, так как несчастные случаи происходят на самых безопасных дорогах, что я очень сожалею о том, что вел себя свиньей в «городе тумана», но пьянство и женщины портили лучших людей, чем я. Не отвечай мне, баас, а толкни камень, а то я уже начинаю бояться.

Положив руку на заднюю часть камня, Леонард легко толкнул. Камень начал двигаться, сначала очень медленно, затем все скорее и скорее и, наконец, со свистом понесся по скользкому ледяному пути. Достигнув подошвы первого склона, он поднялся на легкий подъем следующего, но так медленно, что Леонард подумал, будто он остановился. Однако он перевалил через хребет и исчез на несколько секунд в неглубокой впадине, образованной поверхностью льда, откуда опять вылетел на вершину второго, более длинного поля с весьма крутым спуском. Отсюда камень понесся с быстротой стрелы, пока не достиг самой узкой части ледяного моста, казавшейся издали серебристой нитью; оттуда, внезапно поднявшись в воздух, через секунду уже продолжал свое движение по ледяному пути, пока наконец не остановился.

Леонард посмотрел на часы: время, занятое переходом, не превышало пятидесяти секунд, а расстояние было не менее

полумили.

– Посмотрите, – сказал он Хуанне, которая все это время сидела, закрыв глаза руками, чтобы не видеть страшного путешествия, – он на той стороне, цел и невредим! – и Леонард показал на фигуру, которая, казалось, весело танцевала на снежном поле.

В то же время слабый звук достиг его ушей, так как среди окружающего безмолвия звуки могли далеко распространяться. Это, очевидно, кричал Оттер.

– Поезжай, баас, это легко!

– Я рада, что он цел, – слабым голосом сказала Хуанна. – Теперь мы должны отправиться вслед за ним. Возьмите, Леонард, мой платок и завяжите, пожалуйста, мне глаза; я не могу иначе! Затем она призналась, что часто дурно поступала с Леонардом, и чистосердечно попросила прощения. Конечно, ее спутник от души простил ее.

Затем он повел молодую девушку к плоскому камню, но здесь Леонард услышал глухой звук чьих-то шагов по снегу и, обернувшись, увидел бежавшую к ним Соа, почти нагую, с раной от копья в боку и с безумным выражением в глазах.

– Ступай прочь, или... – и он поднял выразительно свое копьё.

– О Пастушка, – умоляющим голосом воскликнула старуха, – возьми меня с собой, я не могу жить без тебя.

– Скажи ей, чтобы она шла прочь, – сказала Хуанна, узнав голос Соа, – я не хочу ее больше видеть.

– Слышишь, Соа, – сказал Леонард. – Подожди, как дела там? – указал он рукой по направлению к туннелю. – Говори правду.

– Я не знаю, Избавитель; когда я была там, Олфан и его брат еще держались у входа в туннель и не были ранены, но один вождь был мертв. Я пробежала мимо них и вот что получила! – показала она на рану в боку.

– Если они еще немного продержатся, к ним может подоспеть помощь! – проговорил про себя Леонард. Затем, не говоря ни слова, он лег вместе с Хуанной на широкий камень лицом вниз.

– Сейчас мы отправимся, Хуанна! – проговорил он. Держитесь крепче за край камня правой рукой и не отнимайте руки, а то мы оба можем соскользнуть с него!

– О, возьми меня с собой, Пастушка, возьми с собой, я не стану больше злобствовать, а буду служить тебе по-прежнему! – отчаянным голосом закричала Соа, и крик ее гулко отдался в горах.

– Держитесь крепче! – сквозь зубы проговорил Леонард и, отняв свою правую руку от талии Хуанны, при помощи копья слегка оттолкнулся от выступа скалы сзади него. Камень, вздрогнув, медленно и величественно начал двигаться вниз по ледяному пути.

В течение первой секунды он, казалось, еле-еле двигался, затем в следующую, когда движение его сделалось более ощутимым, Леонард услышал шум за собой и почувствовал,

что за его ногу ухватилась человеческая рука. Последовал толчок, из-за которого они чуть не слетели с камня, но Леонард крепко схватился за передний край камня, и в это время рука перестала тащить его за ногу, хотя он и чувствовал еще ее на своей щиколотке.

XXXIX. Переправа по ледяному мосту

Приподняв осторожно полову, Леонард взглянул через плечо, и ему стало все ясно. В своей безумной любви к госпоже, которую она предала и оскорбила, Соа хотела броситься на камень, – чтобы отправиться вместе с ними, – как только он начал двигаться.

Но было слишком поздно и, почувствовав, что она скользит вперед, Соа в отчаянии ухватилась за то, что подвернулось ей под руку, а именно, за ногу Леонарда. Теперь она должна была сопровождать их в ужасном путешествии, но, тогда как они катились вниз на камне, ее волокло вниз за ними на груди.

Искра сострадания вспыхнула в груди Леонарда, когда он заметил ее страшное положение, но делать было нечего; к тому же, он был отвлечен опасностью, угрожавшей Хуанне и ему самому. Со все возраставшей быстротою они мчались вниз по длинному скату, приближаясь к первому подъему, ярдах в десяти от вершины которого движение их замедлилось. Леонард ожидал остановки камня. Но этого не случилось, и они достигли верхушки подъема, спустившись с которого попали в ледяную выемку, и наконец очутились в начале склона ярдов в четыреста или пятьсот длиною и настоль-

ко крутого, что человек не мог бы стоять на нем, если бы даже поверхность склона и не была скользкой. Ширина ледяного моста здесь быстро уменьшалась, а вскоре, по-видимому, мост совсем прерывался.

Они продолжали мчаться вниз, рассекая воздух. Уже была пройдена половина, две трети пути; наконец Леонард взглянул вперед, и мороз пробежал у него по коже. Ширина моста в том месте, где они находились, не превышала размеров небольшой комнаты; ярдах в шестидесяти далее она суживалась до того, что их камень почти покрывал ее, а с обеих сторон под ними зияли бездонные пропасти. Но это было еще не все: в самом узком месте ледяная лента прерывалась на ширине десяти – двенадцати футов и затем дальше продолжалась на более низком уровне, поднимаясь круто к тому снежному хребту, на котором цел и невредим сидел Оттер. Холодный пот прошиб Леонарда. Вот уже перед его глазами провал. «Помоги, Боже!» – прошептал он, и камень, оставив ледяной путь, понесся в воздухе. Но прежде чем они достигли противоположного края провала, Леонард услышал нечеловеческий крик и почувствовал такой сильный толчок, что не мог удержаться за камень, который выскочил из-под него, а он, ударившись об лед, продолжал нестись по его гладкой поверхности. Леонард почувствовал, что ледяная поверхность жжет его, как раскаленное железо, но его ногу уже выпустила державшая ее рука, и затем он более ничего не помнил, так как потерял сознание. Придя в себя, он

услышал голос Оттера, кричавшего ему:

– Лежи спокойно, баас, не шевелись ради своей жизни; я приду к тебе!

Леонард совсем очнулся, и слегка приподняв голову, увидел то положение, в котором он находился.

Им оставалось преодолеть всего около пятидесяти футов ледяной поверхности, но на протяжении этих пятидесяти футов лед был так гладок и поверхность его так круто подымалась вверх, что ни один человек не мог бы взобраться по ней. Под ними склон продолжался на 30–40 ярдов, пока наконец не встречал соответствующего подъема, ведущего к прорыву моста.

На этой ледяной поверхности они и лежали, распростершись плашмя. Сначала Леонард удивился, отчего они не соскользнули назад на дно откоса, где бы они, конечно, погибли, так как выбраться оттуда было бы невозможно без особых приспособлений. От этого спасла их счастливая случайность.

Когда бесчувственные тела Леонарда и Хуанны вынеслись по инерции вверх по подъему, то, конечно, стали скользить назад, в соответствии с законами тяжести, и разбились бы вдребезги, если бы их не задержало копьё, рукоятка которого была соединена со связывавшим их талии ремнем. Острие этого копья застряло в расщелине льда.

Все это понял Леонард постепенно; он увидел также, что Хуанна была мертва или без чувств: он не мог пока сказать

точно.

– Что ты хочешь делать? – спросил он Оттера, который был на краю ледяной пропасти в пятидесяти футах над ними.

– Подожди, баас, дай мне время подумать! – и на одну минуту Оттер, присев на льду, задумался.

– Нашел! – сказал он затем и, сняв с себя платье из козьего меха, стал резать его на куски дюйма два шириной и около двух с половиной футов длиной. Связав крепкими узлами эти куски, он получил довольно сносную веревку достаточной длины.

Затем заострив конец своей палки, он глубоко укрепил ее в земле и снегу на краю ледяного откоса и привязал к ней импровизированную веревку, по которой быстро спустился к Леонарду.

– Разве Пастушка умерла, баас? – спросил он, посмотрев на побледневшее лицо Хуанны и ее закрытые глаза. – Или она только спит?

– Я думаю, что она только в обмороке, – отвечал Леонард, – но, ради неба, Оттер, действуй проворнее, а то я замерз на этом льду. Что ты теперь думаешь делать?

– Вот что, баас обвязать вокруг твоего пояса сделанную веревку, затем развязать ремни, связывающий тебя с Пастушкой, и вернуться на вершину склона, откуда я могу ее поднять наверх, так как ремень очень прочен и она будто легко скользить по льду, а ты последуешь за ней!

– Хорошо, – сказал Леонард.

Когда все это было сделано, Леонард, поддерживая одной рукой безжизненное тело Хуанны, другой держался за древко копья, не решаясь схватиться за самодельную веревку, по которой Оттер с большим трудом взбирался вверх по льду, держа в зубах ремень. Замерзшему на льду Леонарду казалось, что прошли часы прежде, чем Оттер поднялся на вершину склона и крикнул ему отпустить Хуанну.

Леонард повиновался, и карлик, сидя на снегу и упершись ногами в край ледяного моста, стал тянуть молодую девушку наверх. Леонард с облегчением вздохнул, когда увидел ее наконец распростертою на снегу.

Затем Оттер, поспешно развязав ремень от талии Хуанны и сделав петлю, кинул ее Леонарду, который надел ее на свои плечи. Вынув копье из расщелины, в которой оно стояло, он начал свое восхождение. Первые движения причиняли ему мучительную боль, – и неудивительно, так как кровь из ран, полученных при скольжении, приморозила его члены ко льду, и он мог встать с большим трудом. Собрав всю свою энергию, он стал подниматься по самодельной веревке, а Оттер тащил его за ремень.

Хорошо, что карлик благоразумно бросил Леонарду вторую веревку, так как вдруг палка, к которой была прикреплена веревка из кусков платья, выскочила из того места, где она была закреплена и покатила вниз вместе с веревкой. Карлик, громко вскрикнув, чуть было не бросился вперед, но удержался и стал крепко держать длинный ремень, на ко-

тором и повис Леонард, раскачиваясь как маятник, на гладкой поверхности льда.

– Мужайся, баас, – сказал Оттер, крепко державший веревку, – когда я буду тянуть вверх, старайся подняться! – и он потянул вверх ремень, причем Леонард старался зацепиться на льду коленями, пятками и свободной рукой.

Увы! Держаться было не за что; он находился словно на гладкой поверхности стекла с наклоном в шестьдесят градусов.

– Подожди немного, баас, – сказал карлик, изнемогавший от усталости, – постарайся сделать во льду острием копья маленькое гнездо и, когда я потяну, помогай мне тянуть тебя, опираясь на копье! Леонард сделал это, не говоря ни слова.

– Ну! – сказал карлик, и Леонард был вытасчен вверх по скату на два фута. Этот процесс пришлось повторить несколько раз, пока, наконец, он не поставил свою левую руку на нижнюю ступень, вырубленную Оттером во льду. Еще одно последнее усилие, – и Леонард, дрожащий, как испуганное дитя, лежал на краю ледника.

Испытание было кончено, опасность миновала, но зато ценной каких усилий!

Нервы Леонарда были совершенно расшатаны; он не мог держаться на ногах, лицо окровавлено, ногти обломаны, и одна из костей ног обнажилась от трения о лед, не говоря уже об ушибах. Состояние Оттера было немногим лучше: руки его были изрезаны веревками, и он был страшно утомлен.

Меньше всех пострадала Хуанна, потерявшая сознание с самого начала движения по ледяному мосту; она не получила даже ушибов после падения с камня, так как была легче Леонарда. Кроме того, толстая одежда из козьего меха предохранила ее от ранений, исключая небольшие царапины и ушибы. Она не знала ничего, равно как и о смерти Соа.

– Оттер, – пробормотал Леонард дрожащим голосом, – ты не потерял бутылки с вином?

– Нет, баас, она цела!

– Слава Богу! Поднеси ее к моим губам, если можешь!

Карлик дрожащей рукой протянул ему бутылку, и Леонард сделал несколько глотков.

– Что случилось с Соа, Оттер?

– Я не мог точно разглядеть, баас; я был слишком испуган, более даже, нежели катясь сам на камне. Но я думаю, что ноги ее задели за край пропасти, и она свалилась. Это хороший конец для нее, злой старой коровы! – прибавил он довольным тоном.

– А для нас был очень близок худой конец, – отвечал Леонард, – но мы все-таки избежали его. За все рубины на свете я не хотел бы пройти опять той дорогой!

– И я также, баас. Да! Это было ужасно! А теперь – прибавил он, – не пора ли нам разбудить Пастушку и уходить отсюда?

– Да, – сказал Леонард, – хотя я не знаю, куда же мы пойдем. Во всяком случае, недалеко, я еле двигаюсь!

Подойдя к Хуанне, которая лежала, завернутая в козий мех, Оттер влил ей в горло немного туземного вина, а Леонард стал растирать ее руки, после чего она вскоре быстро пришла в себя и, видя лед перед собой, закричала.

– Возьмите меня отсюда, возьмите; я не могу этого сделать, Леонард, не могу!

– Все уже кончено, дорогая! – отвечал он, познакомив Хуанну со всеми обстоятельствами их опасного путешествия.

Затем Оттер собрал их небольшой багаж, состоявший главным образом из ременной веревки и копья, и они побрели вверх по снежному склону. В двадцати – тридцати ярдах впереди лежали два камня, на которых они ехали по мосту, а возле них еще два, которые были пущены вперед Оттером в предшествующее утро.

Когда они достигли вершины склона, Оттер, обернувшись назад, сказал:

– Взгляни, баас, на той стороне стоят люди!

Он был прав. На далекой окраине пропасти виднелись фигуры людей, которые, казалось, махали оружием и что-то кричали. Были ли это жрецы, осилившие сопротивление Олфана и преследовавшие их, или солдаты короля, победившие жрецов – ничего нельзя было рассмотреть.

После этого путешественники начали спускаться с одного ледяного ноля на другое, и только большой пик над ними напоминал им о близости Страны тумана. После четырех остановок, вызванных их страшным утомлением, к вечеру они

очутились наконец ниже снеговой линии в мягком и теплом климате.

– Я должна остановиться, – сказала Хуанна, когда солнце стало садиться, – я не могу больше идти!

Леонард в отчаянии посмотрел на Оттера.

– Вон там большое дерево, баас, и вода около него! – сказал карлик. – Это хорошее место для ночлега; здесь тепло, и мы не будем страдать от холода. Да, нам везет. Подумайте, как мы провели прошлую ночь!

Они подошли к дереву, и Хуанна в полном изнеможении опустилась на землю, прислонившись спиной к его стволу. Леонарду с трудом удалось уговорить ее проглотить немного пищи и глотнуть вина, после чего она впала в оцепенение.

XL. Прощание Оттера

Нечего и говорить о том, что наступившая ночь была одной из самых ужаснейших, какие только приходилось проводить Леонарду. Несмотря на свою крайнюю усталость, он не мог спать: его нервы были слишком потрясены. Кроме того, раны сильно беспокоили его, и хотя климат местности был мягок, но со снежных гор дул холодный ветер, и они даже не могли развести огня, чтобы согреться и прогнать диких животных, завывавших невдалеке от них.

Едва ли кто-либо попадал в более отчаянное и безнадежное положение, чем Леонард и его спутники в эту ночь: безоружные, выбившиеся из сил, без пищи и почти без одежды, в неизвестной им местности среди пустынь Центральной Африки. Если бы они не надеялись на помощь, то должны были бы погибнуть от голода, челюстей львов или от копий туземцев.

Наконец ночь пришла и наступила заря, но Хуанна проснулась тогда, когда солнце было уже высоко на небе. Леонард подполз к ней на близкое расстояние – ходить он уже не мог и увидел, что она блуждающими глазами посмотрела на него и сказала что-то о Джен Бич. Она была в бреду. Что же можно было сделать? Осталось только ждать смерти.

Несколько часов Леонард и Оттер провели в безмолвном ожидании. Наконец Оттер, лучше всех перенесший невзгоды

предыдущего дня, взяв копье, – подарок Олфана, – сказал, что пойдет на поиски дичи. Леонард кивнул ему головой, хотя трудно было ожидать чего-либо от охоты только копьем.

К вечеру карлик вернулся с пустыми руками, заявив, что хотя дичь и встречалась, но убить ему ничего не удалось, как и ожидал его господин. Страдая от голода, провели они ночь, поочередно присматривая за Хуанной, которая все еще бредила. На заре Оттер опять ушел, оставив Леонарда, который снова не мог заснуть, как и в прошлую ночь, и лежал, скорчившись, подле Хуанны и закрыв лицо руками.

До полудня карлик вернулся к Леонарду, радостно сообщив, что, кажется, есть надежда на спасение.

– Что такое, Оттер? – спросил он.

– Там идет какой-то белый человек и с ним более сотни слуг, баас! – сказал карлик. – Они поднимаются на склон горы!

– Ты, должно быть, сошел с ума, Оттер! – возразил Леонард. – Скажи, во имя Аки и Джалия, что здесь делать белому человеку? Только я и Франсиско были настолько глупы, что забрались в эти места! – и Леонард, закрыв глаза, заснул.

Оттер посмотрел на него, затем, значительно хлопнув себя рукой по лбу, снова отправился вниз по склону. Спустя час Леонард пробудился при звуке многих голосов, и чья-то рука сильно встряхнула его.

– Проснись, баас, – говорил карлик, расталкивая своего спавшего господина, – я привел сюда белого человека!

Леонард, подняв голову, увидел перед собой окруженного вооруженными носильщиками и другими слугами английского джентльмена средних лет, с круглым добродушным лицом, загоревшим на солнце, с глубоко сидящими темными глазами, в один из которых был вставлен монокль. Незнакомец с состраданием смотрел на Леонарда.

– Как вы поживаете, сэръ? – спросил он приятным голосом. – Насколько я мог узнать от вашего слуги, вы в незавидном положении. Ба! Да тут есть дама!

Леонард в бреду произнес вместо ответа несколько бессвязных фраз.

– Ахмет, – сказал тогда незнакомец, обращаясь к стоявшему рядом арабу, – пойди к первому мулу и возьми для этого господина хинина, шампанского и пирожков из овсяной муки; он, кажется, нуждается в этом; вели также носильщикам разбить мою палатку здесь возле воды, да живей!

Прошло сорок восемь часов, и благодушный незнакомец сидел на походном стуле возле входа в палатку, внутри которой лежали две фигуры, закутанные в одеяло и сладко спавшие.

– Должно быть, они скоро проснутся! – проговорил про себя незнакомец, вынув из глаза монокль и изо рта трубку. – Хинин и шампанское хорошо подействовали на них. Но что за бессовестный лгун этот карлик; одну вещь, кажется, он хорошо делает – это ест. И что эти господа здесь делали? Я знаю пока одно: что не видел никогда мужчины более бла-

городного вида или более прекрасной девушки! – и, набив снова свою трубку и вставив в глаз монокль, незнакомец закурил.

Десять минут спустя Хуанна внезапно села на своем ложе, так что незнакомец не мог быть замечен ею. Дико оглядевшись вокруг и наконец увидев Леонарда, лежавшего у другой стенки палатки, она подползла к нему и, принявшись целовать его, заговорила:

– Леонард! Вы живы еще, благодарение Богу. Мне снилось, что мы оба умерли. Слава Богу, что мы живы!

Мужчина, к которому она обратилась с этими словами, проснулся также и отвечал ласками на ее поцелуи.

– Клянусь св. Георгом! – произнес незнакомец. – Это довольно трогательно! Должно быть, они супруги или собираются пожениться. Во всяком случае, пока мне лучше уйти на время!

Когда через час путешественник вернулся к палатке, он нашел молодую пару на солнце. Мужчина и девушка помылись и оделись в ту одежду, которая была в их распоряжении. Приподняв свой шлем, он подошел к ним, и они встали при виде его.

– Позвольте представиться! – произнес незнакомец. – Я английский путешественник, совершающий маленькую экспедицию за свой счет, за недостатком других занятий. Мое имя – Сидни Уоллес!

– Меня зовут Леонард Утрам, – ответил Леонард, – а это

молодая леди – мисс Хуанна Родд!

М-р Уоллес снова поклонился. «Итак, они не были жена-ты!» – подумал он.

– Мы весьма обязаны вам, сэр, – продолжал Леонард, – вы спасли нас от смерти!

– Вовсе нет, – отвечал м-р Уоллес, – вы должны благодарить вашего слугу, карлика, а не меня: если бы он не увидел нас, мы прошли бы в миле или более левее вас. Меня привлек этот большой пик над нами, кажется, высочайший во всей цепи гор Биза-Мушинга. Я хотел подняться на него, прежде чем вернуться домой через озеро Ньясса, Левингстонию, Кленшайр и Килиману. Но, быть может, вы не откажитесь сообщить мне, как вы очутились здесь? Я слышал кое-что от вашего карлика, но его рассказ несколько фантастичен!

Леонард передал вкратце историю своих приключений м-ру Уоллесу, который, по-видимому, не поверил ни одному его слову.

Впрочем, выслушав спокойно рассказ Леонарда до конца, Уоллес поднялся со своего места, сказав, что пойдет поохотиться немного.

До захода солнца он появился снова и, подойдя к палатке, попросил извинения у Леонарда за свою недоверчивость.

– Я был там, – сказал он, – на той дороге, которой вы шли, видел ледяной мост и камни, рассмотрел ступени, сделанные во льду карликом. Все так, как вы мне говорили, и мне оста-

ется только поздравить вас, что вам удалось благополучно перенести самые страшные опасности, о которых я когда-либо слышал! – и он протянул руку, которую Хуанна и Леонард сердечно пожали.

– Кстати, – прибавил путешественник, – я послал людей исследовать пропасть на протяжении нескольких миль, но они донесли мне, что нет ни одного места, которым можно бы было спуститься в нее, и я боюсь поэтому, что драгоценные камни потеряны навеки. Сознаюсь, что я хотел бы проникнуть в «Страну тумана», но мои нервы недостаточно крепки для перехода через ледяной мост, да и камни не могут скользить вверх по скату. Кроме того, вы уже достаточно натерпелись всего и, должно быть, хотите вернуться в цивилизованные страны. Поэтому, отдохнув здесь дня два, мы можем отправиться в Килиману, до которой отсюда три месяца пути!

Вскоре они отправились в путь, но описывать подробности этого путешествия не входит в нашу задачу. Мы сделаем исключение лишь для одного происшествия, случившегося на миссионерской станции Блэншайр; Леонард и Хуанна обвенчались по обряду своего вероисповедания.

Когда молодая девушка во время обряда венчания стояла рядом со своим возлюбленным в маленькой церкви Блэншайрской миссии, ей невольно пришло на память, что она венчается уже в третий раз и только теперь по своей доброй воле. В ее памяти встала дикая сцена венчания в лагере ра-

бов и другой обряд бракосочетания, совершенный в тюрьме храма над нею и благородным дикарем Олфаном.

В тот же вечер м-р Уоллес увидел Оттера, печально смотревшего на маленький дом, в котором остановились Хуанна и Леонард.

– Тебе грустно, что твой господин женился, Оттер? – спросил путешественник.

– Нет, – отвечал карлик. – Я рад этому. Несколько месяцев он бегал за нею и мечтал о ней и вот теперь, наконец, получил ее. Отныне она должна мечтать о нем и бегать за ним, и у него будет время подумать и о других, кто так же сильно любит его.

Еще месяц продолжали они свое путешествие и наконец благополучно прибыли к Килиману. На следующее утро м-р Уоллес отправился в почтовую контору, где его ожидали письма, а Леонард и Хуанна вышли погулять, пока еще солнце не особенно жгло. Во время этой прогулки им пришло в голову, что они не должны более злоупотреблять любезностью м-ра Уоллеса, а между тем у них не было в кармане ни одного пенни. Когда они медленно двигались вперед по обширным африканским пустыням, довольствуясь в изобилии попадавшей дичью, любовь и поцелуи заменяли им все на свете. Но теперь они приближались к цивилизованным странам, где без денег было невозможно жить.

– Что нам делать, Хуанна? – спросил печально Леонард. – У нас нет денег на то, чтобы добраться до Наталя, и нет кре-

дита, чтобы занять где-нибудь!

– Мне кажется, мы должны продать большой рубин, – от-вечала она со вздохом, – хотя мне очень жаль расставаться с ним!

– Никто здесь не купит такой камень, Хуанна, да он, может быть, и не настоящий рубин!.. Может быть, Уоллес даст мне безделицу, хотя мне не хотелось бы просить у него!

После прогулки они сели за завтрак, к концу которого вер-нулся из города м-р Уоллес.

– Я принес хорошие новости, – проговорил он, – через два дня здесь будет пароход, так что, расплатившись с моими людьми, я смогу отправиться на нем в Аден, а оттуда домой. Конечно, вы также поедете со мной, так как подобно мне, ве-роятно, достаточно пробыли в Африке. Здесь несколько но-меров «Таимс», просмотрите их, миссис Утрам, пока я буду читать свои письма!

Хуанна взяла номера газеты и начала рассеянно пробегать их, хотя слезы на глазах едва позволяли ей разбирать буквы. Внезапно взгляд ее упал на имя «Утрам», напечатанное на первой странице.

– Леонард! – вскричала она вне себя от удивления. – По-слушай, что здесь написано:

«Если Леонард Утрам, второй сын сэра Томаса Утрама, баронета, бывшего владельца Утрам-Холла, находится, по слухам, в последнее время в Восточной Африке, на территории к северу от бухты Делагоа, или,

в случае его смерти, его законные наследники обратятся к нижеподписавшимся, то он или они услышат весьма важные известия, касающиеся его или их материального положения.

Томсон и Тернер, улица Альберта, 2, Лондон».

– Вы шутите, Хуанна? – спросил Леонард.

– Взгляните сами! – ответила она.

Он взял газету и прочел несколько раз объявление.

– Прекрасно, – сказал наконец Леонард, – я уверен только в одном, что никто так не нуждается в хороших известиях, касающихся материального благосостояния, как я, у которого в данную минуту, кроме рубина, быть может, нет ничего. Я не знаю даже, как мне быть с любезным приглашением гг. Томсона и Тернера: разве послать им письмо, и до получения ответа жить в кафрской хижине?

– Не беспокойтесь об этом, дружище! – сказал Уоллес. – У меня есть с собой достаточно наличных денег; они в вашем распоряжении!

– Мне совестно злоупотреблять вашей любезностью! – отвечал, покраснев, Леонард. – Быть может, это объявление не значит ничего или меня ждет наследство в пятьдесят фунтов, хотя я не знаю, кто мог оставить мне даже и такую сумму. Как же я расплачусь с вами?

– Пустяки! – сказал Уоллес.

– Хорошо, – прибавил Леонард, – нищие должны спрятать в карман свою гордость!

Через два дня из города сообщили им, что направляющийся на север пароход подходит. Тогда Оттер, последнее время не говоривший ни слова, торжественно приблизился к Леонарду и Хуанне с протянутой вперед рукой.

– Что такое, Оттер? – спросил Леонард, помогавший в это время Уоллесу укладывать его охотничьи трофеи.

– Ничего, баас; я пришел сказать «прости» тебе и Пастушке, вот и все. Я хочу уйти прежде, чем увижу, как паровая рыба увезет вас прочь!

Леонард и Хуанна так сроднились с Оттером, что даже во время приготовления к отъезду в Англию никому из них в голову не пришла мысль о возможности расстаться с ним.

– Почему же ты хочешь уходить? – спросил Леонард.

– Потому что я – безобразная старая собака, баас, и не могу быть полезен вам там! – кивнул карлик по направлению к морю.

– Кажется, ты намекаешь на то, что не хочешь оставить Африки даже на время? – сказал Леонард с плохо скрытым огорчением и тревогой. – А я взял тебе билет на пароход!

– Что говорит баас? – медленно спросил Оттер. – Баас взял мне место на паровой рыбе?

Леонард утвердительно кивнул головой.

– В таком случае, я прошу прощения, баас! Я думал, что ты покончил со мной и хочешь бросить меня, как сломанное копьё!

– Значит, ты хочешь ехать, Оттер? – сказал Леонард.

– Хочешь ехать?! – с удивлением воскликнул карлик. – Разве ты не мой отец и моя мать и разве то место, где будешь ты, не мое место? Знаешь ли, баас, что я теперь хотел сделать? Я хотел влезть на вершину дерева и следить за паровой рыбой, пока она не исчезнет на краю света; затем я взял бы эту веревку, так хорошо мне послужившую среди народа тумана, накинул бы ее себе на шею и повесился бы на том дереве.

Леонард отвернулся, чтобы скрыть слезы, выступившие у него на глазах; привязанность карлика тронула его более, чем он хотел показать.

КОНЕЦ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Спустя шесть недель после описанных событий, к подъезду дома Э 2 на улице Альберта в Лондоне подъехал экипаж, из которого вышли Леонард и Хуанна, значительно поправившиеся за время своего морского путешествия. Войдя с Хуанной в контору гг. Томсона и Тернера, молодые люди обратились к добродушному плотному господину, вставшему при их появлении из-за стола:

– Вы поместили объявление в «Taimes» о Леонарде Утраме?

– Да, сэр, – ответил адвокат. – Вы имеете какие-нибудь известия об этом лице?

– Да, имею! Я – Леонард Утрам, а это леди – моя жена.

Адвокат учтиво поклонился.

– Это очень приятно, – сказал он, – мы уже перестали бы-
ло надеяться. Но необходимо кое-какие доказательства ва-
шей личности!

Леонард рассказал адвокату вкратце все важнейшие собы-
тия своей жизни. Выслушав его внимательно, адвокат, взяв
из железного шкафа, вделанного в стену, какой-то пакет, по-
дал его молодому человеку. Развернув пакет, Леонард узнал
почерк Джен Бич. Это было письмо, полученное им от Джен
Бич, первое и последнее.

В этом письме было следующее:

*«Мой дорогой Леонард! Будучи вдовой, я могу вас
назвать так без всякого стыда, зная, что вы дороги
моему сердцу. Завещание, которое я подпишу завтра,
докажет вам, если вы еще живы, в чем я уверена, как
велика была моя забота о том, чтобы вы могли снова
вступить во владение домом предков, который судьба
отняла у вас. Вот почему для меня большая радость,
что я могу составить в вашу пользу завещание, что
и делаю со спокойной совестью ввиду того, что мой
покойный муж, не имея ближайших родственников,
оставил все свое состояние в мое полное распоряжение
в случае смерти нашей дочери, что, к моему горю, и
случилось.»*

*Дай Бог вам самим в течение долгого времени
пользоваться состоянием и землями, которые я смогла
вернуть вашей семье, и пусть ваши дети и их потомки*

владеют Утрамом на многие годы.

Но довольно об этом. Я должна еще объяснитьсь с вами и попросить у вас прощения. Быть может, Леонард, вы давно забыли меня, и когда эти строки попадутся вам на глаза, вы будете любить другую женщину. Но нет, не может быть, Леонард, чтобы вы могли совсем забыть меня, вашу первую любовь; никакая женщина не будет никогда для вас тем, чем была я; по крайней мере, я верю в это в моей суетности и безумии.

Быть может, вы спросите, какое возможно объяснение между нами после того, как я оскорбила мою собственную любовь, отдавши себя другому. Поверьте, я боролась, сколько могла, но отец заставил меня выйти замуж за Когена.

И вот после шести лет с той снежной ночи, когда мы расстались, наступает конец, я умираю. Богу угодно было взять мою маленькую дочь; этого последнего удара я не могу перенести и вскоре пойду за ней, чтобы вместе с ней ждать того времени, когда я еще раз увижу ваше незабвенное лицо.

Вот все, что я хотела вам сказать, дорогой Леонард. Простите меня и – прибавлю еще в своем эгоизме – не забывайте вашу Джен».

Леонард положил письмо на стол и снова закрыл лицо руками, чтобы скрыть волнение, овладевшее им при мысли о глубине и чистоте любви умиравшей женщины.

– Могу я прочесть это письмо, Леонард? – спросила спо-

койно Хуанна.

– Да, я думаю! – отвечал он, смутно чувствуя, что лучше выяснить вопрос раз и навсегда во избежание будущих недоразумений.

Хуанна, взяв письмо, дважды прочла его так, что запомнила все до последнего слова, затем, ничего не говоря, возвратила адвокату.

Через полчаса Леонард и Хуанна были одни в номере отеля, но ни слова не было произнесено ими с тех пор, как они оставили контору адвоката.

– Разве вы не видите, Леонард, – сказала наконец горячо его жена, – что с вами произошло недоразумение? Пророчество вашего умиравшего брата было подобно изречениям Дельфийского оракула, его можно было понимать двояко, и, конечно, вы привели неверное объяснение. Вы оставили Могильную гору днем раньше, чем следовало. Вам предсказано было, что вы вернете Утрам при помощи Джен Бич, а не меня! – и она грустно усмехнулась.

– Не говорите так, дорогая, – сказал печально Леонард. – Мне больно...

– Как же иначе я могу говорить, прочтя это письмо? – отвечала она. – Теперь я всю жизнь должна быть обязанной ей за ее доброту. О! Если б я только не потеряла этих рубинов, если б я их не потеряла!

Прошла еще неделя, и Леонард вместе с Хуанной очутились снова в большой зале дома Утрамов, где несколько лет

тому назад зимней ночью он произнес с братом клятву. В этой зале все было оставлено на прежних местах; об этом позаботилась Джен. По-прежнему на пюпитре лежала древняя Библия, над которой они с братом произнесли клятву, на стенах, как и прежде, висели портреты предков, спокойно смотревшие на него. Неприкосновенным осталось и окно с рисунками геральдических щитов, покрытых девизами – «за любовь, дом и честь» и «per ardua ad astra». Он снова владел домом и восстановил свою честь. Он преодолел лишения и опасности, и звездная корона принадлежала ему.

Чувствовал ли Леонард себя вполне счастливым, когда смотрел на знакомые ему семейные реликвии? Быть может, не совсем: там, на кладбище, была могила с надгробием из белого мрамора.

Была ли счастлива Хуанна? Она хорошо знала, что Леонард искренно побит ее, но – увы! Ей было горько сознавать, что ее усилия пропали и она была лишена награды за них, которая досталась другой, показавшей себя если не лживой, то слабой. Она была уверена в том, что постоянно, днем и ночью, будет чувствовать в этом доме присутствие женской тени, тени бледной красивой женщины, которая будет стоять между ней и сердцем ее супруга.

Одним словом, сейчас, в час полного благополучия, Леонард и Хуанна поняли справедливость французской поговорки, что фортуна никогда не дарит обеими руками, а, отдавая одной, любит отнимать другой рукой.

Прошло около десяти лет, и сэр Леонард, уже член парламента и лорд-наместник своего графства, в первое майское воскресенье выходил из церкви в сопровождении жены, самой красивой женщины во всем графстве, и троих или четверых детей, мальчиков и девочек, здоровых и прелестных. Посетив одну могилу, лежавшую близ алтаря, они пошли домой через зазеленевший парк и ярдах в ста от двери Утрам-Холла остановились у входа в жилище, известное под именем «краалья», которое имело вид пчелиного улья и было построено из соломы и жердей руками одного Оттера.

Греясь на солнце у входа в хижину, сидел сам карлик, работая с ножом в руке над кучей молодых ясеневых деревьев, из которых он делал метлы.

– Здравствуй, баас! – сказал он, когда приблизился к нему Леонард. – Баас Уоллес уже здесь?

– Нет, он придет к обеду. Помни, что тебя ждут, Оттер!

– Я не опоздаю, баас, в этот день всех дней!

– Оттер, – вскричала маленькая девочка, – ты не должен делать метлы в воскресенье, это не хорошо!

Оттер засмеялся в ответ на эти слова и обратился Леонарду на языке, который понимали только они одни.

– Что я говорил тебе много лет тому назад, баас? – сказал карлик. – Разве я не сказал, что, так или иначе, ты станешь богат и большой крааль за морем будет снова твоим, и дети чужеземцев не будут бегать в нем? Вот, мои слова исполнились! – и он показал рукой на детей. – Да, я, Оттер, бывший

во многих случаях глупцом, оказался хорошим пророком!

Несколько часов спустя обед в большой зале окончился. Все слуги ушли, включая Оттера, который, одетый в белую куртку, стоял за стулом своего господина.